

**РОССИЙСКОЕ
ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ
ОБЩЕСТВО**

**РОССИЙСКИЙ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

том 7 № 5-6

Москва

2010

Российский психологический журнал

Учредитель – Российское психологическое общество

Главный редактор – д. пс. наук, профессор Зинченко Ю.П.

Редакционный совет

д.пед.наук, проф. Акопов Г.В.
д.пс.наук, проф. Аллахвердов В.М.
д.пс.наук, проф. Дебольский М.Г.
д.пс.наук, проф. Забродин Ю.М.
д.пс.наук, проф. Карпов А.В.
д.биол.наук, проф. Киров В.Н.
академик РАО, д.пс.наук, проф. Климов Е.А.
д.пс.наук, проф. Леонтьев Н.И.
канд.пс.наук, доцент Магомед-Эминов М.Ш.
д.пс.наук, проф. Малофеев Н.Н.
д.пс.наук, проф. Марьин М.И.
д.пс.наук, проф. Перельгина Е.Б.

д.пс.наук, проф. Попов Л.М.
академик РАО, д.пед.наук, проф. Рубцов В.В.
член-корр. РАО, д.пс.наук, проф. Реан А.А.
д.пс.наук, проф. Рыбников В.Ю.
д.пс.наук, проф. Скрипкина Т.П.
д.пс.наук, проф. Смирнов С.Д.
д.пс.наук, проф. Черноризов А.М.
академик РАО, д.пс.наук, проф. Шадриков В.Д.
д.филос.наук, проф. Шукуратов В.А.
д.пс.наук, проф. Шмелев А.Г.
академик РАО, д.пс.наук, проф. Фельдштейн Д.И.

Редакционная коллегия

д.пс.наук, проф. Абакумова И.В.
д.пс.наук, проф. Асмолов А.Г.
д.пс.наук, проф. Базаров Т.Ю.
(заместитель главного редактора)
д.биол.наук, проф. Безруких М.М.
д.пс.наук, проф. Боговяленская Д.Б.
академик РАО, д.пс.наук, проф. Деркач А.А.
д.пс.наук, проф. Донцов А.А.
член-корр. РАО, д.пс.наук, проф. Дубровина И.В.

д.пс.наук, проф. Журавлев А.Л.
д.пс.наук, проф. Егорова М.С.
член-корр. РАО, д.биол.наук, проф. Ермаков П.Н.
(заместитель главного редактора)
д.пс.наук, проф. Измайлов Ч.А.
д.пс.наук, проф. Лабунская В.А.
д.пс.наук, проф. Леонова А.Б.
д.пс.наук, проф. Сергиенко Е.А.
д.пс.наук, проф. Тхостов А.Ш.
канд.пс.наук, доцент Цветкова Л.А.

Ответственный секретарь – Белугина Е.В.

Выпускающий редактор – Попова-Щербакова Л.В.

Компьютерная верстка – Кубеш И.В.

Адрес редакции:

пр. Нагибина, 13, ком. 243,
г. Ростов-на-Дону, 344038
Тел. (863) 243-15-17; факс 243-08-05
E-mail: rpj@psyf.rsu.ru

Адрес учредителя:

ул. Ярославская, 13,
г. Москва, 129366
Тел./ факс (495) 283-55-30
E-mail: rpo@psychology.ru

Каталог Роспечати «Газеты, Журналы». Подписной индекс 46723.

Перепечатка материалов возможна только по согласованию с редакцией.

СОДЕРЖАНИЕ

НАШИ АВТОРЫ

5

ПРЕДИСЛОВИЕ

15

Абакумова И.В., Богуславская В.Ф. Методы противодействия экстремизму этноконфессиональной направленности: основные направления практической работы.

17

Абакумова И.В. Психологические технологии формирования антитеррористических ценностей в молодежной среде

23

Бабиянц К.А. Дифференциально-диагностические возможности методики «Устранение причин и факторов роста экстремизма этноконфессиональной направленности»

27

Бреус Е.Д. Особенности представлений об экстремисте-террористе как трудном партнере общения у студенческой молодежи

31

Васильева О.С. Роль образования в сфере психологии здоровья в формировании гуманистической системы ценностей

36

Воронцов Д.В. Гегемонная маскулинность и механизмы отношений доминирования в межгрупповом общении как социально-психологические детерминанты феномена терроризма в России

41

Гриднева С.В. Развитие коммуникативной компетентности каждого члена семьи – одно из эффективных средств профилактики идеологии экстремизма и терроризма

47

Гришина А.В. Психологические особенности восприятия образа трудового мигранта в СМИ в молодежной среде

52

Дикая Л.А. Обратная сторона креативности. Роль креативности в противодействии терроризму

57

Дикий И.С. Возможности применения полиграфа и новых альтернативных методов инструментальной детекции лжи для предупреждения террористических угроз

63

Ермаков П.Н., Брижак З.И. Высшее образование и система противодействия идеологии терроризма

68

Звездина Г.П. Проблема формирования мировоззренческой безопасности как средства профилактики экстремизма в молодежной среде

76

Кара Ж.Ю. Формирование толерантности в процессе творчества

81

Корневская М.Е., Левшина А.А. Применение проектного метода в развитии толерантности подростков

85

Крутелёва Л.Ю. Формирование антитеррористического сознания на основе смысложизненной концепции личности	91
Попова-Щербакова Л.В. Отношение молодёжи Южного федерального округа к терроризму и экстремизму	96
Самойлина Т.Г., Середина Н.В. Содержание представлений о террористе и террористической угрозе у жителей разных регионов Южного федерального округа РФ	103
Сарычев Н.В., Мельниченко Д.В. Внешние и внутренние угрозы информационной безопасности России	108
Тацёва А.И. Российская семья как ресурс и диагностический критерий противодействия экстремизму и терроризму	115
Федотова О.Д. У истоков проблемы педагогической превенции терроризма: подход западногерманского исследователя	121
Фоменко В.Т., Абакумова И.В. Ценностно-смысловые установки как компонент формирования антитеррористического мышления	127
Шкурко Т.А., Гольдин О.С. Личностные и социально-психологические факторы боеготовности воинских подразделений – участников контртеррористических операций	134
Юшко Г.Н. Формирование гуманистического мировоззрения учащихся как основа противодействия терроризму и экстремизму (на примере изучения предметов естественнонаучного цикла)	140

НАШИ АВТОРЫ

Абакумова Ирина Владимировна

член-корреспондент Российской академии Образования,
зав. кафедрой общей психологии и психологии развития
факультета психологии Южного федерального универси-
тета, профессор, доктор психологических наук
Служебный адрес: 344038,
г. Ростов-на-Дону, пр. М. Нагибина, 13, к. 217
Служебный телефон: +7 (863) 243–07–11
E-mail: obpsihologia@yandex.ru

Бабиянц Каринэ Артемовна

доцент кафедры общей психологии и психологии развития
факультета психологии Южного федерального универси-
тета, кандидат психологических наук
Служебный адрес: 344038,
г. Ростов-на-Дону, пр. М. Нагибина, 13, к. 217
Служебный телефон: +7 (863) 243–07–11
E-mail: bakart@sfedu.ru

Богуславская Виктория Федоровна

доцент кафедры общей психологии и психологии развития
факультета психологии Южного федерального универси-
тета, кандидат психологических наук
Служебный адрес: 344038,
г. Ростов-на-Дону, пр. М. Нагибина, 13, к. 217
Служебный телефон: +7 (863) 243–07–11
E-mail: vikbog04@yandex.ru

Бреус Елена Дмитриевна

доцент кафедры социальной психологии факультета психологии Южного федерального университета, кандидат психологических наук

Служебный адрес: 344038,

г. Ростов-на-Дону, пр. М. Нагибина, 13, к. 234

Служебный телефон: +7 (863) 230–32–37

E-mail: rsu-elena@yandex.ru

Брижак Зинаида Игоревна

доцент кафедры юридической и военной психологии факультета психологии Южного федерального университета, кандидат психологических наук

Служебный адрес: 344038,

г. Ростов-на-Дону, пр. М. Нагибина, 13, к. 229

Служебный телефон: +7 (863) 243–06–11

E-mail: law@sfedu.ru

Васильева Ольга Семеновна

зав. кафедрой психологии здоровья и физвоспитания, профессор, кандидат биологических наук

Служебный адрес: 344038,

г. Ростов-на-Дону, пр. М. Нагибина, 13, к. 241

Служебный телефон: +7 (863) 230–32–27

E-mail: vos@sfedu.ru

Воронцов Дмитрий Владимирович

доцент кафедры социальной психологии факультета психологии Южного федерального университета, кандидат психологических наук

Служебный адрес: 344038,

г. Ростов-на-Дону, пр. М. Нагибина, 13, к. 234

Служебный телефон: +7 (863) 230–32–37

E-mail: dmvorontsov@sfedu.ru

Гольдин Олег Святославович

подполковник, слушатель Общевоинской академии Сухопутных войск

Служебный адрес: 119992,

г. Москва, проезд. Девичьего поля, 4

Служебный телефон: +7 (495) 248–90–91

E-mail: prujina@inbox.ru

Гриднева Светлана Валерьевна

доцент кафедры общей психологии и психологии развития факультета психологии Южного федерального университета, кандидат психологических наук

Служебный адрес: 344038,

г. Ростов-на-Дону, пр. М. Нагибина, 13, к. 217

Служебный телефон: +7 (863) 243–07–11

E-mail: gridneva-sveta@mail.ru

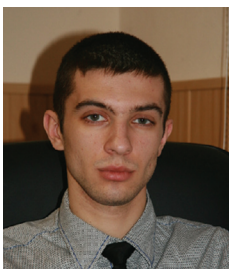
Гришина Анастасия Васильевна

преподаватель кафедры общей психологии факультета психологии Южного федерального университета
Служебный адрес: 344038,
г. Ростов-на-Дону, пр. М. Нагибина, 13, к. 217
Служебный телефон: +7 (863) 243-07-11
E-mail: anastasiadyakova@yahoo.com

Дикая Людмила Александровна

доцент кафедры психофизиологии и клинической психологии факультета психологии Южного федерального университета, кандидат психологических наук.
Служебный адрес: 344038,
г. Ростов-на-Дону, пр. М. Нагибина, 13, к. 236
Служебный телефон: +7 (863) 230-32-37
E-mail: dikayapsy@aaanet.ru

Дикий Игорь Сергеевич

преподаватель кафедры психофизиологии и клинической психологии факультета психологии Южного федерального университета
Служебный адрес: 344038,
г. Ростов-на-Дону, пр. М. Нагибина, 13, к. 236
Служебный телефон: +7 (863) 230-32-37
E-mail: igordik@yandex.ru

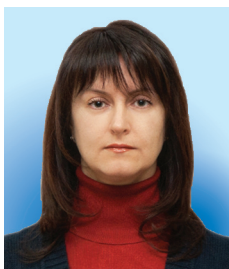
Ермаков Павел Николаевич

член-корреспондент Российской академии Образования, декан факультета психологии Южного федерального университета, заведующий кафедрой психофизиологии и клинической психологии, профессор, доктор биологических наук
Служебный адрес: 344038,
г. Ростов-на-Дону, пр. М. Нагибина, 13, к. 205
Служебный телефон: (863) 230–32–07
E-mail: psyf@sfedu.ru

Звездина Галина Павловна

доцент кафедры общей психологии и психологии развития факультета психологии Южного федерального университета, кандидат психологических наук
Служебный адрес: 344038,
г. Ростов-на-Дону, пр. М. Нагибина, 13, к. 217
Служебный телефон: +7 (863) 243–07–11
E-mail: galzvezdina@yandex.ru

Кара Жанна Юрьевна

доцент кафедры общей психологии и психологии развития факультета психологии Южного федерального университета, кандидат психологических наук
Служебный адрес: 344038,
г. Ростов-на-Дону, пр. М. Нагибина, 13, к. 217
Служебный телефон: +7 (863) 243–07–11
E-mail: kara_j@mail.ru

Кореневская Марина Евгеньевна

доцент кафедры педагогики и педагогической психологии Южного федерального университета, кандидат психологических наук

Служебный адрес: 344038,

г. Ростов-на-Дону, пр. М. Нагибина, 13, к. 227

Служебный телефон: +7 (863) 230–32–57

E-mail: darrost@yandex.ru

Крутелова Людмила Юрьевна

доцент кафедры общей психологии и психологии развития факультета психологии Южного федерального университета, кандидат психологических наук

Служебный адрес: 344038,

г. Ростов-на-Дону, пр. М. Нагибина, 13, к. 217

Служебный телефон: +7 (863) 243–07–11

E-mail: lkrut@yahoo.com

Левшина Анастасия Андреевна

педагог-психолог Центра по работе с одаренными детьми «Дар»

Служебный адрес: 344006,

г. Ростов-на-Дону, пр. Б. Садовая, 55, оф. 201

Служебный телефон: +7 (863) 240–39–06

E-mail: a.a.levshina@gmail.com

Мельниченко Дмитрий Владимирович

специалист по работе с внешней торговой сетью ОАО «Вымпелком»

Служебный адрес: 344002,

г. Ростов-на-Дону, ул. Шаумяна, 106

Служебный телефон: +7 (903) 403-10-10

E-mail: DMelnichenko@rnd.beeline.ru

Попова-Щербакова Лариса Владимировна

доцент кафедры социальной психологии факультета психологии Южного федерального университета

Служебный адрес: 344038,

г. Ростов-на-Дону, пр. М. Нагибина, 13, к. 243

Служебный телефон: +7 (863) 243-15-17

E-mail: chlvsfedu.ru

Самойлина Татьяна Григорьевна

доцент кафедры юридической и военной психологии факультета психологии Южного федерального университета, кандидат психологических наук

Служебный адрес: 344038,

г. Ростов-на-Дону, пр. М. Нагибина, 13, к. 229

Служебный телефон: +7 (863) 243-06-11

E-mail: tsam244@rambler.ru

Сарычев Николай Владимирович

аспирант кафедры общей психологии и психологии развития факультета психологии Южного федерального университета

Служебный адрес: 344038,

г. Ростов-на-Дону, пр. М. Нагибина, 13, к. 217

Служебный телефон: +7 (863) 243-07-11

E-mail: obpsihologia@yandex.ru

Середина Наталья Васильевна

ст. преподаватель кафедры психофизиологии и клинической психологии факультета психологии Южного федерального университета

Служебный адрес: 344038,

г. Ростов-на-Дону, пр. М. Нагибина, 13, к. 236

Служебный телефон: +7 (863) 230-32-37

E-mail: senata46@mail.ru

Ташчева Анна Ивановна

доцент кафедры психологии личности факультета психологии Южного федерального университета

Служебный адрес: 344002,

г. Ростов-на-Дону, пр. М. Нагибина, 13, к. 239

Служебный телефон: +7 (863) 230-32-47

E-mail: pat@sfedu.ru

Федотова Ольга Дмитриевна

зав. кафедрой психологии и педагогики высшего образования Южного федерального университета, профессор, доктор педагогических наук
Служебный адрес: 344038,
г. Ростов-на-Дону, пр. М. Нагибина, 13, к. 216
Служебный телефон: +7 (863) 230-32-07
E-mail: veritas11@mail.ru

Фоменко Владимир Трофимович

зав. кафедрой педагогики и педагогической психологии Южного федерального университета, профессор, доктор педагогических наук
Служебный адрес: 344038,
г. Ростов-на-Дону, пр. М. Нагибина, 13, к. 227
Служебный телефон: +7 (863) 230-32-57
E-mail: fomvt@sfedu.ru

Шкурко Татьяна Алексеевна

доцент кафедры социальной психологии факультета психологии Южного федерального университета, кандидат психологических наук.
Служебный адрес: 344038,
г. Ростов-на-Дону, пр. М. Нагибина, 13, к. 234
Служебный телефон: +7 (863) 230-32-37
E-mail: shkurko@rsu.ru

Юшко Галина Николаевна

доцент кафедры педагогики и педагогической психологии Южного федерального университета, кандидат педагогических наук

Служебный адрес: 344038,

г. Ростов-на-Дону, пр. М. Нагибина, 13, к. 227

Служебный телефон: +7 (863) 230-32-57

E-mail: yugn@sfedu.ru

ПРЕДИСЛОВИЕ

Терроризм и экстремизм выступают одними из главных угроз современному миру и безопасности человечества. Значимой комплексной задачей сегодня является разработка и реализация системы государственных мер по формированию толерантности и профилактике экстремизма в российском обществе. Важную роль в повышении эффективности противодействия идеологии терроризма, в создании надежных барьеров на путях ее проникновения в общественное сознание играют институты гражданского общества, научное и образовательное сообщество.

Одной из актуальных задач государственной политики в настоящее время является профилактика асоциального поведения и экстремизма в молодежной среде. Современная молодежь, находясь на стыке переоценки традиционных ценностей и формирования новых социальных отношений, наиболее чутко воспринимает социокультурные изменения в обществе. В этой связи именно молодежь является той «группой риска», которая легче всего вовлекается в экстремистскую и террористическую деятельность.

Проблема профилактики терроризма и противодействия вовлечению молодежи в террористическую активность ставит перед учеными, и, в первую очередь психологами, новые задачи по обозначению специфики деятельности психологов в этом процессе и определения психологических механизмов для решения этих проблем.

Значимым вкладом в решение научным сообществом данных задач являются организация ведущими вузами страны научных конференций, в том числе

проведенные осенью 2010 года: Антитеррористический фестиваль студенческой, научной и творческой молодежи «Мир Кавказу» (на базе факультета психологии ЮФУ) и Шестая международная научная конференция по проблемам безопасности и противодействия терроризму (на базе МГУ).

В этом выпуске Российского психологического журнала представлены статьи ученых-психологов, в которых поднимаются актуальные проблемы профилактики в молодежной среде терроризма и экстремизма: проблема разработки психологических технологий формирования антитеррористических ценностей в молодежной среде, проблема угрозы информационной безопасности России, исследование факторов и условий формирования антитеррористического мышления и толерантности, анализ социально-психологических детерминант феномена терроризма в России, изучение содержания представлений о террористе и террористической угрозе у жителей регионов ЮФО (в том числе, у молодежи), описание практических методов противодействия экстремизму этноконфессиональной направленности.

В заключение хотелось бы отметить, что общество и государство ждет от нас, научного сообщества, многоуровневой работы в научной и практической разработке перспективных направлений профилактической работы, новых форм и методов информационного противодействия терроризму и экстремизму, в формировании антитеррористической идеологии молодежи.

*Ю.П. Зинченко
главный редактор журнала,
президент РПО,
член-корреспондент РАО,
декан факультета психологии МГУ,
доктор психол. наук, профессор*

Абакумова И.В., Богуславская В.Ф.

Методы противодействия экстремизму этноконфессиональной направленности: основные направления практической работы.

Межэтнические противоречия существенным образом обостряют политическую ситуацию на Северном Кавказе, которая характеризуется наличием вооруженных конфликтов (чеченский, чечено-дагестанский, осетино-ингушский, грузино-абхазский, грузино-южноосетинский, карабахский). На фоне этих конфликтов радикальные националистические организации Северного Кавказа при активной поддержке извне предпринимают попытки по реализации своих сепаратистских замыслов, которые направлены на разрушение государственного единства и территориальной целостности нашей страны. Для того, чтобы противостоять этим тенденциям необходимо не только использовать тот позитивный опыт, который имеется уже на сегодняшний день, но и искать новые способы привлечения представителей различных конфессий к популяризации антиэкстремистских идей.

Ключевые слова: терроризм и экстремизм, экстремизм этноконфессиональной направленности, гражданское общество, социальное партнерство.

С экстремизмом этноконфессиональной направленности должны бороться и общество, и государство. Методы этой борьбы у них различны.

Государство устраняет социально-экономические и политические условия, способствующие возникновению экстремизма этноконфессиональной направленности и решительно пресекает противозаконную деятельность экстремистов.

Гражданское общество должно противодействовать этому виду экстремизма, противопоставляя экстремистским идеям и призывам идеи политической и этно-религиозной толерантности, гражданского мира и межнационального согласия.

Анализ теоретических и методических исследований этноконфессиональных и этнонациональных проблем позволяет выделить принципы (как исходные теоретические позиции при разработке практикоориентированных методов), на которых должно быть построено противодействие экстремизму этноконфессиональной направленности:

- 1) принцип интеграции и взаимодополнения – принцип работы государственных и общественных структур, которые участвуют в реализации политики противодействия экстремизму, должны действовать не просто согласовано, а комплексно, помогая друг другу. В настоящее время действует принцип

параллельных служб, который не оправдывает себя, так как действия субъектов противодействия зачастую не соответствуют друг другу (или просто неосведомлены о действиях других структур);

- 2) принцип конфессионального равноправия (конфессиональной паритетности) – «единство во многообразии», все конфессии (которые разрешены государством) имеют равные права в доступе к информации, проведение религиозных мероприятий и т.д. и должны принимать участие в популяризации и профилактике антиэкстремистских проявлений (должен быть преодолен барьер «литерных» религий);
- 3) принцип адресной направленности – методы и мероприятия связанные с противодействием экстремизму и популяризацией антиэкстремистской идеологии должны быть ориентированы на ценностные ориентации различных возрастных, социальных, национальных и конфессиональных групп (современные принципы пропаганды по типу «Всемир! Всемир! Всемир!» показали свою малоэффективность).

Эти три принципа позволяют выработать модель социального партнерства общества и государства с целью развития системы противодействия экстремизму этноконфессиональной направленности, которая может быть представлена как «Модель социального партнерства общества и государства по противодействию экстремизму» (рисунок 1).

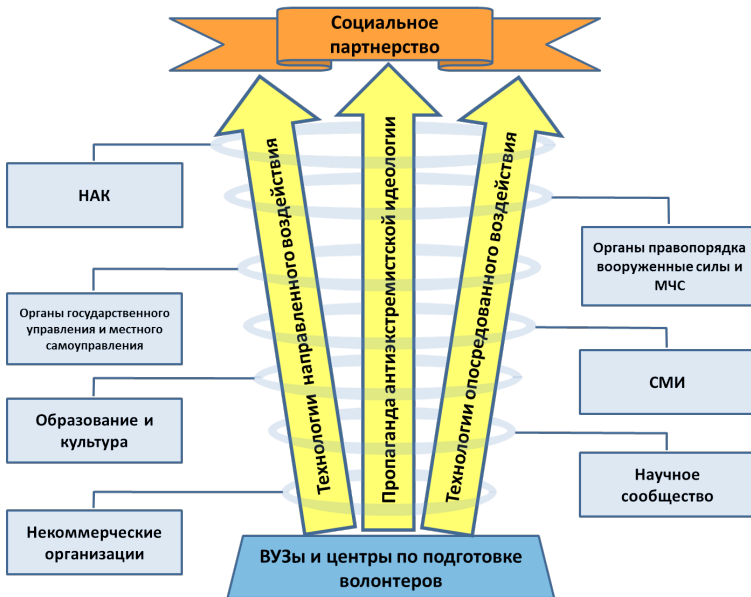

Рис. 1. Модель социального партнерства общества и государства по противодействию экстремизму

Социальное партнерство в данном контексте должно пониматься как система субъектов противодействия экстремизму этноконфессиональной направленности и механизмов согласования интересов всех участников процесса противодействия: государственных структур и граждан. Развитие социального партнерства в его различных формах – важная составная часть процесса усиления общественного фактора в системе противодействия экстремизму. В системе социального партнерства интересы государства представляют силовые ведомства, НАК, государственные структуры, а интересы граждан – органы самоуправления, общественные и религиозные организации, СМИ, образовательные институты. Политика социального партнерства должна стать идеологической основой для проведения пропаганды антитеррористических ценностей.

Для преодоления экстремизма этноконфессиональной направленности могут применяться самые различные формы и методы противодействия по следующим направлениям: политические, экономические, социальные, психологические, информационные. Глубоко продуманная правовая база демократического государства, выверенная и тщательно взвешенная религиозная и национальная политика и умелое их использование способны выработать эффективные механизмы по профилактике этноконфессионального экстремизма в России, угрожающего основам многонационального государства.

Политические методы противодействия экстремизму этноконфессиональной направленности в РФ:

- взаимодействие государственных органов власти РФ и религиозных объединений, при сохранении и позиционировании приоритетов, заложенных в государственном законодательстве;
- решительные меры по перекрытию каналов финансирования экстремистов из-за рубежа и из местных источников (например, от зарубежных общественных объединений, имеющих представительства в различных регионах РФ);
- совершенствование правовой базы противодействия экстремизму (в том числе и экстремизму этноконфессиональной направленности);
- охрана прав религиозных и этнических меньшинств, борьба с нарушениями, допускаемыми должностными лицами;
- активизация идеологической работы через потенциал спецслужб;
- укрепление международных аспектов этноконфессиональной политики РФ, энергичные меры, препятствующие распространению различных экстремистских течений ислама и деструктивных сект, питающих сепаратизм, терроризм и порождающих в обществе установки интолерантности.

Экономические методы противодействия экстремизму этноконфессиональной направленности:

- преодоление глубокой дифференциации социальных и этнических групп, поляризации их интересов, маргинализации определенной части населения (особенно в пределах отдельных субъектов РФ);

- ликвидация безработицы;
- создание благоприятных условий для привлечения финансовых вложений в регион и, как следствие, развитие производства и промышленности;
- энергетическое обеспечение региона;
- искоренение коррупции (публичное разоблачение и осуждение чиновников и силовиков, по роду служебных обязанностей взаимодействующих с религиозными деятелями, разоблачение коррумпированных представителей различных конфессий);
- программы экономической помощи и экономического стимулирования молодежи (стипендии, гранты, субсидии).

Социальные методы противодействия экстремизму этноконфессиональной направленности в РФ:

- обеспечение процесса оздоровления социально-политической обстановки в постконфликтных регионах страны;
- инициация позитивных социальных перспектив значительной части населения (здравоохранение, обучение, отдых);
- система социальной защиты групп населения, находящихся в ситуациях жизненного кризиса (инвалиды, малоимущие, пенсионеры, безработные);
- специализированные программы помощи молодежи (молодые семьи, стипендии, помощь молодым специалистам);
- создание условий для развития традиционной и самобытной культуры (конкурсы, фестивали, выставки);
- публичное осуждение актов вандализма по мотивам идеологической, политической, расовой, национальной или религиозной ненависти либо вражды, а равно по мотивам ненависти либо вражды в отношении какой-либо социальной группы (например, экстремистские действия в отношении мигранты).

Психолого-педагогические методы противодействия экстремизму этноконфессиональной направленности:

- патриотическое воспитание молодежи, нацеленность на неприятие ею идеологии насилия, религиозной и национальной нетерпимости (на всех уровнях системы образования);
- повышение общеобразовательного уровня граждан, особенно в постконфликтных регионах РФ;
- создание эффективной системы просвещения граждан в части культурного и конфессионального многообразия, исторического единства жителей страны, истории религиозной нетерпимости, геноцида и других преступлений, порожденных экстремизмом и терроризмом;
- усиление пропагандистской работы среди всех слоев населения, разъяснение сути антитеррористических идей, укрепление в сознании людей понимания того, что потенциальными жертвами терактов на почве религиозного экстремизма будут не отдельные индивиды и группы, а большинство граждан;

- повышение профессиональной компетентности тех, кто выступает транслятором официальной позиции государства, по отношению к конфессиональной и национальной проблемам (учитель, преподаватель, чиновник, пропагандист и т.д.);
- разработка специализированных психотехнологий и смыслотехнологий для реализации направленного и опосредованного воздействия на ценностные ориентации подрастающего поколения.

Информационные методы противодействия экстремизму этноконфессиональной направленности:

- активное проведение информационно-политических мероприятий, влияющих на ценностные установки населения;
- проведение единой для всех органов государственной власти информационно-пропагандистской работы, направленной на формирование негативного отношения общества к радикальным религиозным, экстремистским и террористическим объединениям;
- создание эффективной системы просвещения граждан об опасности терроризма, религиозной нетерпимости, геноцида и других преступлений, порожденных экстремизмом и национализмом;
- создание сети информационных источников, обеспечивающей получение достоверной информации о террористической угрозе и негативном влиянии экстремистских организаций религиозного и националистического толка (журналы, сайты);
- выпуск разоблачающей литературы о негативном влиянии деструктивных религиозных течений и сект;
- популяризация позитивного опыта взаимодействия органов местного самоуправления, общественных объединений и религиозных организаций.

В традиционных классификациях видов и методов противодействия экстремизму выделяются *силовые методы*, однако, в современных условиях на первый план выходят вместо силовых – политические и идеологические методы борьбы. Важную роль призвана играть правоприменительная практика. Особая значимость силовых, политических, идеологических и правоприменительных методов борьбы с экстремизмом означает, что идеологическая борьба выходит на передний план. В ней активное участие призваны принять общественные объединения, образовательные учреждения, СМИ, религиозные структуры.

Литература

1. Антонян Ю.М., Давитадзе М.Д. Этнорелигиозные конфликты: проблемы, решения. – М., 2004.
2. Борьба с экстремизмом: методологические основы и состояние // Актуальные проблемы национальной безопасности России на современном этапе / Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. – 2004. – № 1.

3. Верховский А. Противодействие национал-экстремизму: проблема и актуальные варианты решения // Антисемитизм и ксенофобия в Российской Федерации. – 2002. – № 11.
4. Горишний К.В. Факторы современного этнического экстремизма на примере Северного Кавказа // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. – 2008. – № 3.
5. Гриб Н.Н. Информационно-психологическая сфера как ведущее звено системы противодействия терроризму // Российский следователь. – 2004. – № 6.
6. Чарный С., Степанищев С. Расизм, ксенофобия, неонацизм в регионах РФ // <http://index.org.ru/>

Абакумова И.В.**Психологические технологии формирования
антитеррористических ценностей в молодежной среде**

На современном этапе развития политической и социально-психологической жизни нашего общества фактически нет популяризации технологий, которые дадут инструментарий тому, кто является носителем общественных и государственных ценностей (официальный представитель власти, журналист, учитель, преподаватель). Зачастую тот, на кого возлагаются государством и обществом функции формирования ценностных ориентаций, просто не знает, как именно он должен воздействовать на представителей молодежи, чтобы помочь им преодолеть стереотипные оценки террористических угроз, ущербные ценности различных молодежных субкультур, далеко не всегда приемлемые идеалы, навязываемые СМИ. Для того чтобы государство и общество могло противостоять тем негативным влияниям, которые в настоящее время все более и более агрессивно воздействуют на молодежь, необходимо разрабатывать технологии воздействия, ориентированные на убеждающий эффект.

Ключевые слова: террористическая пропаганда, идеология, антитеррористические ценности, психотехнологии, смыслотехнологии.

Конфликты на межнациональной и религиозной почве, убийства общественно-политических деятелей, взрывы в общественных местах, захват заложников, погромы – все это совершается террористами с целью посеять панику, создать атмосферу социально-политической напряженности, воздействовать на органы власти для принятия ими выгодных для террористов и экстремистов решений. В этой обстановке возникла необходимость в пересмотре прежних взглядов на проблему формирования антитеррористической идеологии в целом. Она не может быть решена без научного осмысления проблемы применительно к условиям нашей страны на настоящем этапе ее развития, без опережающих теоретических исследований и выработки научно-обоснованных рекомендаций. Существенным достижением в этой области является разработка системы противодействия идеологии терроризма в РФ, в которой непосредственно определены цель, принципы, задачи и методы их реализации по формированию антитеррористической идеологии. Система противодействия идеологии терроризму понимается как совокупность деятельности субъектов, осуществляющих комплексную деятельность по выявлению, предупреждению и устранению причин и условий, порождающих и способствующих распространению идеологии терроризма, совокупность действий по борьбе с информационным терроризмом, по минимизации последствий идеологических и информационных угроз террористического характера. Важная составляющая такой системы – разработка технологий направленного и опосредованного пропагандистского воздействия на ценностные ориентации населения, разных возрастных, социальных, профессиональных и гендерных групп (особенно молодежи).

Однако на современном этапе развития политической и социально-психологической жизни нашего общества фактически нет популяризации технологий, которые дадут инструментарий тому, кто является носителем общественных и государственных ценностей (официальный представитель власти, журналист, учитель, преподаватель). Зачастую тот, на кого возлагаются государством и обществом функции формирования ценностных ориентаций, просто не знает, как именно он должен воздействовать на представителей молодежи, чтобы помочь им преодолеть стереотипные оценки террористических угроз, ущербные ценности различных молодежных субкультур, далеко не всегда приемлемые идеалы, навязываемые СМИ. Для того чтобы государство и общество могло противостоять тем негативным влияниям, которые в настоящее время все более и более агрессивно воздействуют на подростков и юношей, необходимо разрабатывать технологии воздействия, ориентированные на убеждающий эффект. В мировой и отечественной практике такие технологии есть (например – эмоциональный резонанс, социальная индукция, фиксация на авторитетах и т. д.). Они зарекомендовали себя как результативные в плане формирования ценностно-смысловых ориентаций подрастающего поколения. Это позитивный педагогический и психотерапевтический опыт, опыт работы ряда общественных организаций и профессиональных сообществ и, к сожалению, это зачастую опыт тех, кто распространяет идеи расовой нетерпимости, установки катастрофизации, формирует «ореол героя» вокруг участников террористических актов.

Смысловая сфера в юношеском возрасте характеризуется процессами формирования мировоззрения и активной воли, собственных смыслов и личных ценностей, становлением системы смысловой регуляции, характерной для зрелой автономной личности. Это означает, что к 16–17 годам личность выходит на уровень смысловой саморегуляции, основу которой составляет возможность охвата мира в целом в представлении человека; у нее появляется свое собственное, независимое мнение, стремление самостоятельно принимать жизненно-важные решения и нести ответственность за их осуществление; в ее сознании выкристаллизовываются и иерархируются смыслонесущие ценности.

Чтобы перевести убеждающую информацию, являющуюся пока ценностью лишь для транслятора государственных и общественных ценностей, в лично значимую и для молодого человека, последнему необходимо показать, что основанные на этой информации действия и поступки не только не будут противоречить его ценностным ориентациям, но и будут способствовать удовлетворению его определенных потребностей и соответствовать его ценностным ожиданиям.

В процессе использования технологий убеждающих воздействий происходит нивелирование отчуждения личности молодого человека от постигаемого содержания. Этот результат может быть достигнут в процессе направленного воздействия со стороны транслятора, использующего ценностно-смысловые затруднения в качестве задач на выявление смысла или задач на различение смыслов как преодоление ценностно-смысловых барьеров без решения которых

каждый человек, начинает ощущать конфликтность или двойственность ситуации. В ходе решения «задачи на смысл», преодоления ценностно-смысловых барьеров и формирования позитивного ожидания в принятии осваиваемого содержания происходит внутренняя работа личности по соотносению проявлений мотива в нескольких пересекающихся друг с другом плоскостях: в отношении мотива к преодолеваемым личностью ради его достижения внешним и внутренним преградам; по сопоставлению мотива с другими выступающими в сознании субъекта возможными мотивами той же деятельности; по оцениванию мотива в его отношении к принятым личностью нормам и идеалам; по соотносению мотива с реальными с точки зрения личности ее возможностями, т.е. с воспринимаемым образом Я; по сравнению собственного мотива с предполагаемыми мотивами других субъектов. В качестве технологий направленного воздействия убеждающего характера могут быть выделены следующие технологии:

- прямое воздействие на ценностно-смысловую сферу личности;
- использование идентичности с целью формирования заданного отношения к конкретному объекту;
- использование стимульной (в частности, соревновательной) мотивации как фактора формирования определенных смыслов через конвенцию.

Ориентируясь на особенности организации смыслопоисковой активности человека как условие осмысления жизненного опыта (Р.Р. Каракозов), закономерности смысловых координаций, трансформаций смыслов в совместной деятельности и направленной трансляции смыслов в обучении (Д.А. Леонтьев), особенности механизмов психотехники выбора (Ф.Е. Василюк), технологии смыслодиактического воздействия (И.В. Абакумова, П.Н. Ермаков) была разработана технология, которую можно рассматривать как перспективную в качестве трансляционного канала формирования антитеррористической идеологии в молодежной среде. На начальном этапе был разработан процессуальный компонент убеждающих воздействий, и в результате эта технология была ориентирована непосредственно на механизмы смыслообразования, которое понимается в современных гуманитарных науках как процесс распространения смысла от ведущих, смыслообразующих, «ядерных» смысловых структур к частным, периферическим, производным в конкретной ситуации развертывающейся деятельности. Это и опредмечивание актуальных потребностей, в результате которого предмет становится мотивом деятельности, приобретая соответствующий смысл; это и процессы ситуативного развития мотивации, в которых формируется система смысловой регуляции деятельности, обеспечивающая реализацию ее мотива; это и окрашивание в сознании личностным смыслом различных фрагментов образа мира, которые выступают как цели либо условия осуществления деятельности. Процессуальный компонент придает определенный вектор наиболее смылонасыщенным компонентам постигаемого содержания и выводит их смыслообразующий потенциал на уровень раскристаллизации смыслов самого познающего. Процессуальный вектор имеет два достаточно выраженных направления: культурализация (направленность на

раскрытие смысловых пульсаров постигаемого содержания как носителя «кристаллизованного» смысла и смыслообразующего контекста) и персонализация (направленность на раскрытие интроспективных смысловых потенциалов самого постигающего). Субъективный опыт постигающего информацию, замкнувшись на объективных значениях или объективированных смыслах, характеризуется смысловым приращением, динамика которого и может быть названа продуктом убеждения – ценностным приращением.

Литература

1. Абакумова И.В., Ермаков П.Н. Концепция психологической безопасности образовательной среды и основные условия ее обеспечения // Отчет о проведении конференции «Индексы толерантности как индикаторы оценки качества образовательных программ». Доклады и стенограммы выступлений. – Москва: КРЕДО, 2006.
2. Абакумова И.В., Кагермазова Л.Ц. Смысловые коммуникации в учебном процессе: теория и технология направленной трансляции смыслов в обучении. – Нальчик: Изд-во КБГУ, 2008. – 312 с.
3. Абакумова И.В., Соловьева Г.В. Психология толерантности как смысложизненная стратегия нового поколения // Отчет о проведении обучающих семинаров «Повышение компетентности специалистов, привлекаемых для аттестационно-диагностических процедур и мероприятий по контролю качества образования». Доклады и стенограммы выступлений. – Москва: КРЕДО, 2006.
4. Василюк Ф.Е. Психология переживания. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. – 200 с.
5. Каракозов Р.Р. Организация смыслопоисковой активности человека как условие осмысления жизненного опыта // Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии / под ред. Д.А. Леонтьева – М.: Смысл, 1997. – С. 257–273.
6. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. – М.: Смысл, 1999. – 487 с.
7. Панасюк А.Ю. Психология риторики: теория и практика убеждающего воздействия. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2007. – 208 с.

Бабиянц К.А.

**Дифференциально-диагностические возможности
методики «Устранение причин и фактов роста экстремизма
этноконфессиональной направленности»**

В статье рассматриваются диагностические возможности методики «Устранение причин и фактов роста экстремизма этноконфессиональной направленности», приводятся результаты пилотажного исследования типов фрустрационных реакций, связанных с ситуацией проявления экстремизма в молодежной среде, ситуацией угрозы террористического акта и вовлечения в экстремистскую группировку. Анализируются дифференциальные данные (типы реакций относительно возрастной, половой и профессиональной принадлежности).

Ключевые слова: профилактика экстремизма, фрустрация, этноконфессиональность, тип реакции, рефлексия.

Профилактика экстремизма на юге России является сложной и многоаспектной задачей этноконфессиональной направленности. Наиболее актуальным направлением профилактики является формирование у учащейся молодежи и студентов психологического противостояния применениям методов морально-психологического насилия (угрозы, шантаж, демонстрация силы, ультимативные требования, распространение панических слухов).

«Методика по устранению причин и фактов роста экстремизма этноконфессиональной направленности» является эффективным инструментом профилактической деятельности. Её основной целью является развитие у учащихся и студентов навыков саморефлексии: осознание своего места в социуме, своих личностных характеристик, своих поведенческих реакций на те или иные кризисные ситуации, которые сегодня стали частью нашей повседневной жизни, осознание молодыми людьми своих установок по отношению к различным этническим группам, представителям других национальностей, конфессиональной принадлежности, социальных слоев. Профилактической частью методики является обучение дополнительным знаниям о проявлениях терроризма и экстремизма, о заказчиках и исполнителях террористических актов, о том, как необходимо грамотно себя вести, чтобы не пострадали люди и сам человек; формирование потребности интересоваться вопросами политического мирового устройства, изучать мировые политические закономерности развития.

Методика по устранению причин и фактов роста экстремизма этноконфессиональной направленности для отдельных субъектов представлена двумя компонентами: проективным тестом на фрустрацию поведения и рефлексивной игрой интерактивного характера. Тест является модификацией ассоциативно-рисуночного теста С. Розенцвейга. Нами была создана типология реакций на фрустрацию, которая положена в основу оценки эмоционального поведения личности в ситуации

террористической угрозы, в ситуации проявления экстремизма в молодежной среде. Стимулирующая ситуация теста рисуночной фрустрации заключается в схематическом контурном рисунке, который предполагают три совершенно конкретных ситуации.

1. Вовлечение в группировку по средствам угрозы, шантажа, демонстрации силы, ультимативных требований. На стимульных карточках изображены три ситуации: «Кто не с нами – тот против нас», «Если ты не с нами, то пострадают твои близкие», «Если ты не с нами – тебе несдобровать».
2. Экстремистское проявление в молодежной среде. Предполагается, что для каждого тестирующегося это будет своя наиболее значимая ситуация: проявление экстремизма по отношению к представителю другой национальности, представителю другой социальной группы, представителям другого статуса, конфессиональной принадлежности. На стимульных карточках изображены три ситуации: «Футбол», «Сосед по парте», «Дедовщина».
3. Ситуация угрозы террористического акта. Три стимульных карточки: «Заложники», «Угроза взрыва», «Отношение к теракту».

Всего представлено 9 стимульных ситуаций, на которых изображены лица, находящиеся во фрустрационной ситуации. Все ситуации, представленные в тесте, можно отнести к ситуации «препятствия», так как в них какой-нибудь персонаж или группа людей обескураживает, сбивает с толку угрозой или словом. Порядок обработки результатов тестирования аналогичен анализу ответов во фрустрационно-рисуночном тесте С. Розенцвейга [1]. Анализируются направления реакций: экстрапунитивные – реакция направлена на живое или неживое окружение в форме подчеркивания степени фрустрирующей ситуации, в форме осуждения внешней причины фрустрации, или вменяется в обязанность другому лицу разрешить данную ситуацию, интрапунитивные – реакция направлена субъектом на самого себя; испытуемый принимает фрустрирующую ситуацию как благоприятную для себя, принимает вину на себя или берет на себя ответственность за исправление данной ситуации, импунитивные – фрустрирующая ситуация рассматривается субъектом как малозначимая, как отсутствие чьей-либо вины, или нечто такое, что может быть исправлено само собой, стоит только подождать и подумать [1].

Первичные результаты по данной методике были получены в ходе молодежного антитеррористического фестиваля, прошедшего в г. Ростове-на-Дону в 2010 году.

Типичной реакцией студентов на ситуацию вовлечения в экстремистскую группировку была защитная реакция, направленная на живое или неживое окружение в форме отстаивания собственных позиций, с элементами осуждения внешней причины фрустрации, а также реакция принятия на себя ответственности за создавшуюся ситуацию.

В ситуации угрозы террористического акта обнаруживаются усиления реакций на удовлетворение потребности в обеих группах: требуется, ожидается,

подразумевается, что кто-то должен разобраться в ситуации, субъект сам берется решить создавшуюся ситуацию, выражается надежда, что время и нормальный ход событий решит ситуацию, а также новый тип реакции, который выделен только у женщин – конструктивная позиция, – заключается в согласии с требованиями и принятии сложной ситуации: «захват», «заложники». Также обнаружилось отличие мужского и женского реагирования – для женщин свойственна фиксация на переживании информации о препятствии.

Ситуация проявления экстремизма в молодежной среде обнаружила одинаковые типы реакций у мужчин и женщин самозащита с обвинением источника фрустрации и принятие ответственности на себя. В ситуации вовлечения в экстремистскую группировку для мужчин и женщин характерна позиция защиты с элементами обвинения внешнего источника фрустрации, и позиция взятия ответственности на себя. В ситуации возможности террористической угрозы у мужчин усиливается блок фиксации удовлетворения потребности, а именно требуется и ожидается, что кто-то должен разрешить ситуацию, принятие решения и ответственности на себя, у женщин усиливается позиция переживания информации о препятствии. В ситуации экстремистского проявления у мужчин усиливает блок фиксации на удовлетворении потребности – ожидание, что ситуацию должны разрешить компетентные органы, принятие ответственности на себя, выражение надежды, что нормальный ход событий разрешит проблему, а так же новый тип реакции – принятие и согласия с выдвигаемыми террористами требованиями. У женщин усиливается позиция самозащиты.

Итак, о дифференциально-диагностических возможностях методики свидетельствуют результаты предварительного исследования респондентов с разной половой (мужчины и женщины) и статусной принадлежностью (студенты и преподаватели вузов, а также учителя средней школы). Эмоциональная реакция в фрустрирующей ситуации для разных представителей этноконфессиональной направленности будет существенно отличаться. Перспективами использования методики можно считать:

- 1) исследование типов реакций в фрустрирующей ситуации представителей различных этноконфессиональных представительств, постконфликтных регионов, регионов, на территории которых проводятся боевые действия, часто проявляются экстремистские действия;
- 2) исследование личностных особенностей у испытуемых с тем или иным типом фрустрирующей реакции в ситуации теракта или проявления экстремизма;
- 3) коррекция межличностных отношений в различных субъектах (школа, вуз, система дополнительного образования, военные части и т.д.) с целью профилактики экстремистских настроений, рефлексии собственного поведения в фрустрирующей ситуации вовлечения, экстремистского поведения и террористического акта;

- 4) выявление и развитие культурных и мифологических стереотипов и установок, характерных для различных этнических и конфессиональных субъектов, относящихся к разным общественным и молодежным организациям, органам власти, студентам;
- 5) воспитание понимания поведения других людей в фрустрирующей ситуации, выработка навыков проектирования социальных ситуаций и управления социальными процессами на основе отрефлексированных форм поведения в фрустрирующей ситуации вовлечения в экстремистскую группировку и террористического акта.

Литература

1. Тарабрина Н.В. Экспериментально-психологическая методика изучения фрустрационных реакций. Методические рекомендации. – Ленинград: ЛНИПИ им. В.М. Бехтерева, 1984.

Бреус Е.Д.

Особенности представлений об экстремисте-террористе как трудном партнере общения у студенческой молодежи

Статья посвящена выявлению особенностей представлений о трудном партнере в отношении различных субъектов общения. В статье изучаются показатели степени затруднений в общении с различными трудными партнерами (принадлежащими и не принадлежащими к экстремистским группировкам) и описаны их портреты. Приводятся результаты исследования о существовании сходства и различий в содержании портретов трудного партнера.

Ключевые слова: трудный партнер общения, затрудненное общение, субъект-субъектный характер общения, степень затруднений в общении, характеристики, затрудняющие общение, представление о трудном партнере общения.

В последние десять-пятнадцать лет во всем мире отмечается рост насильственных действий представителями молодежных экстремистских организаций. Нестабильность социально-экономических условий в нашей стране может выступать одним из факторов, провоцирующих подростков объединяться в молодежные экстремистские организации. К сожалению, рост агрессивного поведения фиксируется в различных областях жизнедеятельности человека, в том числе и у подрастающего поколения. В настоящее время в рамках отечественной и зарубежной психологии проводятся серьезные исследования, предметом которых выступает феномен экстремизма. Н.Д. Левитов предлагает изучать экстремизм как психическое состояние, выделяя в нем волевой, эмоциональный и когнитивный компоненты [5].

Социальные представления, как известно, являются когнитивной составляющей социального поведения. Поэтому основной задачей исследования является изучение представлений студенческой молодежи о затруднениях в общении с представителями экстремистских организаций и их отличия от представлений о трудностях в общении со своими сверстниками, не входящими в экстремистские объединения. Затруднения в общении связаны с нарушением субъект-субъектных отношений и трансформацию их в субъект-объектные формы, что характеризуется снятием с себя ответственности за деструктивный характер развивающегося взаимодействия и перекладыванием ее на партнера в связи с тем, что причину затруднений партнеры видят друг в друге. Изменение ситуации затрудненного общения каждый связывает с изменением партнера. Такие представления порождают целый спектр разнообразных взаимных претензий, требований, угроз [2, 3].

Таким образом, представления, сформированные у студенческой молодежи в отношении представителей молодежных экстремистских организаций могут провоцировать интолерантные, субъект-объектные формы поведения и, тем самым, провоцировать эскалацию агрессивности в их взаимодействии.

Для реализации поставленной задачи в исследовании была использована методика «Социально-психологические характеристики субъекта общения», разработанная В.А. Лабунской [4]. В методике представлены 5 групп суждений, отражающих социально-психологические характеристики процесса общения: экспрессивно-речевые характеристики, социально-перцептивные характеристики общения, особенности отношения-обращения, навыки и умения организации взаимодействия и характеристики условий и обстоятельств общения. Предметом исследования выступили формально-содержательные характеристики представлений о другом как трудном партнере общения. Испытуемые отвечали на вопрос о том, насколько та или иная характеристика общения партнера затрудняет общение с ним (от «очень сильно затрудняет» – 5 баллов, до «не затрудняет» – 1 балл). Суммарная оценка полученных баллов позволяет получить показатель степени затруднений в общении по каждой из пяти групп характеристик. Кроме того, содержательный анализ характеристик, затрудняющих общение, позволяет создать «портрет» оптимального или трудного партнера с точки зрения субъекта общения. Проведенное исследование и анализ полученных данных (формальных показателей) позволил получить следующие результаты. В таблице 1 представлены показатели степени затруднений в общении с различными трудными партнерами по общению (принадлежащими и не принадлежащими к экстремистским группировкам).

Таблица 1

**Степень затруднений с различным субъектом общения
у студенческой молодежи**

Субъект общения – трудный партнер	Группы характеристик, затрудняющих общение (средние значения)				
	Экспрессивно- речевые	Социально- перцептивные	Отношения- обращения	Навыков взаи- мдействия	Условия общения
экстремист-террорист	10,4	10,01	9,11	9,4	9,6
не экстремист	7,33	8,4	9,17	8,11	6,12

Как видим из табличных данных, показатели степени затруднений в общении с трудными партнерами различных групп имеют существенные различия практически по всем группам характеристик. Экспрессивно-речевые (10,4), социально-перцептивные характеристики общения (10,01), а также характеристики навыков взаимодействия (9,4) и условий общения (9,6) трудного партнера из экстремистских организаций вызывают значительные затруднения у студенческой молодежи.

Отсутствуют различия только в отношении группы характеристик отношения-обращения. Показатели по этой группе характеристик, затрудняющих общение, одинаково высоки в отношении трудных партнеров из обеих групп. Это объясняется особой сензитивностью представителей российской ментальности к формам обращения и отношения. Таким образом, как видим, общение с представителями экстремистских объединений, оценивается студенческой молодежью, более трудным, чем общение с трудным партнером из студенческой среды, не имеющей экстремистской направленности.

Проведем сравнительный анализ содержания характеристик, затрудняющих общение у студенческой молодежи. Сравним содержательную сторону характеристик трудного партнера по общению (принадлежащего и не принадлежащего к экстремистским группировкам). Для этого выберем только те характеристики, которые получили максимальные баллы (4 балла – сильно затрудняет и 5 баллов – очень сильно затрудняет) более чем у 50 % испытуемых. Представим полученные результаты по каждой группе характеристик.

Представление об экстремисте, как трудном партнере общения

Группа экспрессивно-речевых характеристик общения.

1. Тихая речь.
2. Застывшая поза, неподвижное лицо.
3. Длительные паузы в речи.
4. Несоответствие выражения лица партнера его словам.
5. Систематическое передвижение во время общения.
6. Частые прикосновения.

Группа социально-перцептивных характеристик общения.

7. Неумение соотносить действия и поступки людей с их качествами личности.
8. Неумение поставить себя на место другого человека.
9. Стремление относить людей определенному типу.
10. Проницательность: людей видит насквозь.
11. Стремление оценивать людей на основе представлений, сложившихся в его окружении.

Группа характеристик отношения-обращения.

12. Безразличное отношение к др. человеку (ко мне).
13. Подозрительное отношение к др. людям (ко мне).
14. Неприязненное отношение к др. людям (ко мне).
15. Властное отношение к др. людям (ко мне).
16. Высокомерное отношение к др. людям (ко мне).

Группа характеристик навыков взаимодействия.

17. Привычка перебивать разговор.
18. Неумение аргументировать свои замечания, предложения.
19. Желание навязать свою точку зрения.
20. Концентрация на собственных чувствах и мыслях.

Представление о трудном партнере общения, не входящем в экстремистские группировки

Группа характеристик отношения-обращения.

1. Безразличное отношение к др. человеку (ко мне).
2. Подозрительное отношение к др. людям (ко мне).
3. Неприязненное отношение к др. людям (ко мне).
4. Властное отношение к др. людям (ко мне).
5. Высокомерное отношение к др. людям (ко мне).

Группа характеристик навыков взаимодействия.

6. Привычка перебивать разговор.
7. Желание навязать свою точку зрения.

Анализ представленных данных позволяет сразу же обратить внимание на значительные различия в отношении количества характеристик различных субъектов общения, затрудняющих общение у студенческой молодежи. Как видим, студентами выделено 20 характеристик трудного партнера – представителя экстремистских объединений и только 7 характеристик трудного партнера из своего окружения.

Анализ портретов «трудного партнера-экстремиста» и «трудного партнера не экстремиста» показывает следующее. Трудный по общению партнер-экстремист, с точки зрения студенческой молодежи, это человек, который не умеет соотносить действия и поступки людей с их качествами личности, не умеет поставить себя на место другого человека, стремится относить людей к определенному типу и оценивать их на основе представлений, сложившихся в его окружении (социально-перцептивная группа), безразлично, подозрительно, неприязненно (враждебно), властно и высокомерно относится к другим людям (группа характеристик отношения-обращения), его характеризует несоответствие выражения лица его словам, застывшая поза, либо систематическое передвижение во время общения, частые прикосновения (экспрессивно-речевая группа). Он имеет привычку перебивать разговор, не умеет аргументировать свои замечания и предложения, стремится навязать свою точку зрения, концентрируется на своих чувствах и мыслях (характеристики навыков взаимодействия). «Трудный партнер не экстремист» это человек, который безразлично, подозрительно, неприязненно, властно и высокомерно относится к другим людям (группа характеристик отношения-обращения), имеет привычку перебивать разговор и навязывать свою точку зрения (характеристики навыков взаимодействия).

Как видим, в описании трудного партнера из экстремистской группировки представлены характеристики из всех основных групп. Другими словами, образ трудного партнера-экстремиста обладает некой генерализованностью, т.е. экстремист в представлениях студенческой молодежи – это трудный партнер во всех проявлениях своего взаимодействия. В то время как, трудным, партнер из своего окружения может быть лишь в отношении отдельных навыков взаимодействия.

Кроме этого, в представленных портретах можно выделить сходные характеристики. Так, полностью идентичными, как затрудняющие общение, являются

характеристики отношения-обращения относительно представителей обеих групп. К этим характеристикам относятся: безразличное, подозрительное, неприязненное, властное и высокомерное отношение к другим людям, а также привычка перебивать разговор и желание навязать свою точку зрения. Перечисленные характеристики являются показателями нарушения субъект-субъектного характера отношений. Для представителей российской ментальности нарушение субъект-субъектного характера отношений является сильнейшим фактором, запускающим состояния затруднений в общении.

Таким, образом, полученные результаты показывают необходимость формирования у студенческой молодежи определенных умений в использовании форм отношения-обращения, не нарушающих субъект-субъектный характер общения, что не позволит провоцировать эскалацию агрессивности в отношении представителей молодежных экстремистских организаций, а наоборот, позволит выстраивать эффективное общение в любых сложных ситуациях с любыми категориями «трудных» партнеров.

Аннотация: статья посвящена выявлению особенностей представлений о трудном партнере в отношении различных субъектов общения. В статье изучаются показатели степени затруднений в общении с различными трудными партнерами (принадлежащими и не принадлежащими к экстремистским группировкам) и описаны их портреты. Приводятся результаты исследования о существовании сходства и различий в содержании портретов трудного партнера.

Ключевые слова: трудный партнер общения, затрудненное общение, субъект-субъектный характер общения, степень затруднений в общении, характеристики, затрудняющие общение, представление о трудном партнере общения.

Литература

1. Берестова И.В. К проблеме затрудненного общения. – Мин.воды: СКФ МГЭИ, 2001.
2. Бреус Е.Д. Виды затруднённого общения в контексте субъект-субъектной парадигмы общения // Психологический вестник. – Вып. 3. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1998. – С. 236–239.
3. Бреус Е.Д. Программа и методические указания к спецпрактикуму «Социально-психологический тренинг профессионального общения». – Ростов-на-Дону, 2004.
4. Лабунская В.А. Менджерицкая Ю.А., Бреус Е.Д. Психология затрудненного общения. Теория. Методы. Диагностика. Коррекция. Учебное пособие. – М.: Издательский центр «Академия», 2001.
5. Левитов Н.Д. Психическое состояние агрессии / Вопросы психологии. – 2004. – № 6.

Васильева О.С.

Роль образования в сфере психологии здоровья в формировании гуманистической системы ценностей

В статье в качестве одного из ведущих факторов профилактики терроризма, и вызываемой им ответной агрессии рассматривается степень сформированности адекватных представлений о себе, мире и путях взаимодействия с ним. Предлагается усилить акценты на экзистенциальных аспектах образования с целью формирования холистического мировоззрения, гуманистических целей и ценностей. Приводятся примеры двух образовательных проектов: «Переподготовка в сфере психология здоровья» и «Культура здоровья», в рамках которых реализуются эти цели, что позволяет сделать образование «механизмом социогенеза».

Ключевые слова: экзистенциальные аспекты образования, психология здоровья, культура здоровья, парадигма «Быть», парадигма «Иметь», холистическое мировоззрение.

Жизненные цели, ценности, принципы взаимодействия, нравственные ориентиры человека, представления о счастье и путях его достижения, являются как фундаментом жизненного уклада страны, так и объектом управления со стороны государства.

Управляя процессом формирования мировоззрения и мировосприятия человека, мы конструируем будущее, как индивидов, так и общества в целом. Важнейшим инструментом влияния на процесс формирования жизненных смыслов является система образования, стратегической целью которого является обозначение горизонтов и возможностей самореализации. Современное образование все более сосредотачивается на тактических моментах, так называемых ЗУНах (знаниях, умениях, навыках), совершенствуя технологию подготовки «индустриального человека». Безусловно, эта технология была эффективна в эпоху промышленных революций, когда надо было, буквально, вырвать из крестьянской среды молодежь, и, оснастив ее необходимым набором знаний и навыков, «поставить к станкам». Но мы живем в информационном, постиндустриальном обществе, в настоящее время переходим к новому его этапу, в котором целостность и нравственность являются условием дальнейшего развития человечества. При этом сегодня мы все еще сохраняем как формы, так и содержание образования предыдущей эпохи, которые не отвечают современным вызовам (в частности существованию такой реалии нашего времени как терроризм). А вызов времени таков, что, главное, чему нужно учить – это готовности к изменениям в быстро меняющемся мире и способности действовать в соответствии с нравственным законом внутри нас.

В последние годы стало очевидным явное предпочтение студентами новых интерактивных (диалогичных, полилогичных) форм и методов преподавания, а также интерес к личностной проработке экзистенциальных тем, таких как «Человек и его предназначение», «Жизнь как проект», и др.

Сравнивая современных студентов со студентами 80-х, 90-х, мы отмечаем ряд конструктивных изменений в сознании студентов. Эти изменения прослеживаются в рассуждениях на темы: «Кто я?», «Зачем я?», «В каком мире я хочу жить?», «Что такое счастье?» и т.п., а также при выполнении специальных упражнений, направленных на повышение уровня осмысленности бытия, рефлексии, осознание и трансформацию своих жизненных целей и ценностей.

Студенты все чаще связывают свое развитие и возможности с развитием всех; проявляют понимание необходимости уважения любой жизни; осознают взаимосвязи и взаимозависимости всего сущего; признают любовь, творчество, взаимодействие и свободу как определяющие характеристики счастливой жизни-практики (парадигма «Быть»). Однако эти представления не являются преобладающими, т.к. наряду с ними имеются и другие, ярко выраженные тенденции, связанные с идеей потребительства, развлечений и удовольствий, когда целью жизни и условием счастья является обладание какими-либо материальными ценностями и благами, а не реализация собственного творческого и нравственного потенциала (парадигма «Иметь»).

Именно тенденции типа «Иметь, а не Быть» в современной социокультурной ситуации поддерживаются средствами массмедиа и, как ни парадоксально, системой образования, в которой преобладает формализм.

Мы уверены, что новое сознание, парадигма «Быть» – лучшая профилактика терроризма. И формирование такого сознания должно быть поддержано образовательной системой, более гибкой, призванной чутко реагировать на актуальные социокультурные процессы.

Достигается эта цель за счет включения в учебные программы трех блоков.

1. Специальный блок – освоение профессиональных знаний, умений, навыков.
2. Личностный блок – осознание индивидуальных личностных качеств, потенциалов, ресурсов, жизненных целей, ценностей, смыслов и их развитие.
3. Общеобразовательный блок – знакомство с современными мировоззренческими, социальными, политическими и экономическими представлениями.

Именно сочетание этих трех блоков позволит студентам сформировать картину мира, включающую личную ответственность, идею самореализации и служения; осознание сопричастности ко всему происходящему на планете; принятие взаимосвязанности и равноценности различных культур и религиозных конфессий; понимание необходимости взаимопроникновения и интеграции религии и науки.

Такой подход к образованию реализуется нами последние десять лет в рамках двух проектов. Один из них – «Переподготовка в сфере психология здоровья». Другой проект – преподавание курса «Культура здоровья» на всех факультетах ЮФУ.

В рамках проекта «Переподготовка в сфере психология здоровья» мы ориентируемся на то, что одной из особенностей современной жизни является растущий запрос на психологические знания, позволяющие получить ответы на вопросы: что есть человек, каково его место в мире и каковы его цели, ценности, смыслы.

Этот интерес вызван и снятием идеологических запретов на душевно-духовный поиск, и появлением новых экономических отношений, при которых личностные качества становятся основой конкурентоспособности человека, и изменчивостью условий жизни, вынуждающих каждого делать осознанные выборы.

По сравнению с классическим академическим образованием институт послевузовского образования является более гибкой системой, призванной чутко реагировать на актуальные социокультурные процессы. Для того, чтобы эта задача выполнялась, разработанная нами учебная программа дополнительного психологического образования должна включать три блока, о которых мы упоминали выше: специальный, личностный и общеобразовательный. Эти три блока в единстве позволят сделать образование «механизмом социогенеза» [1].

Первый блок включает как базовые психологические предметы, так и, по возможности, максимальный спектр современных направлений психологической практики. Знакомство с ними позволит каждому слушателю выбрать для последующей профессиональной специализации направление, максимально соответствующее его индивидуальным особенностям и ценностям.

Второй блок посвящен личностной составляющей, так как именно личность специалиста является основным инструментом в профессиональной работе. Условием осознания профессионально значимых личностных качеств и их развития являются:

- широкое использование нетрадиционных интерактивных форм обучения (например, превращение преподавателя из лектора в организатора дискуссии);
- введение ряда дополнительных курсов и тренингов, направленных на осознание профессионального самоопределения и индивидуального стиля в профессии (например, моделирование профессиональной деятельности с целью выработки индивидуального профессионального стиля в рамках тренинга);
- усиление экзистенциальных аспектов образовательных программ с целью формирования целостной картины мира (например, личностное осмысление таких понятий как «жизнь», «смерть», «любовь», «счастье», «творчество» и др. [3, 6, 7]; осознание индивидуальных жизненных целей и ценностей и их обсуждение в группе и т.п.).

Третий (общеобразовательный) блок направлен на повышение общей компетентности, позволяющей понимать контекст, в котором возникают те или иные психологические проблемы.

В рамках проекта «Культура здоровья» мы решаем задачу формирования культуры творческой, активной и счастливой жизни, что предоставляет студентам, будущим специалистам, возможность познания своих потенциалов и нахождение оптимального стиля жизнедеятельности [2, 4, 5]. Кроме того, занятия по «Культуре здоровья» способствуют формированию холистической картины мира, в которой нет места ни терроризму, ни ненависти к террористам, а присутствует стремление осознавать причины, корни этого явления и искать пути устранения через изменения себя и мира.

Цель проекта «Культура здоровья» состоит не только в трансляции конкретных технологий оздоровления организма и психики, но и в обеспечении условий, необходимых, как для преобразования неадекватных представлений, стереотипов, установок, вредных привычек, предубеждений, так и для развития целостного конструктивного отношения к себе и к миру на глубинном *мировоззренческом уровне*.

Целями проекта являются:

- 1) *обучение* студентов эффективным технологиям самооздоровления, саморегуляции, преодоления негативных последствий стрессовых, экстремальных и кризисных ситуаций, творческого самораскрытия;
- 2) психологическое и валеопсихологическое *просвещение* студенчества;
- 3) *коррекция* неадекватных установок и дефицитарных представлений о здоровье, обусловленных недостаточным знанием и нерациональным использованием собственных внутриличностных ресурсов;
- 4) *психологическая помощь* студентам в процессах социальной адаптации и самоопределения (в форме психологического консультирования);
- 5) *организация* среди студентов групп взаимопомощи, клубов и объединений на основе идеологии здорового образа жизни;
- 6) *проведение тренингов, семинаров, групп* самопознания и личностного роста;
- 7) *трансляция* студентам основных принципов здорового и целостного мировоззрения и самоотношения, выработка у них устойчивых навыков холистического мышления.

Проект включает в себя комплекс объединенных общей концепцией лекций, семинарских и практических занятий, тренинговых форм и индивидуальных консультаций, а также координацию работы студенческих клубов и групп взаимопомощи.

Хотелось бы обратить внимание еще на одну важную составляющую образовательного процесса. Речь идет о коммуникативно-образовательном – клубном – пространстве, в рамках которого может продолжаться процесс профессионализации и личностного роста слушателей и преподавателей.

Разработана и реализуется программа тематических мероприятий разного формата: от вечеров встреч до спецсеминаров и тренингов.

По нашему мнению, объединение образовательных и коммуникативных процессов в единое пролонгированное пространство способствует повышению уровня эрудированности студентов и общей эффективности образовательных программ.

Главная особенность вышеописанного типа образования заключается не столько в форме и содержании, сколько в том, что во главу угла ставятся отношения взаимной эволюции учителя и ученика. Эти отношения предполагают доверие, открытость, равенство, естественность, легкость, уважение, открытость, душевную щедрость, возникающие в процессе обучения. Основным критерием оценки этого

образовательного процесса станут не только уровень профессиональной подготовки, но и способность воспринимать, анализировать, относиться к событиям жизни (в т.ч. и к таким экстремальным как терроризм) сквозь призму целостности, единства и личной ответственности за все происходящее.

Литература

1. Асмолов А.Г. Практическая психология как фактор конструирования образовательного пространства личности / Психология с человеческим лицом. – М.: Смысл, 1997. – С. 239–249.
2. Васильева О.С. Валеопсихологический подход к понятию здоровья // Психологический вестник РГУ. – № 5. – 2000. – С. 150–154.
3. Васильева О.С., Филатов Ф.Р. Психология здоровья человека. – М.: Академия, 2001. – 352 с.
4. Васильева О.С. Комплексный подход к оздоровлению личности в системе образования // Психология в вузе. – № 4. – 2003. – С. 23–34.
5. Психология здоровья // Материалы круглого стола с международным участием. – СПб.: ГИПСР, 2009. – 453 с.
6. Шадриков В.Д. Происхождение человечности. – М.: Логос, 1999. – 200 с.
7. Ялом И. Экзистенциальная психология. – М.: Класс, 1999. – 576 с.

Воронцов Д.В.

Гегемонная маскулинность и механизмы отношений доминирования в межгрупповом общении как социально-психологические детерминанты феномена терроризма в России

В статье рассматриваются гендерные и социально-психологические детерминанты, обеспечивающие устойчивое поддержание и развитие террористической активности на территории Российской Федерации, вовлечение в экстремистские практики новых социальных групп.

Ключевые слова: *политический конфликт, гегемонная маскулинность, механизмы доминирования, межгрупповые отношения, социально-психологические детерминанты терроризма.*

Терроризм как крайняя форма экстремизма представляет собой идеологию политического насилия и практику силового давления на органы государственной власти и местного самоуправления, а также на институты гражданского общества с целью изменения основ конституционного строя и нарушения целостности страны. Отличительной чертой терроризма от других форм экстремистской деятельности является устрашение широких слоев населения, не имеющих прямого отношения к политическому противостоянию. Это устрашение достигается актами, приводящими к смерти или жестоким травмам, или причиняющих иной значительный ущерб и тяжкие последствия материального или психологического толка [4].

Выступая средством политического насилия, терроризм выполняет функцию разрешения конфликтов в системе межгрупповых отношений, в которых имеется специфическая конфигурация власти, без изменения которой устранить террористическую активность, по-видимому, невозможно. В соответствии с концепцией Ральфа Дарендорфа, межгрупповой конфликт возникает в такой системе отношений, в которой одна группа тотально доминирует над другой [1]. Как правило, понятие конфликта используется в случае нарушения установленного порядка только со стороны подчиненной (взбунтовавшейся) группы. Между тем ситуация конфликта выражает определенную конфигурацию власти в межгрупповых отношениях принципиально неравноправных партнеров. Следовательно, в конфликте всегда есть два, а не один ключевой агент, две, а не одна «ответственная» сторона. Любой явный конфликт в теории Р. Дарендорфа является всего лишь верхушкой айсберга в длительной истории отношений доминирования и подчинения. Между тем, с точки зрения доминирующей группы этот бунт всегда кажется «несвойственным» для отношений с подчиненной группой, поскольку механизмы вертикальной власти в отношениях всегда скрывают истинные причины возмущения.

На выбор терроризма в качестве средства решения политических проблем влияют множество факторов. Есть немало примеров вовлечения в террористическую

активность и людей из социально благополучной среды, в том числе – русских (например, знаменитый террорист Саид Бурятский). Примером также может служить ситуация с радикализацией исламской общины в Республике Татарстан. Как отметил в своем докладе казанский теолог Ф. Салман (в недалеком прошлом муфтий Татарстана), среди татарстанских салафитов далеко не все – люмпены, это дети обеспеченных родителей [2]. Это обстоятельство заставляет обратить внимание не на экономическую, а на социально-психологическую подоплеку экстремистского движения. Среди социально-психологических факторов террористической активности ключевыми, на наш взгляд, можно полагать два: конструкт гегемонной маскулинности и механизмы, обеспечивающие доминирование/подчинение в процессе межгруппового общения.

Из анализа проблемы терроризма выпадает важный для ее понимания элемент – содержание распространенного в российском обществе конструкта гегемонной маскулинности, в котором насилие является легитимным средством защиты чести и достоинства, адекватным ответом на чувство унижения. Осуществление насилия связано в конструкте гегемонной маскулинности с доступом именно к политической власти. Этому конструкту следуют и террористы, и борцы с ними (люди, представляющие российскую государственную власть).

Попытки увязать террористическую активность и возникновение террористических намерений с террористической пропагандой только скрывают то обстоятельство, что такая пропаганда падает на подготовленную задолго до ее появления почву. Пропаганда просто использует то, что давно функционирует в умах самых разных людей, придерживающихся кардинально противоположных политических взглядов. Они не замечают, что именно конструкт маскулинности является тем общим основанием, которое взаимно поддерживает их борьбу друг с другом и обеспечивает позитивный отклик в социальных группах, интересы которых выражают как террористы, так и борцы с ними. Именно конструкт маскулинности запускает круговое силовое противоборство: чем больше мы наращиваем «мускулы» в борьбе с терроризмом, чем больше насыщаем социальное пространство элементами силового противостояния экстремизму, тем на самом деле выше и прочнее становится сознательная установка всех людей (в том числе и террористов) на то, что силовое решение самых разных проблем, связанных с ущемлением чьих-то прав и достоинства, является самым оптимальным и достойным.

Когда речь идет об исламском терроризме (в более узком смысле – кавказском терроризме), то в качестве лежащего на поверхности объяснения выступает мысль об особом кавказском менталитете, в котором насилие является «нормальным» явлением, сочетающимся с высоким уровнем бедности. Откуда-де и берется склонность к силовому перераспределению богатства, которому некие эмиссары придают нужную политическую окраску, превращая обычный бандитизм в вооруженное идейное противостояние. Так сказать, пользуются удобным поводом.

Однако если обратить внимание на социальную иерархию в стране, на нормативную идеологию, на характер взаимодействия власти и населения,

а также на содержание гендерной идентичности (маскулинности и фемининности) террористов и борцов с ними, и на гендерную идеологию (систему идей, взглядов о построении общества и характере отношений мужчин и женщин, их интересах), то возникает ощущение, что терроризм в немалой степени поддерживается действиями самих российских властей. Патриархатно маскулинный характер российской политической власти проявляется в самых различных дискурсивных формах («мочить в сортире», «обрезать по самые яйца», «палкой по башке» и т.п.). Гегемонность такой маскулинности проявляется, прежде всего, в придании насилию функции властного мужского атрибута как легитимного средства достижения политических целей через тотальное подчинение себе других. И руководители страны, и террористы, эксплуатируя образ мужчины-защитника (отечества, групповых интересов и т.п.) под воздействием гегемонной патриархатно маскулинности вынуждены постоянно доказывать себе и другим, что они достойны власти как «настоящие» мужчины, способные подавить и уничтожить противника.

Патриархатно маскулинные установки в авторитарной системе «вертикали власти» воспроизводятся на всех социальных уровнях. В аспектах социальной иерархии и характера взаимодействия власти с народом существенным элементом, поддерживающим терроризм на территории России, выступает именно вертикаль политической власти, обеспечивающая безусловное доминирование (гегемонию) определенных социальных групп. Эта вертикаль создает неравные условия для социальных групп в процессе принятия решений, касающихся их социального будущего и затрагивающих ключевые ценности и нормы. Ощущение нерушимой асимметрии между группами выступает ключевым мотивом насильственного свержения тотально доминирующей власти.

Доминирование, согласно Эрике Апфельбаум, проявляется в следующих характеристиках: а) все права и привилегии концентрируются на одной стороне и определяются только лишь доминирующей группой; б) только лишь доминирующая группа имеет право устанавливать границы, определять природу действующих прав, обязанностей и привилегий; в) другие группы не участвуют в определении прав и привилегий с учетом своих интересов и в определенном смысле лишены их [3]. Таким образом, доминирующая власть не имеет договорной основы, что побуждает ущемленные группы действовать силой. Ведь они оказываются политически «невидимыми», игнорируемыми, лишенными автономного от доминирующей группы существования. Но здесь есть еще одно важное обстоятельство: при таких отношениях ни одна из групп не может существовать автономно друг от друга, поскольку доминирование всегда предполагает тех, кто будет подчиняться. Отношения доминирования вынужденно производят подчиняемые группы, за счет которых устанавливается дисбаланс предпочтений и прав, обеспечивающий доминирующей группе преимущество. Ведь она воспринимает себя в качестве высшей по статусу группы только лишь при условии сравнения с теми, кто по статусу ниже.

Доминирующая группа воспринимается в качестве защитника универсальных норм и ценностей, которых не существует как раз в таком универсальном качестве. А нормы и ценности, которых придерживаются политические противники, в условиях доминирующей власти объявляются своеобразными и неприемлемыми для всей социальной системы. Доминирование всегда выстраивается по принципу «Мы» – «Они», что предполагает стигматизацию или навешивание ярлыка на представителя оппозиционной группы. Именно такой механизм маркирования представителя оппозиционной силы позволяет исключить его процесса взаимодействия равных и установить в качестве единственно верных только ценности и правила, отражающие интересы доминирующей группы. Таким образом, в условиях отношений доминирования жесткое разделение на своих и чужих выступает не просто механизмом социальной дифференциации, но и механизмом исключения подчиненных оппозиционных групп, задающим всем им одинаковую судьбу невидимых маргиналов.

Вторым механизмом установления отношений доминирования наряду со стигматизацией является разгруппировка (дегруппирование) подчиненных оппозиционных групп. Любая группа, имеющая независимое, автономное существование представляет угрозу для доминирующей группы. Поэтому доминирующая группа вынуждена так организовывать процесс контроля оппозиции, чтобы провоцировать в ней внутренний раскол. Именно разрушение структуры делает оппозиционную группу полностью подчиняемой доминирующей группе.

Доминирующая группа создает иллюзию гомогенной социальной структуры с общими для всех интересами и формирует идеологию, согласно которой любой может и должен стремиться к единому стандарту жизни – независимо от того, принадлежит ли человек к доминирующей или подчиненной группе. Параллельно создается и поддерживается социальная структура, не позволяющая подавляемым группам иметь пространство и средства для реализации своих интересов.

Доминирование также проявляется в виде иллюзорной социальной мобильности и имитации равноправия через символическое предоставление равных прав и чисто формальное проведение в жизнь принципа десеграции. Создание формального равноправия является обязательным условием для поддержания видимости социальной мобильности и сокрытия практик исключения представителей подавляемых групп из социальной системы. Видимость равноправия только лишь усиливает статус доминирующей группы, поскольку она допускает равноправие исключительно в рамках процесса удовлетворения собственных интересов, но не допускает равноправия отличающихся интересов подавляемых групп. Поэтому декларирование равноправия в условиях идеологии монолитной социальной структуры также направлено на поддержание тотального неравенства, хотя внешне все выглядит вполне «демократически».

Поддержание иллюзии равноправия доминирующей и подчиненной группы в условиях вертикали власти также обеспечивается через включение некоторых символических фигур из числа оппозиции во властные структуры и ключевые

социальные институты, а также через создание про-властных негосударственных структур. Однако эти люди и эти организации ограничены в своих действиях по защите интересов подчиняемой группы обязательствами перед доминирующей группой, властью, на основе которых их и включили «во власть». Также им отводится роль «статистов» в социальных резервациях, призванных показывать «представленность» интересов недоминирующей группы, тогда как в этих резервациях реальных механизмов реализации специфических интересов (отличных от интересов доминирующей группы) власть не создает. Эти «статисты» могут взаимодействовать на равных только с представителями доминирующей группы, тогда как с представителями «своей» группы они могут вести себя только с позиции группы доминирующей (фактически, как «чужие» для нее). При этом они всегда находятся под угрозой «смещения» представителями доминирующей группы, если начнут выражать не ее интересы.

Для поддержания видимости социальной мобильности для подчиняемой группы, доминирующая группа использует ряд механизмов социального контроля: под видом помощи она выбирает из подчиняемой группы тех ее членов, которые могут выиграть от сотрудничества с ней, от предоставления им возможности социальной мобильности.

Следующим механизмом поддержания статуса доминирующей группы выступает разобщение членов подчиняемой группы и блокирование возможности общения между ними в отношении удовлетворения интересов, не вписывающихся в интересы доминирующей группы.

Поддержанию доминантного порядка также способствует практика размытия культурной определенности группы: блокирование специфических способов самовыражения групповой идентичности (вытеснение на периферию специфического группового языка – наречия, – и его негативная маркировка), отрицание возможности истории группы в качестве особой общности, могущей иметь автономный от доминирующей группы путь развития, подчеркивание в истории группы только ее зависимого статуса, неспособности к устойчивой и эффективной самоорганизации, маргинальности группы в ее истории взаимодействия с доминирующей группой.

Последним механизмом доминирования является регулирование каналов и способов выражения интересов подчиненной группы. Доминирующая группа монополизирует определенные каналы и легитимные способы выражения интересов (создает дискриминационные институты и законы), переводя удовлетворение любых не вписывающихся в представления доминирующей группы интересов в разряд незаконных. Тем самым она оставляет подчиненной группе возможность удовлетворять свои интересы только лишь незаконными средствами и превращает ее в сообщество девиантов, по отношению к которому возможна только практика маргинализации.

В результате действия этих механизмов доминирования в межгрупповом политическом общении, базирующемся также и на конструкторе патриархатной

гегемонной маскулинности, запускается порочный круг отношений, в которых терроризм является неотъемлемым структурным компонентом. Без разрыва этого круга, без отказа от гегемонной маскулинности и вертикали власти, представляется маловероятным редуцировать влияние этих социально-психологических факторов на террористическую активность.

Литература

1. Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социс. – 1994. – № 5. – С. 142–147.
2. Радикальный ислам в Татарстане: остались только силовые решения? // [Электронный ресурс]: www.regnum.ru/news/polit/1352872.html (Дата посещения 5 декабря 2010).
3. Apfelbaum E. Relations of Domination and Movements for Liberation: An Analysis of Power between Groups (Abridged) // *Feminism & Psychology*. – 1999. SAGE (London, Thousand Oaks and New Delhi). – Vol. 9(3). – P. 267–272.
4. Bliuc A.M., McGarty C., Reynolds K., Muntele D. (2007). Opinion-based group membership as a predictor of commitment to political action // *European Journal of Social Psychology*. – 37. – P. 19–32.

Гриднева С.В.

Развитие коммуникативной компетентности
каждого члена семьи – одно из эффективных средств
профилактики идеологии экстремизма и терроризма

В статье теоретически обосновывается и эмпирически доказывается, что одной из основной причиной появления феномена терроризма является качество взаимоотношений в семье. Разработанная программа психологических коррекционно-тренинговых занятий по развитию коммуникативной компетентности каждого члена семьи способствует решению задачи профилактики экстремизма и терроризма.

Ключевые слова: терроризм, причины терроризма, психологический портрет террориста, семья – ресурс профилактики экстремизма и терроризма.

Понятие о терроризме не имеет общепринятого определения, его содержательная интерпретация опирается на разные теоретические источники. И.Р. Михеев данный факт обуславливает сложностью самого явления, которым является терроризм, и причинами субъективного характера, существующими на внутри-государственном и международном уровнях [3].

Распространённым является мнение, что под «терроризмом (от лат. terror – страх, ужас) принято понимать использование насилия или угрозы его применения в отношении отдельных лиц, группы лиц или различных объектов, сопровождающееся устрашением населения и преднамеренным созданием обстановки страха, подавленности, напряженности с целью достижения политических, экономических, идеологических и иных выгодных террористам результатов, отличающееся повышенной общественной опасностью и публичным характером его совершения» [3].

Проблему причин и мотивации терроризма исследователи рассматривают с точки зрения психологической отражённости объективных параметров кризисных явлений общества в его психологическом состоянии и как результаты сравнительных психологических исследований мотивации реальной террористической деятельности. Сравнение этих двух направлений анализа позволяет определить степень психологического состояния общества для мотивации терроризма, возможные перспективы практического подхода к предупреждению и нейтрализации сфер террористической деятельности [4].

Вместе с тем в психологических исследованиях мотивации терроризма отмечают, что явная психопатология среди террористов достаточно редкое явление и для этого утверждения есть основания. В отечественной психологической литературе описаны личностные детерминанты, которые часто становятся побудительными мотивами вступления индивидов на путь терроризма: «низкая самооценка, недостаточная личная идентичность, сверхсосредоточенность на защите своего «Я» путем проекции с постоянной агрессивной-оборонительной готовностью;

элементы расщепления личности; сильная потребность в присоединении к группе, т.е. в групповой идентификации или принадлежности; переживание большой степени социальной несправедливости со склонностью проецировать на общество причины своих неудач; социальная изолированность и отчужденность, ощущение нахождения на обочине общества и потери жизненной перспективы. При этом приведенный набор этих характеристик не является каким-то обобщенным психологическим профилем личности террориста. Большое значение в ряде случаев имеют политико-идеологические мотивы вступления в террористическую группу. Но они чаще являются формой рационализации глубинных личностных мотивов – стремления к укреплению личностной идентичности и, что особенно важно, потребности принадлежности к группе» [4].

По сути, «террористическая группа в психологическом смысле снимает у индивида неполноту или расщепленность психосоциальной идентичности. Она становится для него стабилизирующим психологическим основанием, позволяющим чувствовать себя целостной личностью, важным компонентом его самосознания и обретения смысла жизни, мощным механизмом духовной, ценностной и поведенческой стереотипизации» [4].

Вместе с тем учёные, занимающиеся проблемами терроризма, считают, что, если в любом культурном сообществе, и тем более в многонациональном, не происходит адекватной разрядки нормальной социальной активности и нормальной социальной агрессивности индивида на социально значимые цели, то они легко маргинализируются и принимают иные формы вплоть до патологических проявлений в форме узко национального «идейного единства» или агрессивности и фанатизма малых групп» [2].

Однако только силовых методов мало для того, чтобы решить проблему терроризма раз и навсегда. Даже при хорошо организованной разведке, при владении лучшими методами борьбы с терроризмом, именно воспитание нравственной личности является самым эффективным средством профилактики терроризма [2].

Терроризм – это следствие не национальных, политических или религиозных ошибок и перегибов, а это проблема весьма невысокого уровня нравственно-этического развития, которая одинаково актуальна как в Чечне, так и в России. Поэтому, профилактику терроризма лучше всего начинать с себя.

«При анализе психологического состояния российского общества психологи исходят из следующего его понимания: это преобладающий в обществе в целом и в различных социальных и этнических группах эмоционально-психический настрой (или социально-психологическая атмосфера), через который и преломляются отношения граждан к жизни, своему прошлому и будущему; их восприятие социально-политической реальности; их взгляды, настроения и тенденции поведения. В качестве общего показателя психологического состояния общества было использовано состояние его психического здоровья с такими конкретными индикаторами, как статистика самоубийств, неврозов и психозов, производственного травматизма, а также факты психических эпидемий» [4].

Результаты анализа свидетельствуют о том, что показатели «психического и духовного здоровья российского общества, его психологическое состояние находится на беспрецедентно низком уровне. Для больших масс населения оно, прежде всего, характеризуется: потерей жизненных перспектив, надежд и веры в будущее; потерей ими смысла жизни; ощущением неспособности преодолеть жизненные трудности, чувством отчаяния в анемии; депрессивностью и бессознательным пренебрежением к жизни и здоровью; психологической готовностью к психическому заражению и внушаемости» [4].

Конструктивное решение проблемы, по мнению В.А. Соснина, зависит от необходимых в данный момент целенаправленных, совместных и согласованных преобразований в экономической, социальной и политической сфер в нашей стране [4].

Проблема терроризма волнует сегодня каждого человека, независимо от того, в какой стране он живет, коснулась ли трагедия его родных и близких или нет. Терроризм приносит боль утраты, возмущение, слезы, но одновременно он заставляет каждого задуматься о причинах происходящего, о том, что мы способны сделать в сложившейся ситуации [1].

Так, позитивный опыт по профилактике идеологии экстремизма и терроризма имеется на кафедре общей психологии факультета психологии ЮФУ. С.В. Гридневой, доцентом кафедры общей психологии факультета психологии ЮФУ проводились ряд мероприятий обучающего характера (мастер-классы, семинары и тренинги для школьников, студентов и представителей профессорско-преподавательского состава ЮФУ, Педагогического института ЮФУ, Чеченского государственного университета, Кабардино-Балкарского государственного университета и др.), которые были посвящены малоизученной теме ресурсов семьи в антитеррористической деятельности.

Деятельностный, личностно-ориентированный подход к организации обучающих мероприятий позволил участникам осознать, что именно семья является источником познания и осознания самого себя, смысложизненных ценностей каждым членом семьи, формирует чувство принадлежности у каждого члена семьи, помогает формированию активной гражданской позиции; также смоделировать психологический портрет террориста, проанализировать стили семейного взаимодействия членов семьи, которые были бы ресурсом для развития гуманной личности или наоборот, способствовали бы формированию культуры насилия в семье, а, следовательно, молодое поколение подобных семей могло бы принадлежать к «группе риска», с потенциальной ориентированностью на участие в экстремистских и террористических группировках.

В рамках обучающих мероприятий участникам была предложена программа психологических коррекционно-тренинговых занятий, предоставлена возможность непосредственно поучаствовать в тренингах, когда ведущий проводит занятие со слушателями, демонстрируя приёмы эффективной работы с семьёй. Участники одновременно играли две роли: членов семьи и экспертов.

Далее, применяя полученные знания и навыки, участники обучающих мероприятий осуществили самостоятельную работу по разработке собственной модели профилактики идеологии терроризма в семье с учётом региональных и профессиональных особенностей участников работы.

Дискуссии по результатам подобной совместной деятельности выявили новизну и неразработанность обсуждаемой проблематики в теоретическом и практическом планах, а также недостаточное понимание современными родителями задач формирования у своих детей гражданского сознания, толерантного отношения к людям и миру в целом и других нравственных ценностей.

Первые активные продуктивные шаги к привлечению семьи к антитеррористической политике государства начаты в Чеченской республике, а также положительный опыт подобной работы правоохранительных органов, психологов и семьи в республике Ингушетия был представлен в телевизионной программе А. Сладкова «Военная программа» 18.09.2010 г.

Результаты итоговых опросов по анкете «Семья как эффективное средство профилактики идеологии терроризма», проводимого в различных группах участников обучающих мероприятий, показали, что все респонденты констатировали состояние своего эмоционального комфорта в ходе обучающих мероприятий и осознание ими повышения собственной компетентности в общении как необходимое условие эффективной совместной деятельности; 94 % участников констатировали, что во время обучения они впервые так отчётливо осознали огромную роль качества семейного взаимодействия для профилактики идеологии экстремизма и терроризма; 88 % участников заявили о несомненной полезности лично для них данных мероприятий; 82 % членов групп заявили о своей готовности продолжить повышение своей квалификации в будущем в подобного рода мероприятиях; 73 % человек высоко оценили раздаточный материал, который, по их мнению, поможет им в дальнейшем при работе над изучаемой темой уже в своей профессиональной деятельности.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что система коррекционно-тренинговых занятий с целью развития коммуникативной компетентности в личностном общении всех членов семьи востребована. Литературные данные свидетельствуют о том, что тренинги оказываются более сильными и эффективными способами повышения личностной и профессиональной компетентности, чем многие директивные меры принуждения, запреты и ограничения, поскольку носят личностно-ориентированный характер. С помощью регулярно проводимых тренингов, на наш взгляд, возможно эффективно оказывать профессиональную психологическую помощь членам семьи с детьми из «группы риска» и теми, кто пережил последствия теракта, повышать их психологическую компетентность, минимизировать их психологические трудности во взаимопонимании, предотвращать экстремистскую и террористическую деятельность.

Наш опыт показал, что развитие коммуникативной компетентности и активной гражданской позиции каждого члена семьи – это базис не только для успеха

личности, но и мира и безопасности страны. Профилактика экстремизма и терроризма требует много времени и всеобщих усилий семьи, образовательных учреждений, общественных организаций и правоохранительных органов. И именно такие деятельностные совместные усилия обязательно принесут позитивные результаты.

Литература

1. Жучкова М. Терроризм: причины и профилактика // http://www.ffwpu.ru/article_terrorism.php (дата посещения 19.10.2010).
2. Кириллов И.А. О проблеме причин терроризма // <http://law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1115212> (дата посещения 04.05.2010).
3. Михеев И.Р. Терроризм: понятие, ответственность, предупреждение // <http://www.crime.vl.ru/index.php?p=1083&more=1&c=1&tb=1&pb=1> (дата посещения 04.05.2010).
4. Психологи о терроризме («круглый стол») // <http://psyfactor.org/terror3.htm> (дата посещения 19.10.2010).

Гришина А.В.

Психологические особенности восприятия образа трудового мигранта в СМИ в молодежной среде

В данной статье раскрывается особая роль СМИ как важного компонента формирования гражданского общества в условиях современного информационного общества. СМИ играют важную роль в построении субъективной картины окружающего мира молодого поколения, в частности, социальной действительности в различных аспектах, т.е. участвуют в формировании мировоззрения в целом. Зачастую образ мира значительно трансформируется и деформируется именно под влиянием средств массовой информации, что приводит и к трансформациям ценностно-смысловой сферы различных социальных групп и, в особенности, молодежи.

Ключевые слова: информационное общество, ценностно-смысловая сфера личности, психический образ мира, межгрупповое восприятие, социальный стереотип, социальная дистанция.

В современном информационном обществе особую роль играют СМИ как важный компонент формирования гражданского общества.

Феномен средств массовой информации стал объектом пристального исследования как российских, так и зарубежных психологов, политологов, социологов, лингвистов с 50-х гг. XIX в., и был изучен в рамках теории социального научения (А. Бандура, Дж. Роттер, У. Мишел), теории культивирования (Дж. Гербнер), теории социализации (И. Мейровиц, Н. Поустмен, М. Розенберг), теории использования и удовлетворения (Дж. Блумер, Э. Кац, Ф. Палмгрин, К. Розенгрэн), теории навязывания повестки дня (Д. Шоу, М. МакКомс), когнитивной теории СМИ.

Несмотря на различие подходов к изучению СМИ, все исследователи сходятся в одном: средства массовой информации оказывают огромное психологическое воздействие на аудиторию в сфере собственно деятельности в ее реальном осуществлении и в ценностно-смысловой сфере личности, трансформируя ее мотивы, потребности, установки, ценностные ориентации и формируя стереотипы. Этот процесс в отношении молодежи как группы подверженной наибольшему влиянию в силу несформированности механизмов противодействия информационному воздействию СМИ оказывается наиболее сильным и, таким образом, средства массовой информации практически конструируют образ мира у молодого поколения.

Говоря о влиянии СМИ на ценностно-смысловую сферу личности, необходимо рассмотреть понятие «психический образ». Он традиционно понимается как субъективная картина мира или его фрагментов, включающего самого субъекта, других людей, пространственное окружение и временную последовательность событий. «Психический образ мира» изучен в работах А.А. Гостева, Б.М. Петухова, С.Д. Смирнова, Е.Ю. Артемьевой, Д.А. Леонтьева. Трансформации психического образа мира, как указывает Д.А. Леонтьев, могут быть порождены как устойчивыми особенностями структурирования личностью целостной картины мира, так

и преходящим влиянием сиюминутных мотивов. Е.Ю. Артемьева считает, что немало зависит также от самих воспринимаемых объектов и явлений. По отношению ко многим из них человек уже обладает определенным априорным отношением, которое является следом опыта взаимодействия с этими объектами и явлениями, отражает их жизненный смысл и фиксируется в личности в форме диспозиционных структур и структур субъективной семантики. В то же время и новые для нас объекты и явления также с самого начала вызывают пристрастное к себе отношение, оцениваются под углом зрения их личностного смысла [4].

Одним из важнейших аспектов социальной реальности, представленной в образе мира человека, является межгрупповое взаимодействие представителей больших социальных групп. Отличительной особенностью этого взаимодействия является то, что оно может происходить без непосредственного взаимодействия представителей этих групп. Поэтому значительный вклад в формирование социальных стереотипов в процессе межгруппового восприятия носит информация, распространяемая в СМИ. Она создает «вторую реальность» в субъективном мире человека и является одновременно способом выражения и источником формирования стереотипных образов представителей больших социальных групп.

Социальный стереотип определяется как упрощенный, схематичный образ социального объекта (например, образ социальной группы), широко распространенный в определенной большой социальной группе, который характеризуется высокой степенью согласованности индивидуальных представлений в группе и эмоциональной окраской. Одной из наиболее изученных форм социальных стереотипов являются этнические стереотипы, которые исследовались А.Г. Асмоловым, В.Ф. Петренко, Г.У. Солдатовой, Е.И. Шлягиной, Т. Адорно, Т. Петтигрю, И.С. Коном, Б.А. Душковым, В.П. Левковичем, Н.Г. Панковой.

В условиях современного информационного общества процесс взаимного восприятия больших социальных групп выходит на новый уровень, т.к. одним из главных посредников в контактах между группами теперь выступают СМИ. Средства массовой информации играют важную роль в построении субъективной картины окружающего мира современной молодежи, в частности социальной действительности в различных аспектах, т.е. участвуют в формировании мировоззрения в целом. Изучение образа различных социальных групп у молодежи и степень влияния СМИ на этот образ представляется интересной, но недостаточно изученной темой. С каждым годом возрастающее число трудовых мигрантов как социальной группы вызывает противоречивое отношение у местного населения, что ведет к нарастанию социального напряжения и этническим конфликтам. Негативное отношение к мигрантам возникает зачастую у людей, которые не имеют опыта непосредственного контакта с мигрантами, и, по-видимому, сформировано под влиянием СМИ. В связи с чем, мы решили провести исследование образа трудового мигранта у студентов как активных потребителей СМИ. Студенты по объективным причинам еще не сталкивались с проблемой трудовой миграции и не имели опыта реального общения с мигрантами, что дает нам право считать, что образ трудового

мигранта складывался у студенческой молодежи опосредованно и во многом под влиянием мнения референтных групп и СМИ.

Для нормальной социально-психологической атмосферы в обществе необходимо создание и укрепление толерантных отношений между различными социальными группами, что позволит препятствовать развитию таких негативных социальных явлений как экстремизм, терроризм, ксенофобия, военные конфликты на расовой и религиозной почве. Студенческая молодежь является, с одной стороны, той социальной группой, чьи ценностно-смысловые ориентации еще достаточно лабильны и подвержены различным видам трансформаций, а, с другой стороны, именно это поколение и будет составлять основу будущего общества в РФ. Одним из способов влияния на ценностно-смысловую сферу молодого поколения, безусловно, являются СМИ.

Возникшее противоречие между необходимостью изучать ценностно-смысловые трансформации современной молодежи и недостаточной степенью изученности тех образов, которые СМИ создает для различных социальных групп, и их воздействия на социально-психологическую ситуацию в обществе определило проблему исследования, результаты которого коротко отображены в настоящей статье.

Объектом исследования стали студенты ВУЗов г. Ростова-на-Дону как потребители СМИ. Все испытуемые были людьми одного поколения (от 18 до 25 лет) и составили четыре группы. Дифференцировались группы по профессиональной направленности: психологи, физики, юристы и экономисты. Экспериментальной базой исследования выступали государственные ВУЗы г. Ростова-на-Дону: ФГОУ ВПО «Южный Федеральный университет» и ГОУ ВПО «Ростовский государственный университет путей сообщения». Всего в исследовании приняли участие 200 человек, из них 147 женщин и 53 мужчин. Всем участникам исследования предлагалось заполнить единообразные бланки тестирования и опроса. Процедура исследования проводилась методом горизонтального среза и носила характер групповой и индивидуальной работы.

В процессе исследования нами были использованы несколько групп методов: теоретический анализ психологических источников по проблеме исследования; диагностическое эмпирическое исследование с использованием личностных тестовых методик, оценочных шкал (тесты «Смысложизненные ориентации» Д.А. Леонтьева и «Ценностные ориентации» М. Рокича, экспресс-опросник «Индекс толерантности» Г.У. Солдатовой, «Шкала социальной дистанции Богардуса» в модификации А.В. Гришиной, И.В. Абакумовой, 2 анкеты-опросника А.В. Гришиной, И.В. Абакумовой); анализ, обобщение; статистическая обработка данных (ранговая корреляция по Спирмену, критерий Краскелла-Уолиса).

Для компьютерной обработки эмпирически полученных данных использовались стандартные статистические методы и программы «Microsoft Excel 7.0» и «STATISTIKA Stat Soft 6.1».

Исследование проводилось в течение 2 лет и состояло из четырёх этапов: научно-теоретического, организационного, психодиагностического и констатирующего.

На первом этапе (2008–2009 гг.) – научно-теоретическом – были изучены представления об особенностях ценностно-смысловой сферы личности в современном информационном обществе, а также проведен анализ основных теорий массовой коммуникации.

Второй этап (2008–2009 гг.) – *организационный* – на этом этапе осуществлялось планирование научного эмпирического исследования, были сформулированы его цель, гипотезы и задачи, сформирована выборка, разработан методический инструментарий по сбору эмпирического материала, разработаны и апробированы анкеты.

Третий этап (2009–2010 гг.) – *психодиагностический* – предполагал психологическое изучение четырех групп студентов, разделенных по профессиональной направленности, по выбранному нами методическому инструментарю.

Четвертый этап (2010 г.) – *констатирующий* – предполагал обобщение полученных результатов, выявление особенностей ценностно-смысловой сферы у студентов различной профессиональной направленности и сравнение образа трудового мигранта, транслируемого СМИ, с образом, существующим у студентов. На этом этапе работы были сделаны выводы, сформулированы положения, выносимые на защиту, и разработаны рекомендации для СМИ.

В результате проведенного исследования были сформулированы следующие выводы.

1. Под влиянием стереотипов, транслируемых в СМИ, в молодежной среде формируются устойчивые образы, которые порождают трансформации установок негативного ожидания в отношении к различным социальным группам. Для мигрантов создаются образы, подчеркивающие их некомпетентность, невежественность, отсутствие какого-либо образования и абсолютную дезинтеграцию в принимающее общество. При этом негативно окрашенная информация о мигрантах зачастую связывается в СМИ с определенными этническими группами, в результате чего у аудитории формируются этнические стереотипы и предрассудки.
2. Ценностные ориентации современной молодежи, сформированные во многом под влиянием СМИ, обуславливают трансформации в восприятии людей иной этноконфессиональной принадлежности, в частности трудовых мигрантов. Одной из наиболее ведущих ценностей студенческой молодежи является профессиональная самореализация и общественное признание. Во многом в связи с этим, трудовые мигранты воспринимаются молодым поколением как конкуренты на рынке труда, что, безусловно, ведет к неприятию этой социальной группы в целом.
3. Образ трудового мигранта в восприятии студентов значительно трансформирован. Вне зависимости от профессиональной направленности испытуемых во всех группах выявлено с одной стороны устойчивое неприятие трудовых мигрантов определенной категории (рабочих специальностей), а, с другой стороны, безусловное принятие других категорий мигрантов,

которых до начала исследования испытуемые не причисляли к категории «трудовые мигранты», хотя они таковыми являются (квалифицированных специалистов в разных областях).

4. Необходим особый подход к отбору и трансляции этнически окрашенной информации в СМИ с целью развития толерантности и профилактики таких негативных социальных феноменов как мигрантофобия и ксенофобия. Для этого разработаны психологически-обоснованные рекомендации для журналистов и специалистов, работающих с мигрантами в государственных структурах и общественных организациях, по преодолению формирования негативного отношения к трудовым мигрантам.

Литература

1. Артемьева Е.Ю. Основы психологии субъективной семантики. – М.: Смысл, 1999.
2. Богомолова Н.Н. Социальная психология массовой коммуникации: Учебное пособие для студентов вузов. – М.: Аспект-Пресс, 2008.
3. Гостев А.А. Образная сфера личности // Психологический журнал. – 1987. – Т. 8. – № 3.
4. Леонтьев А.А. Деятельный ум. Деятельность, Знак, Личность. – М.: Смысл, 2001.
5. Леонтьев Д.А. Психология смысла. – М., 1999.

Дикая Л.А.

Обратная сторона креативности.

Роль креативности в противодействии терроризму

В работе рассматривается проблема антисоциального и криминального использования творческих способностей, анализируются психологические аспекты использования террористами нестандартных приёмов при осуществлении террористических актов, а также возможности использования творческих подходов и тактик противодействия терроризму. Предлагаются направления для изучения негативного социального проявления креативности, для разработки креативного подхода при создании концепций и практических методов эффективного противодействия террористическим угрозам.

Ключевые слова: креативность, противодействие терроризму, методы обнаружения лжи.

Исследования творчества в основном сосредоточены на положительных сторонах этого явления, в то время как его обратная «тёмная» сторона в значительной степени игнорируется. Между тем эта сторона касается не только творческого потенциала, преднамеренно направленного на причинение вреда другим, например мошенничество, тяжкие уголовные преступления, в том числе терроризм, но и случайного отрицательного непроизвольного его влияния при совершении поступков с благими намерениями [17].

Хотя креативность как способность к созданию нового часто связывается исследователями с самореализацией личности, и их внимание акцентируется на её внутреннем аспекте, следует признать, что внешнее влияние творчества на социальные процессы может быть достаточно сильным. Традиционно представление о том, что творчество должно быть конструктивным и социально одобряемым, а развитие творческого потенциала, таким образом, является социально желательным. Однако те, кто желает причинить преднамеренный вред другим, используют свой творческий потенциал со злым умыслом, прибегая к тем же способам и закономерностям создания новой идеи, как и при конструктивном творчестве.

В современных научных исследованиях показано, что криминальные «способности» многих преступников, независимо от их пола и возраста, взаимосвязаны с высоким уровнем развития у них творческого потенциала. Например, мошенники отличаются не только развитыми интеллектуальными качествами – сообразительностью, осмысленностью, изворотливостью, хитростью ума и т.д., но творческим характером мышления и поведения; они динамичны, их действия постоянно меняются и обновляются [16; 19].

Обратная сторона креативности не остается без внимания террористических группировок. Так, лидеры террористической группировки «Аль-Каида» в Саудовской Аравии акцентируют внимание на психологическом эффекте от «асимметричной»

войны с использованием нетрадиционной тактики боевых действий, новых видов оружия и технологий, которые предполагают нестандартное мышление и фантазию, чтобы перехватить инициативу и получить свободу действий [по 8].

Независимая комиссия Конгресса США, расследующая причины терактов 11 сентября 2001 года в своём отчёте использовала термин «новый тип террористических угроз», отмечая особый, нестандартный подход террористов к проведению своих преступных действий. Нестандартность этого подхода заключается в применении методов, не укладывающихся в систему противодействия террору спецслужб США. Террористы как бы ищут брешь в этой системе противодействия и наносят удар в самое уязвимое место [14].

Г.Н. Трошев, анализируя опыт проведения антитеррористических операций в Дагестане и Чечне, отмечает, что боевики часто использовали нестандартные приемы и тактику боя при захвате ключевых выгодных позиций и маскировке своих огневых средств, при минировании местности. Террористы применяют тактику активных боевых действий небольшими группами, ведение снайперами стрельбы под звуковым прикрытием минометных и гранатометных выстрелов, нестандартную тактику организации засад и инженерного оборудования боевых позиций, использование радиообмена с целью дезинформации и т.п. [15]. В докладе Госдепартамента в Конгрессе США «Тенденции терроризма: 2006» отмечается высокая креативность террористов, как в вопросах проведения нападений и пропаганды, так и в вопросах финансового обеспечения своих акций [по 5].

Вышеприведенные примеры позволяют заключить, что изучение психологических механизмов этой обратной «тёмной» стороны креативности позволит проникнуть в суть действий и мышления террористов, понять их потенциальные планы, идеи и выработать такие же креативные решения по противодействию терроризму.

В ряде исследований приводятся доводы в пользу ценности использования творческого потенциала для предотвращения террористических актов [2, 17, 19, 20]. Трудности, связанные с обострениями международной напряженности, в том числе и из-за террористических угроз, во многом обусловлены тем, что не используются творческие возможности решения этих проблем. Креативный подход к прогнозированию, предупреждению и предотвращению потенциальных нестандартных террористических угроз может стать отправной точкой для более детального исследования [21].

Так, Cropely et al., рассматривая ключевые идеи креативности аисоциальной направленности, выделяет ряд принципов, анализ которых может помочь в развитии более эффективных средств противодействия терроризму.

1. Проявление креативности в действиях людей с антиобщественными намерениями не зависит от одобрения их целей окружающими.
2. Творческий потенциал, как с «добрым», так и со «злым» умыслом, является конкурентоспособным рычагом для обхода людьми правил и законов общества. Его использование может принести выгоду всем, кому он доступен.

3. Террористические и антитеррористические решения необходимо анализировать по четырем основным параметрам креативного продукта: эффективность, новизна, оригинальность и простота (вседоступность).
4. Чем решение более креативное (т.е. более новое, оригинальное и простое), тем оно более эффективно.
5. Чем более новое решение, тем меньше эффективность стандартных решений по противодействию ему.
6. Новизна решений уменьшается с течением времени.
7. Раскрытие сущности решения ускоряет снижение его новизны.
8. Снижение новизны решений вызывает снижение их эффективности.
9. Творческое противодействие террористическим решениям будет ускорять снижение их новизны и эффективности.
10. Незамедлительные упреждающие антитеррористические решения – это также творческие решения.
11. Высококreativeвные упреждающие антитеррористические решения должны быть тщательно продуманы и подготовлены [17].

Необходимость новых нестандартных подходов и решений для противодействия терроризму очевидна. Тем не менее, во многих странах методы и тактика антитеррористических действий регламентируются на законодательном уровне, что во многом ограничивает рамки использования новых нестандартных решений по противодействию терроризму. А особенности борьбы с терроризмом требуют сочетания самых современных и разнообразных средств, методов противодействия, различных навыков и технического оснащения, умений оперативно планировать действия и принимать нестандартные решения в быстро меняющейся обстановке. Для расширения креативного поля при разработке антитеррористических решений возникает необходимость введения особых поправок в законодательство, расширяющих полномочия силовых органов в борьбе с терроризмом, и позволяющих использовать более эффективные инструменты противодействия террористической деятельности.

Несомненно, проблема творческого, нестандартного мышления является важной при создании и подготовке специальных антитеррористических подразделений особого назначения. Необходимость в создании небольших, но всесторонне подготовленных отрядов спецназа для проведения нестандартных операций, бойцы которых отличаются высокой сплоченностью и дисциплиной, творческим подходом к решению разного рода боевых задач и обладают способностями самостоятельно решать возникающие проблемы в любых условиях, возникла задолго до появления массовых террористических угроз. Во многих спецслужбах при отборе и подготовке сотрудников большое внимание уделяется их творческим способностям. Так, например, процедура отбора кадров для работы в израильской разведке включает задания, требующие нестандартного мышления и быстрой реакции [10]. Анализируя систему подготовки офицеров подразделений специального назначения, С.В. Козлов отмечает, что главное внимание уделяется

воспитанию у курсантов боевого духа, а также умения мыслить дерзко и нестандартно [6]. О.Е. Рязанов, рассматривая особенности подготовки и использования снайперов в боевых действиях, пишет о том, что умение нестандартно мыслить является одним из основных профессиональных качеств снайпера, позволяющих выполнить задачу и выжить. В ряде иностранных армий при подготовке снайперов спецподразделений инструкторы вынуждены искусственно устранять «командный инстинкт», чтобы стрелки научились сами думать о себе, стимулируют придание индивидуальных черт оружию и средствам маскировки, одновременно решая задачу по составлению постоянных пар (стрелок и корректировщик), образующих предельно сплоченный мини-коллектив [12]. Несомненно, в ближайшие годы перспективными станут универсальные бойцы, способные ориентироваться и вести бой в нестандартных ситуациях.

Использование творческого подхода становится ценным при разработке принципиально новых методов обнаружения террористов, методик расследования террористических актов, новых подходов при взрывотехнической диагностике, криминалистической идентификации личности, при оценке диверсионно-террористической уязвимости гражданских объектов, методов получения информации об источниках и характере террористических угроз и разработке мер по их предупреждению [1, 7, 13]. Так, использование метода детекции лжи с помощью полиграфа позволяет в течение трёх часов с высокой достоверностью выявить лиц, причастных к исполнению и планированию теракта, определить состав и роли членов террористической группы, выяснить детали, тактику и механизм совершения теракта [4, 9]. На практике получили поддержку и новейшие методы оценки причастности к терроризму авиапассажиров, которые включают в себя возможности предполетного психотестирования («профайлинг») – это установленные в крупных аэропортах антирисковые терминалы MindReader и SSRM Tek, имеющие высокую пропускную способность и кросскультурную адаптивность за счет использования стимулов-изображений [11].

В связи с вышеизложенным актуальной становится задача разработки психологических практических программ развития креативности как интегрального свойства личности, психологических тренингов развития творческого мышления и поведения для сотрудников антитеррористических подразделений. Изучение психологических, психофизиологических и нейрофизиологических механизмов творческой активности поможет создать надежную научную основу для разработки программ тренингов с биологической обратной связью оптимального для творческого процесса функционального состояния коры головного мозга [3, 18].

Таким образом, изучение природы «обратной» стороны креативности и её негативного социального воздействия может не только способствовать выявлению и пониманию механизмов возникновения этого явления, но также позволит разработать концепции и практические методы эффективного противодействия самым изощрённым и нестандартным тактикам запугивания людей террористами, предотвращения террористических угроз.

Литература

1. Артамонов И.И. Терроризм: способы предотвращения, методика расследования. Монография. – М.: Изд-ль Шумилова И.И., 2002. – 297 с.
2. Дикая Л.А. Конференция «Противодействие идеологии экстремизма и терроризма в рамках реализации государственной молодежной политики» // Российский психологический журнал. – 2009. – Т. 6. – № 4. – С. 29–35.
3. Дикая Л.А. Современная психофизиология и мозговые механизмы творчества // Российский психологический журнал. – 2008. – Т. 5. – № 4. – С. 65–70.
4. Дикий И.С. Информативные признаки инструментальной детекции скрываемой информации у лиц с различными особенностями межполушарной функциональной асимметрии мозга // Российский психологический журнал. – 2009. – Т. 6. – № 2. – С. 43–46.
5. Коган А. Террор высокой креативности // Еврейский мир (Газета русскоязычной Америки). – 19.08.2006.
6. Козлов С.В. Спецназ ГРУ. Пятьдесят лет истории, двадцать лет войны: сб. статей. – М.: Русская панорама, 2003. – 600 с.
7. Моторный И.Д. Современный терроризм и оценка диверсионно-террористической уязвимости гражданских объектов: монография. – М.: Изд-во Шумилова И.И., 2004. – 106 с.
8. Нечитайло Д.А. Асимметричная война» исламистов // Независимая газета / Политика. – 05.08.2009.
9. Николаева И.Н. Опыт использования полиграфа при расследовании резонансных преступлений // Российский полиграф. – Вып. 1. – 2008.
10. Островский В.П. Обратная сторона обмана (Скрытые операции Моссад) – Харьков: Свитовид, 2004. – 320 с.
11. Подосинов В.Н. Профайлинг в системе предполетного досмотра / Материалы VII международной научной конференции «Наука и образование». – Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2008.
12. Рязанов О.Е. История снайперского искусства // Братишка. – М., 2004.
13. Сафонов И.И. Организация раскрытия и расследования терроризма: монография. – М.: Изд-во Шумилова И.И., 2004. – 132 с.
14. Соколов В. Буш Америке не нужен? Конгресс помешает нынешнему американскому президенту избраться на второй срок // НОМАД – 26.03.2004.
15. Трошев Г.Н. Моя война. Чеченский дневник окопного генерала. – М.: Вагриус, 2001. – 382 с.
16. Фойницкий И.Я. Мошенничество по русскому праву: в 2-х ч. Ч. 1. – М.: Изд-во СГУ, 2006. – С. 9.
17. Cropley D.H., Kaufman J., Cropley A.J. and Runco M.A. The Dark Side of Creativity, Cambridge University Press. – 2010.
18. Dikaya L.A., Ermakov P.N. Peculiarities of frequency-spatial organization of brain cortical bio-potentials in creative individuals performing divergent and convergent tasks // International journal of psychophysiology. – 2010. – V. 77. – № 3. – P. 316–317.

19. Eisenman R. Creativity, Mental Illness and Crime. Dubuque, IA: Kendall / Hunt Publishing Company. – 2007. – 139 p.
20. James K., Drown D. Whether “Malevolent” or “Negative,” Creativity is Relevant to Terrorism Prevention: Lessons From 9/11 And Hazardous-Material Trucking. *Creativity Research Journal*. – 2008. – 20. – P. 120–128.
21. James K. Creative anti-terrorism strategies: Promoting collective efficacy for hazardous material trucking terrorism prevention // *Journal of Occupational Health Psychology*. – 2008. – 13. – P. 24–31.

Дикий И.С.

Возможности применения полиграфа и новых альтернативных методов инструментальной детекции лжи для предупреждения террористических угроз

В статье рассматриваются возможности разработки альтернативных традиционным полиграфическим проверкам новых методов детекции лжи с помощью регистрации и анализа вызванных потенциалов мозга, их применение для проверки на причастность подозреваемых лиц к террористическим действиям. Отмечается, что новые методы обладают высокой надёжностью и достоверностью обнаружения скрываемой информации о терактах ещё на этапе их планирования.

Ключевые слова: детекция лжи, проверка на причастность к терроризму, вызванные потенциалы мозга.

При решении задач по предупреждению терактов в настоящее время широко используются специальные методы и технологии получения информации об источниках и характере террористических угроз. Для этих целей достаточно эффективно применяется инструментальная детекция лжи при помощи полиграфа. Возможность оперативного обследования с использованием полиграфа на причастность подозреваемых лиц к терроризму в местах крупных транспортных узлов (вокзалы, аэропорты) предъявляет жесткие требования к подобного рода проверкам: оперативность, мобильность (способность использования методики в полевых условиях) в сочетании с высокой достоверностью обнаружения признаков лжи. Так, например, анализ результатов использования полиграфных проверок в Краснодарском крае показал, что этот метод позволяет успешно выявлять конкретных лиц, входящих в состав террористических групп, а также детали планируемых терактов при непродолжительных временных затратах на обследование [7, 10]. При этом выявление причастности лиц к террористическим группировкам не обязательно сводится к противозаконному хранению и использованию оружия, взрывчатых веществ, а часто связано с необходимостью получения информации о членах террористических группировок, их местонахождения и планах [5].

В операциональном плане традиционный психофизиологический метод инструментальной детекции лжи представляет собой непрерывную регистрацию техническими средствами вегетативных реакций человека, возникающих в ответ на специально составленные внешние стимулы (в том числе заведомо значимые) и их последующий анализ с принятием решения о наличии или отсутствии скрываемой информации у обследуемого [11]. В настоящее время в целях детекции лжи при помощи полиграфа регистрируются и анализируются изменения электрической активности кожи (ЭАК) или кожно-гальванической реакции (КГР), параметров дыхания, частоты сердечных сокращений (ЧСС), величины артериального давления (АД) [6, 11].

Тем не менее, традиционный метод инструментальной детекции лжи (или метод специальных психофизиологических исследований), основанный на комплексной регистрации психофизиологических характеристик эмоционального состояния с использованием полиграфа, не лишён недостатков. Так, его точность применительно к разным задачам составляет около 80 %. Основными причинами ошибок при детекции лжи с помощью этого метода являются трудности в интерпретации изменений физиологических показателей, недостаточная разработанность концепций обнаружения лжи, несовершенство вопросников, предъявляемых человеку в ходе тестирования. Кроме того, предъявляются высокие требования к подготовке, уровню квалификации и степени объективности специалистов, проводящих обследование [13]. На достоверность результатов при выявлении скрываемой информации могут оказывать влияние состояние субъекта, его интеллектуальные особенности, акцентуации характера, особенности мотивационно-потребностной сферы личности, особенности стиля мышления и латеральной организации обследуемых [4, 6, 11, 15].

По этой причине полиграфные проверки на причастность к терроризму носят многоэтапный характер: идентификация опрашиваемого в качестве участника преступления; определение состава террористической группы и ролевого участия опрашиваемых; выяснение неизвестных деталей, позволяющих уточнить тактику и механизм совершения теракта; выяснение мотива совершенного преступления; выход на доказательную базу и т.п. [10].

При этом важным представляется подбор, объединение методик и тестов полиграфических проверок в определенной последовательности с сохранением четких информационно-логических связей. И хотя на первый взгляд методическая процедура обследования на полиграфе лиц, подозреваемых в обычных «криминальных» преступлениях, ничем не отличается от выявления лиц, причастных к терроризму, в последнем случае существуют некоторые особенности.

Так, Ю.Г. Касперович, рассматривая личностные и поведенческие особенности террористов, указывает, что поведение террориста обычно представляет собой некоторую яркую и вполне очевидную разновидность асоциального, отклоняющегося поведения. По общей оценке такое поведение в той или иной мере является аномальным и неизбежно включает в себя некоторый патологический компонент. Общепризнанной является констатация того, что террорист – личность акцентуированная. Это означает, что определенные черты личности у него выражены необычно сильно, ярко, несколько отклоняются от нормы, что в свою очередь может сказываться на симптоматике проявления вегетативных реакций в процессе детекции лжи [8].

При этом важно отличить «настоящие» эмоции от «индуцированных» на которые могут влиять многочисленные факторы: состояние субъекта, его интеллектуальные и психологические особенности и так далее.

Кроме психофизиологического аспекта важным моментом эффективной инструментальной диагностики лжи является её методическое обеспечение. Для

обследования лиц, подозреваемых на причастность к терроризму, преимущественно используются тесты методики скрываемой информации (в различных модификациях), например тест знания виновного и т.п. Широко применяется «поисковый тест на криминальное прошлое» [10]. Так, методика знания виновного и соответствующие ей тесты ориентированы на осознание испытуемым вины за совершенное им асоциальное деяние. Память об этом эмоционально значимом событии устойчиво сохраняется многие годы [1]. Однако, террористы – религиозные фанатики, искренне убежденные в правоте своих действий, могут не испытывать чувство вины за совершаемые преступные действия, что затрудняет их идентификацию при помощи традиционной инструментальной методики детекции лжи.

При этом метод специальных психофизиологических исследований является непрямым методом изучения проявления лжи, а исследуемые вегетативные реакции слишком медленны и протекают с задержкой, тесно связаны с изменением функционального состояния и эмоциями и неспецифичны в отношении стимулов и задач. Многие критики настаивают, что с помощью метода специальных психофизиологических исследований на полиграфе исследуются скорее эмоции, чем знания о каком-либо событии [3, 12]. Кроме того, на характер протекания психофизиологических процессов, отражающих реакцию лжи в её разнообразных проявлениях, могут оказывать влияние интеллектуальные особенности, акцентуации характера, характеристики мотивационно-потребностной сферы личности, особенности межполушарной функциональной асимметрии мозга и другие факторы [2, 3, 14]. Решить эту проблему смогли бы разработки новых надёжных методов выявления скрываемой человеком информации, основанных на регистрации объективных нейрофизиологических реакций, специфических по отношению к проявлению феномена лжи [2, 3, 11, 14].

Идея использования специфических мозговых коррелятов при детекции лжи возникла при поиске альтернативы полиграфическим исследованиям. В качестве одного из таких альтернативных и перспективных методов детекции лжи рассматривается анализ биоэлектрической активности коры головного мозга, а конкретнее анализ «вызванных потенциалов» (ВП) в ответ на предъявляемые стимулы. Достоинства этого метода заключаются в том, что его применение позволило бы выявить специфические изменения биоэлектрической активности определённых участков мозга, связанных с актом лжи. Установлено, что процесс лжи сопровождают изменения вызванных потенциалов N400 и P300, которые также могут отражать реакцию внимания на случайный редко встречающийся в последовательности стимул, а также реакцию узнавания, оценку значимости стимула, перераспределения внимания и переработку информации [16].

Основываясь на результатах изучения с помощью ВП мозговых процессов, сопряженных с ложью, было предложено несколько противоречащих друг другу теорий. Так, разные ученые считают, что процесс лжи сопряжен с изменением активности механизмов внимания, либо с изменением нагрузки на механизмы памяти, либо с разрешением конфликта, возникающего между процессами

восприятия и памяти [3]. Поиск специфических мозговых механизмов, отражающих реализацию ложного ответа методом регистрации вызванных потенциалов, позволил выявить характерные признаки мозговой активности, которые являются частным случаем универсальной реакции мозга на реализацию некорректного действия [9].

В зарубежных публикациях уже приводятся практические результаты использования методик на основе анализа событийно связанных потенциалов (в частности, волны P300) для обнаружения скрытой информации для выявления деталей планируемых террористических актов [17, 18]. Так, в лабораторных исследованиях участники эксперимента – «условные» террористы – знакомы с подробностями планов проведения крупного теракта в нескольких городах США. Для выявления степени запоминания полученной информации им предлагалось изложить подробный план проведения террористического нападения в письменном виде. В процессе регистрации и анализа компонента P300 у участников экспериментальной группы («условных террористов») и контрольной группы (лиц не знакомых с содержанием плана теракта) при заранее известных экспериментаторам деталях плана террористического акта условные «террористы», причастные к его созданию, устанавливались с точностью 100 % [17]. Следует отметить, что исследователи впервые использовали методику регистрации ВП P300 в сценарии эксперимента, где обследуемые – условные «террористы» – ещё только планировали, а не совершали террористический акт. Но даже в эксперименте, когда исследователям не были известны подробности о планах условных «террористов», технология обнаружения позволяла с точностью 83 % выявлять членов террористической группы и критические элементы скрываемой ими информации. При этом в лабораторных условиях участникам исследования (условным «террористам») отводилось всего 30 минут для ознакомления с подробностями плана предстоящего теракта. Предполагается, что настоящие террористы обдумывают и многократно знакомятся с деталями планирующегося теракта многократно, что приводит к более глубокому кодированию на нейрофизиологическом уровне связанных с этим событием воспоминаний, и соответственно, с большим откликом ВП на предъявление соответствующих стимулов, что позволяет повысить достоверность обнаружения террористических намерений.

Вышеизложенное позволяет заключить, что разработка и модификация технологий обнаружения лжи за счет привлечения нейрофизиологических методов позволит повысить объективность детекции скрываемой информации для предотвращения террористических угроз еще на этапе их планирования. Сочетание традиционных полиграфных проверок, ориентированных на регистрацию вегетативных реакций подозреваемых в причастности к теракту, с новыми альтернативными методиками, основанными на регистрации динамики биопотенциалов коры мозга, позволит повысить достоверность и надежность проверок на причастность к террористической деятельности.

Литература

1. Алексеев Л.Г., Трофимов Т.Ф. Социальная адаптация в рамках методики контрольных вопросов / Российский Полиграф. – 2007. – № 2.
2. Варламов В.А., Варламов Г.В. Психофизиология полиграфных проверок. – Краснодар, 2000. – 239 с.
3. Вендемия Дж. Детекция лжи / Polygraph. – 2003. – № 32(2). – С. 97–106.
4. Грузьева И.В. Формально-динамические и стилевые особенности индивидуальности как факторы вероятности инструментального выявления скрываемой информации: дисс... канд. психол. наук. – М., 2006. – 187 с.
5. Дикая Л.А. Конференция «Противодействие идеологии экстремизма и терроризма в рамках реализации государственной молодежной политики» // Российский психологический журнал. – 2009. – Т. 6. – № 4. – С. 29–35.
6. Дикий И.С. Особенности вегетативных реакций у участников скрининговых проверок с различными особенностями межполушарной асимметрии мозга // Сибирский психологический журнал. – 2010. – № 37. – С. 21–26.
7. Иванов В. Детектор лжи для министра обороны / Независимая газета. – 11.03.2005.
8. Касперович Ю.Г. Психологические особенности лиц, совершающих террористические акты // Безопасность. Менеджмент. Бизнес. – 2007. – № 11–12.
9. Киреев М.В., Старченко М.Г., Пахомов С.В., Медведев С.В. Этапы мозгового обеспечения заведомо ложных ответов // Физиология человека. – 2007. – Т. 33. – № 6. – С. 5–13.
10. Николаева И.Н. Опыт использования полиграфа при расследовании резонансных преступлений // Российский полиграф. – 2008. – Вып. 1.
11. Оглоблин С.И., Молчанов Ю.А. Инструментальная «детекция лжи»: академический курс. – Ярославль: Ньюанс, 2004. – 264 с.
12. Холодный Ю.И. Опрос с использованием полиграфа и его естественнонаучные основы / Вестник криминалистики. – 2005. – Вып. 1 (13). – С. 39–48.
13. Холодный Ю.И., Савельев Ю.И. Проблема использования испытаний на полиграфе: приглашение к дискуссии // Психологический журнал. – 1996. – Т. 17. – № 3. – С. 53.
14. Цагарелли Ю.А. Системная детекция лжи. – Казань, 2001.
15. Ermakov P.N., Dikiy I.S. Vegetative reactions in participants of screening with different psychological and physiological features // International journal of psychophysiology. – 2010. – V. 77. – Is. 3. – P. 286.
16. Farwel L.A., Donchin E. The truth will out: interrogative polygraphy (lie detection) with event-related potentials // Psychophysiology 28. – 1991. – P. 531–547.
17. Lui M., Rosenfeld J.P. The application of subliminal priming in lie detection: Scenario for identification of members of a terrorist ring // Psychophysiology. – 2009. – 46. – P. 889–903.
18. Meixner J.B., Rosenfeld J.P. A mock terrorism application of the P300-based concealed information test // Psychophysiology. – 22.06.2010.

Ермаков П.Н., Брижак З.И.

Высшее образование и система противодействия идеологии терроризма

В статье проводится анализ системы по противодействию идеологии терроризма, выделяются основные её субъекты: политические, социально-экономические, правовые, информационно-пропагандистские, культурно-образовательные, организационные. Предлагаются основные направления работы по противодействию идеологии терроризма на базе учреждений высшего образования.

Ключевые слова: идеология терроризма и экстремизма, противодействие этой идеологии, профилактика экстремистских настроений в молодежной среде.

На сегодняшний день остро встает проблема распространения на территории Российской Федерации идеологии терроризма и экстремизма. Рост террористической активности и культурно-нравственной напряженности способствует наращиванию потенциала экстремистских группировок, влияющих на ключевые структуры жизни. При этом отмечается многообразие форм экстремистской и террористической деятельности, стремление добиться общественного резонанса и устрашению населения. В отдельных регионах Южного и Северо-Кавказского федеральных округов наблюдается расширение информационной, идеологической, психологической, ресурсной взаимосвязанности экстремистских сообществ и групп. В этих условиях подрастающее поколение юга России оказалось самой незащищённой в культурном отношении категорией населения, которая находится в своеобразном ценностном и духовном вакууме. Часть молодёжи оказалась дезорганизованной, подверженной влиянию экстремизма и ксенофобии, разрушающих традиционные ценности национальных культур и религий народов ЮФО и СКФО. Именно здесь целесообразно формирование толерантности, понимания национально-культурных особенностей в среде студенческой молодежи, что должно позволить сформировать личность молодого человека с устойчивой гражданской позицией, способного противостоять идеологии ксенофобии и различным экстремистским тенденциям.

Международный и отечественный опыт противодействия терроризму свидетельствует о том, что силовые методы решения данной проблемы могут лишь временно локализовать конкретную угрозу совершения террористических актов. Но в целом такие угрозы будут сохраняться до тех пор, пока существует система воспроизводства инфраструктуры терроризма. Ключевые звенья этой системы – идеология терроризма и экстремизма, ее вдохновители и носители, каналы распространения указанной идеологии, а также лица, подпадающие под ее влияние («Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации»). Вот почему одним из важнейших направлений и одновременно важнейшей составной частью антитеррористической политики является формирование антитеррористического сознания населения. Такой вид сознания – часть сознания политического и стремится к сохранению системы ценностей, к которым относятся интересы государства, политической элиты и других социальных групп.

В современном обществе очень актуальным является направление по профилактике экстремистских настроений в молодежной среде (Ильин), искоренение социальной агрессии при разработке системы мер по формированию антитеррористической идеологии, и воспитанию толерантного сознания в поликультурном, многонациональном обществе.

При разработке и реализации таких программ очень важно учитывать все факторы социальной адаптации молодежи, а именно возрастные, гендерные, социальные, культурно-этнические, конфессиональные, профессиональные и, конечно, личные (Ермаков, Абакумова). Прежде всего, следует обращать внимание на формирование у молодых людей здоровых межличностных отношений, уважительных отношений к себе и другому. Развитие здоровой личности, способной понимать и принимать значимых и незначимых других в обществе во многом зависит от осознания собственной мотивации, собственных интенций, от способности управлять своими чувствами и эмоциями. Следует учитывать, что высшая школа как никогда является объектом пристального внимания со стороны идеологов экстремизма и терроризма. Одна из исполнительниц террористического акта в московском метро окончила педагогический университет, ее родители учителя в средней школе. И какие бы мотивы участия в теракте не выдвигались в качестве основных, факт остается фактом: все эти люди получили высшее образование. Кроме того, в регионе значительное развитие получило исламское образование. На Юге России официально действуют 30 исламских вузов, из которых 19 – в Дагестане, 8 – в Чечне и по одному в Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкессии и Астраханской области. В то же время более 2 500 молодых людей из субъектов ЮФО и СКФО обучаются в зарубежных исламских учебных заведениях. Еще одна специфика ситуации в регионе – большое количество мусульман, среди которых и молодые люди, совершают паломничество – умра и хадж (количество паломников увеличивается ежегодно).

Процесс социально-культурной модернизации в ЮФО позволяет говорить о высокой степени мобильности населения и соответственно значительных миграционных движениях различного характера и уровня, и как следствие – смешение культур, ценностей, языков, религий и традиций. При этом следует отметить, что отток русскоязычного населения из Северокавказских республик приобрел массовое явление. Сегодня на самых высоких государственных уровнях начинают говорить о необходимости возвращения лиц некавказских национальностей в Чеченскую республику или Ингушетию (Кадыров). Вышеперечисленные факторы стимулируют напряженность в межнациональных отношениях, сопровождающуюся межэтническими и межконфессиональными конфликтами, в результате появляется тенденция к образованию различных оппозиционных групп, добывающихся желаемого результата через активную террористическую деятельность. Современные этнические конфликты связаны и с ростом социальной и религиозной напряженности, обусловленной резким падением уровня жизни и размытостью культурных и религиозных ценностей. Разработка и реализация системы государственных мер по противодействию идеологии терроризма и экстремизма в российском обществе являются комплексной задачей, требующей скоординированного взаимодействия

органов государственной власти, опоры на общественные объединения. Однако эффективность направленной антитеррористической государственной политики будет определяться не только позиционированием данной проблемы на государственном уровне, но и от коммуникативной подготовленности тех, кто работает с молодежью и по роду профессиональной деятельности должен стать транслятором ценностей культуры толерантного поведения (Асмолов). В высших учебных заведениях такой ключевой фигурой становится педагог, который выступает не только носителем определенных коммуникативных компетенций, но и оказывает реальное влияние на формирование ценностных ориентаций подрастающего поколения. В этой связи именно образование может выступать как один из ведущих факторов формирования толерантности и профилактики ксенофобских и антитеррористических установок. И мы в настоящее время используем образование с этой целью крайне неэффективно. Учебники, программы специальных курсов, стандарты специальностей совершенно не связаны с проблемами антитеррористического мировоззрения, формирования российской духовности. Стремительная динамика социально-экономической ситуации множит и обостряет разнообразие кризисные явления, которые проникают в различные жизненные контексты молодых людей (семейные, референтные, профессиональные), обостряя внутренние противоречия между личностью и внешним окружением, порождая различные личностные трансформации и кризисы. Это отражается на процессе формирования ценностных позиций молодого поколения, которые зачастую деформируются и отчуждаются от того, что позитивно оценивается обществом и государством. В настоящее время можно констатировать, что государство и образование как его социальный институт, призванный транслировать и формировать ценностные ориентации и основы гражданской позиции учащихся, во многом утратило эту реальную возможность. При несоответствии системы образования заявленной тенденции в реформировании страны преобразования могут иметь затяжной характер. Перемены в жизни российского общества показали, что в настоящее время содержание образования не удовлетворяет потребности социума. В связи со сложившейся ситуацией пересмотрены стандарты системы образования. Однако и новые образовательные стандарты не ориентируют преподавателя, как именно он должен воздействовать на студента, чтобы помочь ему преодолеть стереотипные оценки, ущербные ценности различных молодежных субкультур, далеко не всегда приемлемые идеалы, навязываемые СМИ. Для того, чтобы образование могло противостоять тем негативным влияниям, которые в настоящее время все более и более агрессивно воздействуют на юношество, необходимо разрабатывать технологии воздействия на ученика, студента со стороны учителя, преподавателя, ориентированные на убеждающий эффект. Существенным этапом убеждающего воздействия является формирование ценностно-смысловых установок, которые можно в данном контексте рассматривать как индивидуальную личностную готовность субъекта учебной деятельности к толерантным способам поведения, к устойчивой антитеррористической позиции.

Стратегия проектирования социально-психологических эффектов в процессе реализации системы противодействия идеологии терроризма и государственной

молодежной политики должна определять, прежде всего, приоритетные направления развития образования, которое получают бакалавры, магистры, аспиранты и докторанты различных факультетов и служить основой для разработки конкретных целевых программ, перспективных и краткосрочных прогнозов, соответствующих учебных, научных и общественных инициатив, служить идеалам гражданского общества в условиях сильного, стабильного государства.

В системе противодействия идеологии терроризма субъекты высшей школы занимают особое место. Прежде всего, как мы определяем СПИТЭ. Основные положения и принципы ее организации заложены в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года (утвержденная Указом Президента от 12 мая 2009 г. № 537) и Концепции противодействия терроризму в Российской Федерации, которые раскрывают ориентировочную основу деятельности по созданию системы противодействия идеологии терроризма. Концепция основывается на выработанных современной практикой и теорией рекомендациях отечественных и зарубежных специалистов. В частности, и принятой Генеральной Ассамблеей ООН 8 сентября 2006 г. Глобальной контртеррористической стратегии. Основываясь на этих и других документах

Систему противодействия идеологии терроризма можно определить как совокупность субъектов (компонентов), осуществляющих комплексную деятельность по выявлению, предупреждению и устранению причин и условий, порождающих и способствующих распространению идеологии терроризма, совокупность действий по борьбе с информационным терроризмом, по минимизации последствий идеологических и информационных угроз террористического характера и разработке технологий направленного и опосредованного пропагандистского воздействия на ценностные ориентации населения, разных возрастных, социальных, профессиональных и гендерных групп. *К основным субъектам противодействия идеологии терроризму* относятся: федеральные органы государственной власти, органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, общественные объединения, организации, бизнес сообщество, другие институты гражданского общества.

Среди направлений деятельности субъектов системы по противодействию идеологии терроризма можно выделить следующие: политические, социально-экономические, правовые, информационно-пропагандистские, культурно-образовательные, организационные:

- политические (нормализация общественно-политической ситуации, разрешение социальных конфликтов, снижение уровня социально-политической напряженности, осуществление международного сотрудничества в области противодействия терроризму);
- социально-экономические (оздоровление социально-экономической ситуации в отдельных регионах и выравнивание уровня развития регионов, сокращение маргинализации населения, уменьшение имущественной дифференциации, обеспечение социальной защиты населения);
- правовые (законы по противодействию терроризму и экстремизму, поправки к ним, подзаконные акты, указы Президента, постановления Правительства)

- информационно-пропагандистские (разъяснение сущности и опасности терроризма, оказание воздействия на граждан (групп граждан) с целью воспитания у них неприятия идеологии насилия и привлечения их к участию в противодействии терроризму);
- культурно-образовательные (формирование социально значимых ценностей в обществе и воспитание толерантности);
- организационные (расширение СПИТЭ путем вовлечения новых с усиления существующих субъектов).

И практически в каждом из этих направлений задействована высшая школа.

Так, в *политическом направлении* – это, прежде всего, разработка рекомендаций по устранению причин и условий, способствующих возникновению и распространению терроризма; выявление и прогнозирование террористических угроз, оказание сдерживающего и позитивного воздействия на поведение отдельных молодых людей или их групп, склонных к экстремистским действиям.

В *социально-экономическом направлении* – это направленная работа по социально-психологической адаптации студентов из постконфликтных регионов; проведение мероприятий способствующих устранению межнациональных противоречий (фестивали, конференции, студенческие форумы, этнические праздники и т.д.); миссионерско-просветительная работа, нивелирующая распространение в разных регионах межконфессиональных противоречий, развитие религиозного и религиозно-политического экстремизма (прежде всего исламистского), формирование на этой основе устойчивых очагов меж- и внутригосударственных конфликтов с участием больших групп населения (национальных диаспор, проповедническо-миротворческая деятельность представителей разных конфессий, мониторинг ценностных установок, различных социальных, этнических и возрастных групп населения).

В *правовых направлениях* – это, прежде всего, разработка проектов законов, концепций, положений и т.д., регулирующих противодействие идеологии терроризма. Очень важна подготовка и переподготовка сотрудников следственного комитета РФ.

В *информационно-пропагандистском направлении* – это информационно-аналитическая деятельность (подготовка и выпуск всевозможных памяток, брошюр, книг, обращений, плакатов, социальной рекламы, публикации в прессе о деятельности правоохранительных органов и антитеррористических комиссий, создание тематических документальных фильмов и видеороликов и т.д.); пропагандистская работа; идеологическая деятельность (формирование религиозной и межнациональной терпимости, патриотизма, здорового образа жизни, приоритетов общечеловеческих ценностей и т.д.); организационная деятельность (содействие деятельности общественных и религиозных объединений конструктивной антитеррористической направленности; взаимодействие со СМИ, проведение конкурсов на лучшие материалы антитеррористической направленности, конференций, слётов, «круглых столов» и т.д.); разработка системы социальной рекламы по пропаганде антитеррористических ценностей; создание системы подготовки специалистов в области противодействия идеологии терроризма.

В культурно-образовательном направлении – это создания современных территориально распределенных информационных фондов (электронные целевые библиотеки, кампусы и т.п.); поддержка и развитие самобытных национальных языков, этнических традиций и т.д.

Высшее образование перекрывает все три уровня функционирования СПИТЭ – федеральный, региональный и муниципальный. Поэтому представляется целесообразным создание на базе ведущего вуза РФ координационного центра противодействия идеологии терроризма в молодежной среде. Филиалами, опорными площадками этого центра могли бы быть Федеральные университеты, созданные Указом Президента РФ в каждом из федеральных округов, кроме СКФО. Основная деятельность таких центров заключается в координации работы СМИ, институтов гражданского общества, бизнес-сообщества, Интернет порталов по противодействию идеологии экстремизма и терроризма, в постановке задач и разработке методов их реализации субъектами СПИТЭ. Технологии и методы реализации этой основной задачи хорошо разработаны в ВШ, здесь:

- проведение конференций, круглых столов;
- разработка внедрение технологий направленного воздействия;
- разработка программ и повышение квалификации;
- подготовка специального контингента по противодействию идеологии терроризма;
- организация по отдельному плану лекционной и пропагандистской работы среди населения по материалам, обличающим пособничество террористам из корыстных интересов со стороны должностных лиц, общественных организаций, коммерческих и предпринимательских структур;
- индивидуальная и групповая работа с молодежью из группы риска, развитие толерантности у молодежи;
- проведение молодежных фестивалей, форумов;
- проведение психологической экспертизы всех социальных программ, затрагивающих межнациональные, межэтнические, межконфессиональные, межкультурные отношения;
- разработка и внедрение программ снижения хронического стресса у населения;
- проведение конкурсов журналистских и других материалов по пропаганде толерантности и дискредитации агрессивно-националистических идей в СМИ;
- формирование отрядов волонтеров по вопросам предупреждения и пресечения экстремистских акций в студенческой и молодежной среде;
- проведение конкурса среди ВУЗов на лучший социально-психологический проект «Повышения эффективности противодействия идеологии терроризма в молодежной среде»;
- разработка и введение в высших учебных заведениях факультативных курсов по обучению навыкам психологического и физического поведения в экстремальных ситуациях;

- создание в вузах междиаспоральных дисциплинарных советов, в которые входят наиболее авторитетные студенты из числа каждой диаспоры, представители которых учатся в ВУЗе;
- содействие интеграции иностранных студентов, обучающихся в ВУЗах, в молодежную среду города;
- проведение «Уроков дружбы», тренингов адаптации для студентов из различных регионов РФ (особенно из постконфликтных районов);
- организация студенческого добровольческого движения «Открытые сердца»;
- регулярное (на постоянной основе) проведение международного молодежного студенческого фестиваля «Кавказ – наш общий дом» для Южного федерального университета;
- создание на базе студенческой психологической службы ЮФУ (она пока первая и единственная в стране), службы помощи молодежи в кризисных ситуациях.

Не надо забывать о большом потенциале научно-исследовательских организаций и институтов в составе ВШ, которые могут и должны проводить комплексные исследования по проблемам антитеррористической идеологии, путем мониторинга социально-психологического климата среди населения регионов, проведения фокус-групп по вопросам противодействия идеологии терроризма. Заниматься изучением общественного мнения о работе органов государственной власти и правоохранительных органов по борьбе с терроризмом, разработкой на основе научных подходов индексов оценки кризисных ситуаций в молодежной среде, в сфере межнациональных, межконфессиональных и общественных отношений. Разрабатывать концептуальные основы системы противодействия идеологии терроризма.

Важным звеном в региональной системе образования являются областные, районные министерства и департаменты образования. Они могли бы сыграть большую роль в привлечении вузов, институтов повышения квалификации преподавателей ВШ и учителей к этой работе. Важнейший аспект – переработка школьных учебников и программ; организация обучающихся семинаров для региональных и муниципальных служащих органов местного самоуправления, разработка и издание методических рекомендаций по формированию толерантного поведения, разработка и издание методических рекомендаций для школ, вузов, библиотек по формированию антитеррористических ценностей у старшеклассников, студентов и т.д. Можно было бы выделить и другие виды деятельности этих субъектов СПИТЭ: создание для образовательных учреждений (для школ) плакатов по антитеррористической тематике:

- разработка других форм социальной рекламы, связанной с антитеррористическими ценностями;
- организация работы летних лагерей для студентов и школьников с обязательным курсом военно-патриотического и духовного воспитания;
- создание при школах, вузах волонтерских отрядов («отрядов помощи») для оказания посильной трудовой и моральной помощи нуждающимся социальным группам (одиноким пожилым людям, инвалидам, ветеранам и т.д.);
- организация детских лагерей по углубленному изучению русского языка и культуры для детей мигрантов;

- поддержка деятельности молодежных политических клубов, способствующих гражданскому воспитанию молодежи;
- оказание организационной и методической помощи центрам содействия трудоустройству выпускников, созданным в учебных заведениях высшего и среднего профессионального образования города;
- развитие коллективных форм досуга для молодых семей (клубы молодых семей);
- организация и проведение городских военно-патриотических мероприятий в рамках празднования Дня Победы в Великой Отечественной войне, а также государственных праздников РФ посвященных памятным датам истории России;
- использование антитеррористической символики и атрибутики при проведении молодежных массовых мероприятий.

В заключение хочу еще раз повторить: искоренить террористическое и экстремистское влияние на молодежь можно только сообща, и мы, все, кто работает в системе образования, должны помнить о своем долге.

Литература

1. Абакумова И.В. Ценностно-смысловые установки различных социальных групп как индикатор особенностей восприятия информации о террористической угрозе // Материалы Пятой международной научной конференции по проблемам безопасности и противодействия терроризму. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. 29–30 октября 2009 г. – Том 1. Материалы пленарного заседания и заседаний по тематике противодействия терроризму. – М.: МЦНМО, 2010.
2. Архиепископ Феофан побывал в Чеченской Республике: «Слава Богу за Рамзана Кадырова» // Пресс-служба Президента и Правительства Чеченской Республики // <http://chechnya.gov.ru/page.php?r=126&id=6533> (дата посещения 07.09.2010).
3. Асмолов А.Г. Толерантность: различные парадигмы анализа // Толерантность в общественном сознании России. – М., 1998.
4. Ермаков П.Н. Образовательная политика и антитеррористическая идеология: социальные и психологические аспекты // Материалы научно-практической конференции «Противодействие идеологии экстремизма и терроризма в рамках реализации государственной молодежной политики». Ростов-на-Дону, 12–14 октября 2009 года. – Выпуск 2. – М.: КРЕДО, 2009. – С. 31–36.
5. Ильин Е.П. Актуальные проблемы противодействия вовлечению молодежи в террористическую деятельность // Материалы научно-практической конференции «Противодействие идеологии экстремизма и терроризма в рамках реализации государственной молодежной политики». Ростов-на-Дону, 12–14 октября 2009 года. – Выпуск 2. – М.: КРЕДО, 2009. – С. 13–22.
6. Федеральный закон Российской Федерации «О противодействии экстремистской деятельности» от 25.07.2002 г. № 114-ФЗ. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 30. – Ст. 3031.

Звездина Г.П.

Проблема формирования мировоззренческой безопасности как средства профилактики экстремизма в молодежной среде

В статье рассматривается роль мировоззренческой безопасности в профилактике экстремистских настроений молодежи. Раскрывается влияние молодежных субкультур на формирование специфики мировоззрения молодого поколения, обосновывается приоритетность духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения в деле обеспечения национальной безопасности страны.

Ключевые слова: безопасность личности, мировоззренческая безопасность, культура безопасности, экстремизм, молодежная субкультура, духовно-нравственное воспитание, гуманистическое мировоззрение.

Высокая скорость перемен, кардинальное изменение уклада жизни, стирание экономических и информационных границ повлекли за собой глобальные изменения и на ментальном уровне общества.

Сегодня стремительно меняются ценности нравственности и культуры, которые были базовыми для предыдущих эпох. Миропонимание человека, которое складывалось в результате воспитания в семье, традиционного образования и воздействия средств массовой информации, не соответствует тем условиям жизни, в которые погружается общество в новой, постиндустриальной эпохе.

На фоне глобальных изменений мира происходят и изменения на уровне отдельных государств. Российское общество переживает в настоящее время глубокий духовно-нравственный кризис. Современное поколение молодых находится в необычайно жестких условиях природной и социальной среды, которая характеризуется крайней идеологической, социально-политической и экономической нестабильностью и неопределенностью. В таких условиях актуализируется проблема безопасности. Новая эпоха требует формирования культуры безопасности на основе применения научных подходов и системного включения вопросов безопасности в образование молодежи.

В Концепции национальной безопасности Российской Федерации заявлено, что «обеспечение национальной безопасности Российской Федерации включает в себя также защиту... духовно-нравственного наследия, исторических традиций и норм общественной жизни..., формирование государственной политики в области духовного и нравственного воспитания населения, а также включает в себя противодействие негативному влиянию иностранных религиозных организаций и миссионеров» [2]. Проблема духовной, **мировоззренческой** безопасности в сегодняшнем мире выдвигается на первый план в жизни личности, общественных институтов, государства, человечества и мира в целом.

Современные ученые указывают на то, что безопасность личности зависит не только от её личного поведения, но также от количества и силы угроз, формируемых окружающей средой (природной, социальной, техногенной). Будущее общества

зависит не столько от организованных мер по обеспечению безопасности, сколько от направленности сознания людей, от мировоззрений индивидов. Мировоззрение представляет собой систему взглядов на объективный мир и место в нём человека. Мировоззрения, содержащие систему ценностей и цели осмысленной жизнедеятельности личности, у всех разные. Но для выживания общества мировоззрения разных людей должны содержать общую составляющую.

Многолетнее отчуждение человека от подлинной духовной культуры, национальных корней и традиций, от веры, характерное для нашего общества привело к кризису общественного сознания, выразившемуся в крайне неблагоприятной общественной атмосфере: усилении криминогенности общества, росте преступности (в том числе детской), насилия, открытой пропаганде распущенности нравов. Особенно сложная ситуация сложилась в подростковой и молодежной сфере.

Подростки и молодежь как самая социально незащищенная группа населения наиболее подвержены различного рода влияниям и ценностно-смысловым трансформациям. Современная молодежь стоит перед лицом больших перемен и большой неопределенности и неизвестности, что в свою очередь повышает ее тревогу за свое будущее и рождает у нее желание снять эту тревогу, к сожалению не всегда конструктивными способами.

Именно молодежь представляет собой группу риска, склонную к агрессивно-экстремистским действиям. В силу своего возраста, молодые люди, характеризуются такими психологическими особенностями как: максимализм и нигилизм, радикализм и нетерпимость, безоглядность и непримиримость, склонность к групповщине, мировоззренческая неустойчивость и неудачи в поиске самоидентичности, которые при определенных жизненных условиях и наличии питательной среды могут выступить пусковым механизмом их антисоциальной активности.

Экстремизм как приверженность к крайним деструктивным взглядам и мерам в молодежной среде получил сегодня достаточно широкое распространение. Для формирования экстремизма у современной молодежи сложилась благоприятная среда: высокая неопределенность будущего, маргинальность социальных позиций, невостребованность обществом, культ насилия в средствах массовой информации, доступность негативной информации посредством интернета.

У молодежи приверженность идеям выражена более сильно, по сравнению с другими социальными группами населения, они склонны к формированию разных объединений. В объединениях молодых людей закономерно складываются собственные культурные нормы и установки, культивируются своеобразные ценности, действуют генерационные факторы, которые могут стать основанием психологического противопоставления «мы» и «они».

Формирование норм и ценностей, отличающих молодежную группу от большинства обществ, называется субкультурной. Она формируется под влиянием таких факторов, как возраст, этническое происхождение, религия, социальная группа или место жительства. Ценности субкультуры воздействуют на формирование

личности члена группы. Они не означают отказа от национальной культуры, принятой большинством, но обнаруживают лишь некоторые отклонения от нее.

Если молодежная субкультура формируется на нормах и ценностях, отличающих ее от большинства обществ, то формальная молодёжная культура базируется на ценностях массовой культуры, целях государственной социальной политики и официальной идеологии.

Исследователи В.В. Морозов, А.П. Скрыбов, анализируя специфические черты российской молодёжной субкультуры раскрывают их роль в формировании мировоззрения молодёжи [4].

Рассматривая особенности развлекательно-рекреативной направленности субкультуры авторы указывают, что наряду с коммуникативной (общение с друзьями) досуг выполняет в основном рекреативную функцию (около одной трети старшеклассников отмечают, что их любимое занятие на досуге – «ничего неделание»), в то время как познавательная, креативная и эвристическая функции не реализуются вовсе или реализуются недостаточно. Молодежь придерживается в основном ценностей массовой культуры, транслируемых посредством теле- и радиовещания.

Анализируя роль «Вестернизации» (американизация) культурных потребностей и интересов молодежи отмечается вытеснение схематизированными стереотипами, образцами массовой культуры, ориентированными на внедрение ценностей, «американского образа жизни» в его примитивном и облегченном варианте ценностей национальной культуры. В культурной самореализации молодёжи наблюдается безрассудное презрение таких «устаревших» ценностей как вежливость, кротость и уважение к окружающим в угоду моде, прагматизму, жестокости, неумеренному стремлению к материальному благополучию.

Исследователи указывают на приоритет потребительских ориентаций молодежи над креативными. Творческая самореализация, как правило, выступает в маргинальных формах. В молодежных субкультурах слабо просматривается индивидуализированность и избирательность культуры.

Групповые стереотипы и престижная иерархия ценностей основываются на культурном конформизме в рамках неформальной группы общения и неприятию других ценностей и стереотипов.

Досуговая самореализация молодёжи осуществляется, как правило, вне учреждений культуры и относительно заметно обусловлена воздействием одного лишь телевидения, что свидетельствует о внеинституциональной культурной самореализации.

И, наконец, отсутствие этнокультурной самоидентификации, которая определяет человека как гражданина и патриота своей страны. К сожалению, народная культура (традиции, обычаи, фольклор и т.п.) большинством молодых людей воспринимаются как анахронизм.

Сложившееся положение с молодежными субкультурами является отражением перемен, произошедших в общественном сознании и государственной политике. Российское государство лишилось официальной идеологии, общество – духовных

и нравственных идеалов. Сведенными к минимуму оказались духовно-нравственные обучающие и воспитательные функции действующей системы образования. Следствием этого стало то, что совокупность ценностных установок, присущих массовому сознанию (в том числе детскому и молодежному) во многом деструктивна и разрушительна с точки зрения развития личности, семьи и государства.

По этому поводу, хочется привести слова Ф.М. Достоевского: «Нация, прекратившая жить большой идеей, обречена на вымирание». Перед российским государством и обществом стоит задача выработки национальной идеи, которая может стать эффективным противоядием экстремизму.

В связи с этим задача духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения имеет чрезвычайную значимость, ее, без преувеличения, необходимо осмыслить сегодня как одну из приоритетных в деле обеспечения национальной безопасности страны.

Учитывая непрерывность и преемственность современного образования (детский сад (ДОУ) – Школа (ОУ) – ВУЗ), становится очевидной задача развития личности безопасного типа поведения, повышения социально-психологической компетентности и уровня мировоззренческой устойчивости детей и молодежи, с учетом возрастных особенностей и особенностей современной социореальности. Современное воспитание должно быть направлено на формирование у личности, с одной стороны, нравственно-мировоззренческой устойчивости, с другой стороны – толерантности. Сделав мировоззренческую направленность принципом изучения различных предметов, необходимо организовать образовательный процесс так, чтобы он смог привести к совершенствованию нравственных качеств личности обучающихся и формированию психологической готовности к разного рода психологическим и идеологическим воздействиям, в том числе экстремизму.

Мировоззрение всегда было центральным плацдармом борьбы различных социальных групп населения. Оно всегда было и остается решающим и наиболее действенным фактором всякой политической и экономической системы в борьбе ее за существование. Высший, ценностный уровень мировоззрения, объясняющий народам и поколениям смыслы и цели их жизни, всегда был базисным социокультурным слоем.

Гуманистическое мировоззрение нельзя просто усвоить, «вычитать» из книг, его нельзя навязать кому-либо кем-то. Это область нравственного, эстетического, политического сознания, это личностные взгляды и убеждения, прочувствованные и глубоко осознанные, определяющие духовность, ценностные ориентации детей и молодежи, собственное «Я», творческое и деятельностное отношение к миру, к людям, к своему месту в обществе. Но для этого нужна и социальная среда, и образование, и помощь молодым со стороны педагогов и ученых в поисках истины своего бытия, своего мировоззрения [3].

«Чтобы теоретические знания стали подлинным «руководством к действию», они должны пройти сложный путь внедрения в духовный мир личности, претерпеть

трансформацию «знаний в убеждения», ибо собственная природа мировоззрения носит не теоретический, а духовно-практический характер» [1].

Современное образовательное пространство обладает определенными ресурсами в области формирования мировоззренческой безопасности детей и молодежи. Овладение принципами и методами познания действительности, обогащение системой духовно-ценностных ориентаций делает человека более устойчивым к разного рода воздействиям окружающего мира и способствует развитию личности безопасного типа поведения.

Литература

1. Иванов В.П. Мировоззренческая культура личности (философские проблемы формирования). – Киев: Наукова думка, 1986. – 292 с.
2. Концепция национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена 10 января 2000г. № 24 // www.scrf.gov.ru/documents/1.html (дата посещения 18.10.2010).
3. Мелина С.И. Безопасность и формирование мировоззренческой устойчивости учащихся в чрезвычайных ситуациях // www.flm.su/?actions=main_content&id=234 (дата посещения 05.10.2010).
4. Морозов В.В., Скрыбов А.П. Противоречивость социализации и воспитания молодежи в условиях реформ // Социально-политический журнал. – 1998. – № 1.

Кара Ж.Ю.

Формирование толерантности в процессе творчества

На сегодняшний день продолжает оставаться актуальной проблема существования и распространения практически на всей территории Российской Федерации идеологии терроризма и экстремизма. В нашей стране, да и везде на нашей планете существует большое многообразное национальностей, которые в свою очередь имеют свою культуру, религию, искусство, каноны поведения и др. Если учесть общеизвестные факторы риска возникновения терроризма, то на наш взгляд, одним из основополагающих факторов является психологический, с которым необходимо работать в первую очередь. Ничто так неважно для человека как психологическая уверенность, психологическая устойчивость, и т.д. Одним из психологических подходов приближающих нас к формированию толерантности и предупреждению терроризма являются занятия эстетического цикла, одним из представителей которых является искусство.

Ключевые слова: отличительные черты терроризма, неизвестность, понимание толерантности, миграция, культура, творчество, формирование толерантности, психологическая адаптация.

В современном мире продолжает наблюдаться явления терроризма и экстремизма. Форма этих явлений с течением времени имеет тенденцию к изменению, трансформации. Наблюдаются отчетливые и устойчивые формы жестокой и изощренной методики устрашения населения. «В этой связи очевидна необходимость эффективных мер, направленных на разрушение идеологических основ террористических движений и организаций, сокращение их социальной базы, выявление и подавление центров идеологического обеспечения и поддержки, создание более массовой общественной изоляции и осуждения, концентрируя усилия на расслоении террористической среды» [5].

Общеизвестны отличительные черты терроризма. К ним можно отнести «высокую общественную опасность, возникающую в результате совершения общеопасных действий», «публичный характер исполнения опасных действий», создание обстановки страха, угрозы насилия, напряженности. Помимо физического воздействия на людей выделяют еще и психологическое воздействие, которое сводится к определенному стилю собственного поведению и навязываемого поведения другим лицам [6].

Основной целью, преследуемой профилактикой антитерроризма и идеологии терроризма и экстремизма, является урегулирование таких процессов как социальные, политические, экономические, оказывающие влияние на ситуацию в области противодействия терроризму, укрепление толерантной среды, толерантного общения, толерантных действий беря за основу ценности многонационального общества нашей страны, принципы соблюдения прав человека.

Если учесть общеизвестные факторы риска возникновения терроризма, то наш взгляд, одним из основополагающих факторов является психологический, с которым необходимо работать в первую очередь. Ничто так неважно для человека как психологическая уверенность, психологическая устойчивость, и т.д.

Продолжает наблюдаться явление миграции представителей разных народностей по территории Российской Федерации и в мире в целом. Современный мир становится все более мобилен. Причины миграции возможны различные: профессиональные, здоровьесберегающие, личностные, религиозные, мировоззренческие, националистические и т.д.

На сегодняшний день продолжает оставаться актуальной проблема существования и распространения практически на всей территории Российской Федерации идеологии терроризма и экстремизма. Одним из шагов приближающих нас к формированию толерантности и предупреждению терроризма являются занятия эстетического цикла, одним из представителей которых является искусство. В нашей стране, да и везде на нашей планете существует большое многообразное национальностей, которые в свою очередь имеют свою культуру, религию, искусство, каноны поведения и др. В нашем регионе очень много различных национальностей и население постоянно сталкивается с проблемой непонимания и нетерпимости. Одним из факторов этого проявления является незнание особенностей, в частности культурных, искусствоведческих, национальных, религиозных и др.

В любой культуре абсолютно логична передача своему молодому поколению своих обычаев, правил, культуры. Но в свете миграции населения возникает необходимость ознакомления других народов с культурным достоянием многих народов проживающих, в частности, на территории Юга России, для расширения взаимного интереса, стремления к сотрудничеству и, как следствие этого, к развитию толерантного сознания. Взаимодействие культур предполагает толерантное общение их представителей. При обладании знанием об особенностях других культур возможно и толерантное общение.

Через знакомство с искусством происходит передача и усвоение ценностей, идей, стереотипов других народов. Благодаря искусству расширяется кругозор и формируется мировосприятие, как отдельного человека, так и общества в целом и, как результат, терпимое отношение к другим людям, формирование культуры общения, взаимопонимания и толерантности [4].

Общеизвестно, для того, чтобы познакомиться с представителем другой культуры первым шагом для налаживания контакта необходимо выявления информации о самой культуре данного представителя, и первое что возникает в мысленном образе – это образы произведений искусства (живопись, рисунок, декоративно-прикладное искусство, музыка, литература, танцы и т.д.). Поэтому мы можем смело говорить о важности этого компонента в обучении и воспитании подрастающего поколения. Искусство формирует эмоционально-ценностные и поведенческие реакции учащихся, дети закрепляют социально-нравственный опыт ориентации во многих жизненных сферах, так как искусство отражает жизнь.

Жизнь, изображенная на картинах, описанная в произведениях литературы, выраженная в танце учит людей, представителей разных национальностей, понимать ее, видеть ее, ощущать ее глубину и красоту. Посредством искусства доступнее всего и интереснее обучить человека познавать связи предметного мира и жизненных явлений, формировать мироощущение и чувства, формировать представления о красоте, добре, порядочности в культурных традициях разных народов.

Понятие толерантности многогранно и включает в себя самые разные грани межчеловеческих, межличностных отношений. И работа по формированию толерантного сознания у юного поколения должна быть столь же многогранна и разнонаправлена. Достаточно сложно говорить о формировании толерантности к другому, когда речь идет о национальных и религиозных различиях. Это связано с природным инстинктом человека, проявляющегося в настороженности и неприятия незнакомого, неизвестного, чужого. Исходя из этого постулата, мы и исходим, чтобы сформировать толерантное отношение к другим, мы должны обладать информацией о разных культурах, и как следствие мы переходим из «настороженного, не приемлющего природного инстинкта человека» в «область знания и понимания» и поэтому появляется возможность интереса исследования, наблюдения, взаимодействия, взаимообогащения.

«Таким образом, проблема формирования толерантного сознания оказывается более чем актуальной, и решение ее ... требует комплексного подхода, организации определенной системы целенаправленных действий, как на уровне каждого образовательного учреждения, так и в широких рамках всего российского образования. Причем процесс этот должен быть разнонаправленным и многоступенчатым» [3].

Именно посредством искусства начинается путь к всемирной истории и культуре, знание которых является неотъемлемой частью в воспитании толерантного сознания. На наш взгляд, именно искусство оказывает целостное и всестороннее воздействие на молодое поколение, на их духовную, эмоциональную, интеллектуальную и физическую составляющие. Духовно-практическое отношение толерантности к действительности проявляется в практическом, активном, деятельностном начале личности.

Творчество имеет глубокие народные корни изначально. Народное искусство дает нам образцы глубоких по творческому замыслу и исключительных по красоте художественных ценностей, вынесенных в повседневную жизнь. М.А. Некрасова в своей книге «Народное искусство как часть культуры» продолжает развивать направление мысли В.С. Воронова, определяя основы народного искусства и раскрывая его особенности, делая акцент на особом типе художественного творчества. «Народное искусство – как живое творчество притягивает и устанавливает свои тончайшие, порой невидимые связи от природы к человеку, от истории к современности. Образы народного искусства компенсируют ту гармонию мира, без которой невозможна жизнь человека, сохранение культуры...» [3]. Объективным критерием творчества, в широком смысле, по мнению Л.С. Выготского, является создание

человеком нового, «все равно будет ли это созданное творческой деятельностью какой-нибудь вещь внешнего мира или известным построением ума или чувства, живущим и обнаруживающимся только в самом человеке» [1]. Приобщение детей к творческой деятельности представляет собой систему актуализированной совместной литературной, музыкальной, изобразительной, хореографической деятельности обучающего и обучающегося, на основе содействия, сознания, со творчества, созерцания, сомнения, сопереживания, сохранения, согласования и др. способов совместного бытия, отражающих событийный характер изучения явлений художественной культуры. Экзистенциальное по характеру занятие позволяет раскрыть обучающему и обучающемуся явление художественной культуры как событие жизни человека, вызывающее сопереживание изучаемому факту прошлого и настоящего с позиции проживания его «здесь и теперь».

Выделяя в творчестве главное, мы тем самым можем наблюдать акт создания образа мира сквозь внутреннюю активность человека, с помощью которой происходит преодоление отчуждения между природой и субъектом. Действуя, творя, человек объединяет, облекает внутренние чувства в некие образы, и это духовно-творческое состояние объединяет всех творцов разных национальностей. Это говорит нам о том, что творец говорит душой в независимости от национальной принадлежности и это понятно всем во всем мире. Поэтому, один шаг к преодолению неизвестного уже сделан, толерантное отношение уже налажено, и выражено оно в приобщении к творчеству и культуре. Занятия изобразительным искусством занимают значительное место в формировании толерантной личности, как носителя национальных культурных традиций и созидателя культуры мира. Искусство можно не только созерцать, в нем можно пребывать. Оно вырабатывает эмоционально-ценностные и поведенческие реакции учащегося, учит гармонии и творчеству, тренирует чувства, эмоции и характер.

Литература

1. Выготский Л.С. Психология искусства. – М.: Современное Слово, 1998. – 19 с.
2. Каганович С.Л. Пути формирования толерантного сознания в российской школе // <http://www.tolz.ru> (дата посещения 03.10.2010).
3. Некрасова М.А. Народное искусство как часть культуры. – М., 1983. – 210 с.
4. Шестакова А.Н. Формирование толерантности на уроках художественно-эстетического цикла // Международный интерактивный сетевой семинар «Социокультурная доминанта современного образования». – 2010.
5. Эсен Усубалиев Потенциал сотрудничества государства, мусульманских организаций и СМИ в противодействии религиозному экстремизму и терроризму. – Sunday, 16.08.2009 // <http://www.analitika.org/article.php?story=20090816070247449E> (дата посещения 15.09.2010).
6. Тагаев Ахмад-хаджи. Терроризм и анализ псевдорелигиозного экстремизма // <http://shariat.ucoz.ru> (дата посещения 25.09.2010).

Кореневская М.Е., Левшина А.А.

Применение проектного метода в развитии толерантности подростков

В статье рассмотрен метод проектов как форма коррекционно-развивающей работы, направленной на развитие толерантности подростка. Приводится опыт проектной деятельности Центра по работе с одаренными детьми «Дар», направленной на формирование толерантных установок в среде учащихся муниципального образовательного пространства города Ростова-на-Дону.

Ключевые слова: толерантность, экстремизм, интолерантное поведение, подростковый возраст, метод проектов.

Проблемы экстремизма, межнациональной розни, террористических актов уникальны по своей сути и не имеют никаких аналогов. Дело в том, что еще пару десятилетий назад эти проблемы просто не существовали, зато сегодня они затрагивают все сферы нашего общества: политику, экономику, культуру, образование, науку и даже искусство. Кто бы мог подумать еще совсем недавно, что город, переживший 900 дней блокады, будет изрисован фашистскими свастиками, что в самом центре одного из крупнейших городов мира могут безнаказанно взорвать два небоскреба, отняв жизни тысяч невинных людей, можно ли было представить, что будут покушаться на самое святое – роддомы? И, тем не менее, сегодня это часть нашей жизни. К великому сожалению, мы сами привыкли к этой действительности: мы говорим, что опять убили темнокожего студента, опять взорвали рынок. На все эти акты находится силовой ответ, который часто является необходимым, но не единственным. Экстремизм, хотя и носит часто политический характер, прежде всего, относится к разряду психологических проблем – это реакция на столкновение мнений, убеждений, традиций. Он тесно связан с этническим и конфессиональным самосознанием, с отношением к своей культуре, традициям и инакомыслию. Именно поэтому в научных трудах, посвященных анализу истоков появления экстремизма и методам его преодоления, возникает понятие «толерантность». Согласно Декларации принципов толерантности, утвержденной резолюцией 5.61 Генеральной конференции ЮНЕСКО 16 ноября 1995 года, «толерантность – это понятие, означающее отказ от догматизма, от абсолютизации истины и утверждающее нормы, установленные в международных актах в области прав человека». Таким образом, толерантность является противопоставлением идеям экстремизма, и развитие именно этого качества личности способствует расширению кругозора и принятию мира во всем его многообразии. Именно поэтому адекватной мерой противодействия экстремизму должна быть профилактика подобных явлений в среде подрастающего поколения, а именно: развитие толерантности как устойчивой личностной характеристики.

Ростов-на-Дону часто называют воротами Кавказа. Но стоит заметить, что кроме географического смысла это понятие также носит и иную смысловую нагрузку.

Чаще всего о Ростове как о воротах Кавказа говорят тогда, когда хотят подчеркнуть богатство этноконфессионального состава города. Являясь столицей Южного федерального округа, Ростов-на-Дону находится в тесных политических, географических, исторических и культурных связях с Адыгеей, Дагестаном, Ингушетией, Калмыкией, Кабардино-Балкарской, Карачаево-Черкесской и Чеченской республиками. В условиях широкого распространения такого явления, как внутренняя миграция, это влечет за собой формирование полиэтничного, мультикультурного пространства г. Ростова-на-Дону.

В этой связи особое значение приобретает создание благоприятного психологического климата в образовательных учреждениях, где учатся представители различных национальностей и конфессий. Школьная среда по своей сути часто представляется ребенку угрожающей (а под безопасной средой в психологии как раз так принято понимать такую среду, которая не содержит угрозы): это и конфликты, как со сверстниками, так и с учителями, чрезмерные умственные нагрузки и сопутствующая стрессогенная обстановка. Если же к этим условиям добавить такой фактор, как полиэтничность, то вышеперечисленные угрозы только усилятся: в детском и подростковом возрасте идентификация чаще всего происходит по внешним признакам и сам факт принадлежности к другой национальности может стать решающим для отторжения сверстника из группы. Как следствие – дезадаптивность личности отвергнутого подростка и сформировавшиеся установки интолерантного поведения обеих сторон.

Сегодняшние подростки – дети, выросшие в условиях острых межнациональных конфликтов, воспринимающие свой регион как арену постоянного противостояния. Они привыкли к устойчивому противопоставлению «свой – чужой», а в их сознании сформирован четкий образ врага, наделенный определенными этническими и конфессиональными особенностями. Именно поэтому мы сможем говорить о построении гражданского общества в контексте города, региона и целой страны, когда разрушим эти опасные стереотипы.

Но как привить подрастающему поколению любовь и принятие ближнего? Как объяснить подростку, что нельзя делить людей на черных и белых, плохих и хороших? Подростковый неконформизм, желание противоречить всему и вся в ответ на объяснение подобных истин может вызвать только обратную реакцию. Акцентируя внимание на том, что надо быть терпимым по отношению к другим, не похожим на тебя людям, можно добиться того, что ранее не замечаемые различия будут тщательно вычленяться. Такова специфика данного возраста и с ней необходимо считаться: программы, направленные на развитие толерантных установок личности подростка, должны быть тщательно выверенными. Они должны оставлять за подростком осязаемое право выбора и исключать какую-либо регламентацию.

В качестве подобной программы Центром по работе с одаренными детьми «Дар» Дворца творчества детей и молодежи г. Ростова-на-Дону с 2007 г. в муниципальном образовательном пространстве реализуются проекты, направленные на развитие толерантности подростков.

Метод проектов был избран как основной в реализации программ данного направления не случайно. Во-первых, проектные технологии позволяют включать разнообразные формы и методы работы, объединяя различные направления для достижения поставленных целей. Это дает определенную свободу в реализации программы и позволяет более гибко выстраивать деятельность с учетом особенностей и потребностей целевой группы. Так, например, при значительном количестве иногородних участников часть модулей может быть реализована в дистанционном режиме, а часть – проводиться в условиях реального времени. Во-вторых, сама аудитория проекта может быть значительно шире, чем группа, работающая по конкретной программе. И, в-третьих, метод проектов всегда предполагает четкую структуру с обозначенной целью и ожидаемыми конкретными результатами, что позволяет оценить его эффективность и целесообразность дальнейшей реализации.

В 2007–2008 гг. Центром по работе с одаренными детьми «Дар» был реализован проект «Мы родом с Юга», поддержанный Министерством общего и профессионального образования Ростовской области. Проект включал в себя несколько блоков:

- 1) диагностика уровня толерантности старшеклассников образовательных учреждений г. Ростова-на-Дону;
- 2) школа социогуманитарного проектирования «Мы родом с Юга!» для старшеклассников образовательных учреждений г. Ростова-на-Дону;
- 3) молодежная научно-практическая конференция «Новый Юг создаем вместе!».

Диагностика уровня развития толерантности старшеклассников проводилась с использованием экспресс-опросника «Индекс толерантности» Г.У. Солдатовой, О.А. Кравцовой, О.Е. Хухлаева, Л.А. Шайгеровой и диагностики общей коммуникативной толерантности В.В. Бойко. В исследовании приняли участие 67 старшеклассников (49 девушек и 18 юношей), в возрасте от 13 до 17 лет, различных образовательных учреждений г. Ростова-на-Дону. Помимо возраста и пола в анкете, сопровождающей методики, респондентов просили указать национальность. В ответе на данный вопрос 52 человека написали «русский», что составляет 74,3 % от общего числа респондентов; 6 участников (8,6 %) – армяне. По одному представителю было от следующих национальностей: нигирийка, араб, табасаранка и татарин. Особый интерес представляют оставшиеся 9 участников школы социогуманитарного проектирования «Мы родом с Юга»: все они в той или иной степени отражают такое явление, как размытость, несформированность или раздвоенность этнической идентичности. Так, один из вышеуказанных участников графу «национальность» оставил пустой, одна участница назвала себя метиской, другая также написала, что она метиска и уточнила, поставив двоеточие, что она узбечка и украинка. Также в анкетах встретились такие национальности, как: «украинка, татарка», «русская, украинка», «русский, цыган, украинец», «25 % армянская, 25 % украинская, 50% русская». Есть и такие ответы, которые могут свидетельствовать

о том, что у человека имеется представление об этнической принадлежности, но оно настолько размыто, что даже точного названия своей национальности он воспроизвести не в состоянии. Например, один юноша определил свою национальность как «Северная Осетия», а девушка написала, что она дагестанка, хотя известно, что такой национальности не существует, и такой ответ подобен тому, если бы русский человек в графе «национальность» писал – россиянин.

Результаты диагностики по экспресс-опроснику «Индекс толерантности» выявил доминирование среднего уровня толерантности среди старшеклассников (82,5 % опрошенных), что свидетельствует о сочетании как толерантных, так и интолерантных черт, которые проявляются в зависимости от социальной ситуации. Высокий уровень толерантности, который характеризуется выраженными чертами толерантной личности, был выявлен у 25 % респондентов. Низкий уровень толерантности оказался характерен только 2,5 % опрошенных старшеклассников, что позволяет говорить об удовлетворительном уровне развития толерантности в подростковой среде.

Результаты диагностики общей коммуникативной толерантности В.В. Бойко выявил диапазон баллов от 12 до 97 (при возможном диапазоне методики от 0 до 135 баллов). При этом стоит заметить, что 88 % от общего числа анкет имеет сумму баллов в диапазоне от 20 до 50 баллов, что характеризует средний уровень коммуникативной толерантности. Были выявлены 3 анкеты с баллами ниже, что характеризует данных респондентов как субъектов с высокой коммуникативной толерантностью, и 6 анкет, баллы которых превышают 60. Однако к субъекту интолерантного общения можно отнести только одну анкету, набравшую 97 баллов, что свидетельствует о низкой коммуникативной толерантности.

Вторым блоком проекта стало проведение школы социогуманитарного проектирования «Мы родом с Юга» для старшеклассников города. В рамках данного модуля организаторами были подготовлены как теоретический, так и практический блоки, посвященные проблемам толерантности, а также истории, культуре и психологии народов, проживающих в Южном федеральном округе. После лекций все участники Школы были разделены на четыре проблемные группы, для которых были разработаны социальные проекты. Каждой из групп была предложена одна из проблемных областей: исследовательский, культурный, издательский или образовательный проект. Тематика для всех социальных проектов была общей – проблемы толерантности и межэтнического взаимодействия. Помимо написания группового проекта, участники Школы получили знания по основам социального проектирования и фандрайзинга, а также приняли участие в психологическом тренинге, посвященном развитию толерантности как личностной характеристики. Кульминационной точкой данного блока стал «Час национальной культуры», в рамках которого каждой творческой группе было предложено составить пятнадцатиминутное выступление в любом формате, которое бы представило культуру одного из народов, проживающих на территории Южного федерального округа.

Третьим блоком проекта «Мы родом с Юга» стало проведение молодежной научно-практической конференции, в которой приняли участие студенты вузов Южного федерального округа, старшеклассники образовательных учреждений Ростова, представители молодежных общественных организации и преподаватели, работающие по молодежным программам в области развития толерантности. Основными задачами данной конференции организаторы видели содействие развитию толерантности и профилактики экстремизма среди молодежи Юга России и использование творческого потенциала молодежи в решении задач местного сообщества и формировании нового образа Юга в представлениях жителей региона и страны в целом. Итогом работы конференции «Новый Юг создаем вместе!» стали резолюции вынесенные участниками в ходе дискуссии. По мнению участников конференции «Новый Юг создаем вместе!», одним из наиболее важных вопросов, на решение которых следует обратить внимание общественности, властных структур и научного сообщества, является внедрение в образовательный процесс образовательных программ, психологических тренингов и дискуссионных клубов, направленных на просвещение молодежи в области культуры народов, населяющих Южный федеральный округ.

С целью реализации данных решений в 2010 г. Центром по работе с одаренными детьми инициировано создание молодежного клуба «Добровольческая служба». Члены клуба – выпускники различных программ и проектов Центра (основное ядро – выпускники образовательного проекта «Шаг в психологию»). Свою социальную активность члены Клуба реализуют в форме индивидуальных проектов, организованных по принципу «равный – равному». Одной из таких инициатив стал проект учащейся 11 класса МОУ СОШ № 60 Анны Поповой «Мы – вместе», направленный на развитие толерантности и просвещение молодежи в области культурного многообразия юга России. В рамках данного проекта автором были разработаны программы уроков толерантности для всех ступеней среднего образования – с 1-го по 11-й класс, а также планируется проведение исследования, направленного на выявление возрастных стереотипов связанных с интолерантностью личности: когда они формируются и как они проявляются на различных этапах онтогенеза. К настоящему времени уже проведены уроки в двух образовательных учреждениях города для 6-х и 9-х классов. Особым преимуществом данного проекта является то, что о таких сложных явлениях, как «толерантность», «ксенофобия», «экстремизм» с детьми и подростками говорит их сверстник, которого им легче понять и которому им проще задать вопросы.

Академик Б.С. Гершунский в своем труде «Философия образования для XXI века» пишет: «Каждый человек – это не просто пассивный потребитель сложившихся до него ценностей. Он еще и генератор, производитель духовного опыта, отражающего его индивидуальность. Человек уникален, прежде всего, по тому вкладу, который он может внести в менталитет социума. Этот вклад может быть разным в зависимости от способностей, образования и духовных качеств личности, но он обязательно должен состояться». Организуя проектную деятельность подростков,

Центр по работе с одаренными детьми «Дар» формирует толерантное отношение к окружающему миру и чувство социальной ответственности у тех, в чьих руках окажется будущее нашего города, нашей страны.

Литература

1. Гершунский Б.С. Философия образования для XXI века (в поисках практико-ориентированных концепций). – М., 1998.
2. Декларация принципов толерантности, утвержденная резолюцией 5.61 Генеральной конференции ЮНЕСКО 16.11.1995.
3. Психодиагностика толерантности личности / под редакцией Г.У. Солдатовой, Л.А. Шайгеровой. – М.: Смысл, 2008.

Крутелёва Л.Ю.

Формирование антитеррористического сознания на основе смысложизненной концепции личности

В статье рассматривается возможность формирования установок анти-террористического сознания на уровне смысловых структур личности и их включенность в смысложизненную концепцию личности.

Ключевые слова: *смысложизненная концепция личности, антитеррористическая деятельность, смысловые структуры личности.*

В начале третьего тысячелетия мировое сообщество лицом к лицу столкнулось с террористической угрозой. И хотя терроризм не является новообразованием конца XIX–XXI вв. – его истоки можно проследить еще в древнем мире (иудейская секта сикариев) и в средние века (секта Хашашаинов), в настоящее время он стал всеохватывающим явлением. Можно сказать, что современный мир шагнул не только в эпоху глобализации, но и в эпоху тотального противодействия терроризму.

Однако отношение к терроризму, закладывающееся под воздействием социума (религия, государственная политика, референтные группы, семья и т.д.), формируется на уровне смысловых структур личности. Поэтому и формирование антитеррористического сознания личности должно вестись в первую очередь с учетом смысловых особенностей той или иной группы населения.

Смысловая сфера личности формируется на основе жизненных отношений субъекта и в дальнейшем отвечает за регуляцию его жизнедеятельности. В своей работе «Психология смысла» Д.А. Леонтьев пишет, что «смысловая сфера личности – это особым образом организованная совокупность смысловых образований (структур) и связей между ними, обеспечивающая смысловую регуляцию целостной жизнедеятельности субъекта во всех ее аспектах» [3, с. 154].

Отношения субъекта с миром на уровне смысловой сферы личности отражаются в смысловых структурах различного уровня:

- структурах первого уровня, непосредственно участвующих в формировании деятельности и поведения в данной конкретной ситуации (личностный смысл, смысловая установка);
- структурах второго уровня, ответственных за смыслообразование и оказывающих непосредственное влияние на структуры первого уровня (мотивы, смысловые конструкты и смысловые диспозиции);
- структурах третьего уровня, являющиеся начальной точкой для процессов смыслообразования и смыслопорождения (высшие смыслы и личностные ценности).

Все смысловые структуры тесно взаимосвязаны и представляют собой единое целое. Важно отметить, что надситуативные смысловые структуры (структуры второго и третьего уровня) представляют собой смысложизненную концепцию

личности – «стержневую направленность личности, ее смысл жизни. Она содержит в себе те жизненные смысловые универсалии, те ценности, которые и составляют основу личности» [2, с. 60].

Таким образом, для того, чтобы субъект в поведении и деятельности (т.е. на уровне личностного смысла и смысловой установки) демонстрировал неприятие террора, гуманистические ценности должны составлять основу его смысложизненной концепции, а значит входить в состав его смысловых структур второго и третьего уровня.

Говоря об отвержении субъектом террористических установок и принятии им общечеловеческих гуманитарных ценностей необходимо проследить движение этих ценностей на уровне смыслов и смысловых структур в смысловой сфере личности, т.е. включенность их в ее смысложизненную концепцию.

Так, личностный смысл, являясь регуляторным механизмом деятельности, представляет субъекту в каждой конкретной ситуации роль и место отражаемой им действительности в системе его жизнедеятельности. Можно сказать, что личностный смысл является для субъекта своеобразным «переводчиком», демонстрируя ему «значение для него» данной ситуации, данной деятельности и данных поступков в каждый конкретный момент времени.

Смысловая установка, являясь составляющей исполнительных механизмов деятельности, призвана в различных формах оказывать воздействие на особенности протекания этой деятельности вплоть до ее полного прекращения и порождения другой альтернативной деятельности. Особенность смысловой установки заключается в том, что она, оказывая стабилизирующее, отклоняющее, преградное или дезорганизирующее воздействие, определяет направленность протекания деятельности субъекта. Таким образом, личность в зависимости от преобладающей у нее в данной конкретной ситуации смысловой установки будет демонстрировать антитеррористическое (или террористически направленное) поведение.

Важно отметить, что смысловые структуры первого уровня могут быть отражены в сознании личности и, таким образом, отрефлексированы субъектом.

Переходя к структурам второго уровня, необходимо особо отметить, что именно эти структуры ответственны за смыслообразование и оказывают непосредственное влияние на структуры первого уровня.

Мотив, являясь ситуативно формирующейся смысловой структурой, обладает свойством побуждать и направлять деятельность в зависимости от потребностей личности. «Мотивом деятельности может стать предмет, смысл которого имеет следствием необходимость для субъекта произвести посредством своей деятельности изменение в своем жизненном мире. Смысл мотива задается, как правило, связью его не с одной, а с целым рядом потребностей» [3, с. 204]. Таким образом, мотивом антитеррористической деятельности могут стать потребности в мире, собственной безопасности и безопасности своей семьи, в благополучии и спокойном добрососедском существовании и т.д.

Смысловая диспозиция представляет собой укорененные в структуре личности отношения к значимым объектам. Можно сказать, что смысловая диспозиция конкретизируется в стереотипах субъекта и его предрасположенности в определенных ситуациях действовать каким-то определенным образом. Следовательно, чтобы поведение субъекта носило антитеррористический характер, для субъекта вне зависимости от ситуации должны быть значимы такие объекты и явления окружающего мира как, например, положительное отношение к конкретным людям и людям вообще, любовь к родному краю и Родине в целом и т.д.

Согласно Д.А. Леонтьеву, смысловой конструкт может быть описан как «устойчивая категориальная шкала», при помощи которой субъект определяет и оценивает для себя значимость той или иной характеристики данного объекта или явления действительности. Говоря о смысловых структурах второго уровня, важно подчеркнуть, что именно смысловой конструкт наиболее тесно связан с высшими смыслами и личностными ценностями субъекта. Поскольку именно смысловому конструкту принадлежат такие функции, как оценка, дальнейшая дифференциация и/или объединение предметов по какому-либо признаку, то «актуализируясь в конкретной деятельности во многом под влиянием актуальных мотивов, они (смысловые конструкты) привносят в ее смысловую регуляцию компоненты, отражающие стратегическую ориентацию личности и в максимальной степени независимы от актуальной направленности деятельности и от сиюминутных интересов» [3, с. 223]. Таким образом, говоря о смысловом конструкте применительно к антитеррористической деятельности личности, можно сказать, что он является своеобразной шкалой, «измерительной линейкой», по которой субъект зачастую неосознанно оценивает окружающую действительность и свою деятельность. Границами на такой «линейке» могут быть такие полюса, как «хорошо – плохо», «свой – чужой», «созидание – разрушение», «гуманно – негуманно» и т.п.

Говоря о структурах третьего уровня – высшие смыслы и личностные ценности – важно еще раз подчеркнуть, что они являются отправной точкой для процессов смыслообразования и смыслопорождения и конкретизируются в мировоззрении личности и ее образе мира. Таким образом, для того, чтобы у субъекта сформировалась картина мира, включающая антитеррористическую деятельность как один из основных жизненных смыслов, необходимо, чтобы такие гуманитарные ценности, как толерантность, мирное сосуществование, уважение Другого и др., были интериоризированы личностью на уровне глубинных высших смыслов и личностных ценностей.

Таким образом, мы рассмотрели процесс представленности антитеррористических смыслов на всех уровнях функционирования смысловых структур личности и формирование гуманитарной направленности как одной из базисных составляющих смысложизненной концепции личности.

Необходимо обратить внимание на еще один основополагающий момент. Поскольку, как отмечает Д.А. Леонтьев, «селекция, присвоение и ассимиляция

индивидом социальных ценностей опосредуется его социальной идентичностью и ценностями референтных для него малых контактных групп, которые могут выступать как катализатором, так и барьером к усвоению ценностей больших социальных групп, в том числе общечеловеческих ценностей» [3, с. 231], огромное значение играет социальное окружение субъекта и особенности его ведущей деятельности. Соответственно, для того, чтобы ведущими смысловыми ориентирами в жизненном мире субъекта стали гуманитарные антитеррористические ценности, которые в дальнейшем будут являться смыслообразующими основаниями его жизнедеятельности, необходимо создание специальных условий на всех уровнях взаимодействия с субъектом, как на уровне семьи, различных образовательных учреждений и социальных институтов, так и на уровне всего государства в целом.

В качестве примеров создания таких условий на уровне смысловых структур можно назвать следующие:

- развитие толерантности субъекта как одной из базисных ценностей личности;
- формирование социальной и коммуникативной компетентности личности;
- формирование гражданской идентичности и гражданской позиции субъекта;
- пропагандирование общепризнанных гуманитарных ценностей вне зависимости от этнической, конфессиональной и культурной принадлежности личности;
- подчеркивание общего исторического прошлого и совместных достижений представителей различных народов, конфессий и культур;
- нацеленность на «сотрудничество», а не на «противоборство»;
- выделение ценности многообразия как возможности для творчества и личностного развития;
- особое акцентирование внимания на современных успехах и достижениях в процессе совместной деятельности.

В заключение необходимо еще раз отметить, что терроризм сегодня носит транснациональный характер, и решать данную проблему возможно только совместными усилиями всех членов общества, что приводит к необходимости разработки комплексных подходов и единых методов противостояния различным террористическим проявлениям. При этом первостепенную роль играет ориентация на смысловую сферу личности, учет особенностей смыслообразования и смыслопорождения субъекта, создание условий для гармоничного развития, пропаганда идеологии гражданского общества и целенаправленное формирование гуманитарных ценностей, которые будут способствовать формированию позитивного общественного сознания, исключающего саму возможность использования насилия для достижения каких-либо целей.

Литература

1. Абакумова И.В. Обучение и смысл: смыслообразование в учебном процессе (психолого-дидактический подход). – Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 2003. – 480 с.
2. Крутелёва Л.Ю. Психологические особенности смысложизненных стратегий студентов разной познавательной направленности, изучающих иностранный язык: дисс... канд. психол. наук – Ростов-на-Дону, 2005. – 222 с.
3. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 3-е изд., доп. – М.: Смысл, 2007. – 511 с.

Попова-Щербакова Л.В.

Отношение молодёжи Южного федерального
округа к терроризму и экстремизму

В статье проводится анализ явлений терроризма и экстремизма в Южном федеральном округе, приводятся результаты исследования по опроснику в виде незаконченных предложений «Отношение к экстремизму и терроризму», проведенному среди участников антитеррористического фестиваля студенческой, научной и творческой молодежи «Мир Кавказу».

Ключевые слова: экстремизм, терроризм, представление молодёжи об этих явлениях, представления о причинах и способах борьбы с экстремизмом и терроризмом.

В настоящее время современное российское общество переживает трансформацию системы ценностей, обусловленную модернизацией общественной жизни. Процессы глобализации в экономической, политической, культурной сферах, втягивающие население разных стран в миграционные потоки разного характера и уровня приводят к усложнению структурных связей конкретных обществ и всего сообщества в целом. Вышеперечисленные факторы в определенной степени стимулируют напряженность в межнациональных отношениях, сопровождающуюся межэтническими конфликтами, начинают появляться различные оппозиционные группы, добивающиеся желаемого результата через экстремизм и терроризм. Особенно это актуально для нашего многонационального и многоконфессионального Северного Кавказа.

Южный федеральный округ является не только самым многонациональным регионом нашей страны, но и отличается сложной конфессиональной картиной. Здесь зарегистрировано более 3300 религиозных организаций. Конфессиональное пространство региона можно условно разделить на четыре основные части: 40 % – религиозные организации Русской православной церкви (РПЦ); 30 % – религиозные организации мусульман; 27 % – протестантские организации и 3 % – буддисты и иудеи. Исламские организации преобладают в 5 субъектах ЮФО (Дагестан, Ингушетия, КЧР, КБР и Чечня). На Юге России действуют 11 Духовных управлений мусульман (ДУМ), большинство из которых входят в Координационный центр мусульман Северного Кавказа (КЦМСК). Самое крупное региональное Духовное управление мусульман зарегистрировано в Дагестане, где действуют 1756 мечетей. ДУМ Чечни объединяет около 300 мечетей, Ингушетии – 85, Северной Осетии – 19,

Кабардино-Балкарии – 130, Карачаево-Черкесии и Ставропольского края – 113, Адыгеи и Краснодарского края – 28, Ростовской области – 17, Калмыкии – 2. В регионе значительное развитие получило исламское образование. На Юге России официально действуют 30 исламских вузов, из которых 19 в Дагестане, 8 в Чечне и по одному в Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Астраханской области. В то же время более 2 500 молодых людей из субъектов ЮФО обучаются в зарубежных исламских учебных заведениях. Еще одна специфика религиозной ситуации в регионе – большое количество мусульман, совершающих паломничество – умра и хадж. Так, если в 2006 г. из Российской Федерации совершили паломничество в КСА более 15,5 тыс. чел., то более 14,5 тысяч человек из них были из субъектов Юга России. На Северный Кавказ религиозно-политический экстремизм и терроризм активно начинает проникать около двадцати лет тому назад, в первую очередь на территорию Дагестана и Чечни. Одним из важных факторов геополитического характера распространения исламского радикализма на Северном Кавказе является разносторонняя поддержка их деятельности извне многочисленными международными радикальными исламскими центрами, зарубежными культурно-просветительскими и благотворительными организациями. Так, с конца 80-х – до 1999 г. на Северном Кавказе действовали филиалы международных благотворительных, просветительских, культурных организаций. За эти же годы активизировалась деятельность таких исламских организаций, как Международная исламская организация «Спасение» (МИОС), «Беневоленс Интернешнл Фаундейшн» (БИФ, штаб-квартира расположена в г. Чикаго, США), «Джамаат Ихья Ат-Турас Аль-Ислами» (штаб-квартира в Кувейте), «Лашкар Тайба» (штаб-квартира в Пакистане), «Аль-Хайрия», «Аль-Харамейн» («AL-Haramain Foundation» (образовательный центр в США), «Катар» (штаб-квартира в Катаре), «Икраа» (штаб-квартира в Джидде (КСА), «Ибрагим бен Ибрагим» (штаб-квартира в Джидде (КСА) и др., финансируемых и направляемых Саудовской Аравией, Пакистаном, Кувейтом. Для них характерны практически открытая пропаганда панисламистских идей объединения всех мусульман региона для вытеснения России с Северного Кавказа, создания в северокавказском регионе исламского государства, за установление тесных связей Северного Кавказа, Дагестана с такими мусульманскими странами, как Саудовская Аравия, Турция, Иран, Иордания, Пакистан. По решению северокавказских судов в 1999–2000 гг. все они за активную поддержку, в том числе и финансирование исламских радикальных группировок и организаций в Дагестане, были закрыты. Исламские радикальные структуры в Южном федеральном округе тесно связаны с радикальными исламистскими

организациями за рубежом, за которыми просматриваются геополитические интересы, как государств исламского мира, так и ряда западных держав. Специальные службы и неправительственные организации этих стран стремятся обеспечить благоприятные условия для оказания выгодного им воздействия на развитие политической, экономической и религиозной ситуации в регионе в целом. Они рассматривают Дагестан в качестве плацдарма для утверждения своего духовного и политического влияния на Северном Кавказе и других мусульманских регионах России. Привнесенный в нашу страну с конца 80-х гг. XX в. при мощной финансовой и организационной поддержке из-за рубежа идеология религиозно-политического экстремизма стала агрессивной идеологией, питающей идеи радикального национализма и сепаратизма для целей, далеких от нужд абсолютного большинства мусульман Юга России. Религиозно-политический экстремизм и терроризм на Юге России представлен в основном в виде ваххабизма. Исторически ваххабизм представляет собой фундаменталистское религиозное движение в суннитском исламе, ставшее идейным столпом будущего саудовского государства. Сложность и неоднозначность самого феномена исламского радикализма в мире, в том числе и в России и на Северном Кавказе привела к тому, что на официальном уровне, на языке представителей науки, средств массовой информации, специалистов и, наконец, официального духовенства стали широко использовать многочисленные определения, такие, как «ваххабиты», «последователи ваххабизма», «салафиты», «фундаменталисты», «муваххидун», «джамаатисты», «исламские экстремисты» и многие другие. Отдельные исследователи (директор Института религии и права, профессор МГУ А. Игнатенко) считают, что более точное и научное определение этого феномена – «ваххабизм». Термин «ал-ваххабийя» («ваххабизм») прочно утвердился и в мусульманском мире. Как показывает анализ деятельности сторонников религиозно-политического экстремизма на постсоветском пространстве, они стремятся путем демагогии, организации беспорядков, актов гражданского неповиновения дестабилизировать и разрушить существующие общественные структуры для достижения своих целей. При этом широко используют силовые методы – террористические акты, партизанскую войну и т.д.; в принципе отрицают переговоры, соглашения, компромиссы, основанные на взаимных уступках. Мы живем в сложном и постоянно меняющемся мире, в котором проблема национального, этнического, социального и политического экстремизма стоит особенно остро. Мы каждый день слышим о все новых и новых случаях ксенофобии и национализма, главным участником которых является молодежь как слой, наиболее остро

и чутко реагирующий на все изменения общества. В XXI веке экстремизм и терроризм, как его крайняя форма, превратились в одну из самых сложных социальных проблем, став частью политики и инструментом проведения внешнеполитической деятельности для достижения геополитических целей отдельных держав, сил и движений на мировой арене.

В своей статье мы придерживаемся следующих определений. Экстремизм – это приверженность отдельных лиц, групп, организаций и т.п. к крайним взглядам, позициям и мерам в общественной деятельности. Экстремизм распространяется как на сферу общественного сознания, общественной психологии, морали, идеологии, так и на отношения между социальными группами (социальный экстремизм), этносами (этнический или национальный экстремизм), общественными объединениями, политическими партиями, государствами (политический экстремизм), конфессиями (религиозный экстремизм).

Политическая практика экстремизма находит выражение в различных формах экстремистской деятельности, начиная от проявлений, не выходящих за конституционные рамки, и заканчивая такими острыми и общественно опасными формами как мятеж, повстанческая деятельность, терроризм.

Терроризм – сложное социально-политическое и криминальное явление, обусловленное внутренними и внешними противоречиями общественного развития различных стран. Представляет собой многоплановую угрозу для жизненно важных интересов личности, общества и государства, одну из наиболее опасных разновидностей политического экстремизма в глобальном и региональном масштабах.

По своей социально-политической сущности терроризм представляет собой систематическое, социально или политически мотивированное, идеологически обоснованное применение насилия, либо угроз применения такового, посредством которого через устрашение физических лиц осуществляется управление их поведением в выгодном для террористов направлении и достигаются преследуемые террористами цели.

Терроризм включает несколько взаимосвязанных элементов: идеологию терроризма (теории, концепции, идейно-политические платформы); террористические структуры (международные и национальные террористические организации, экстремистские – правые и левые, националистические, религиозные и другие общественные организации, структуры организованной преступности и т.п.), а также собственно террористическую практику (террористическую деятельность).

Для того, чтобы эффективно бороться с данными явлениями, необходимо, прежде всего, изучить природу экстремизма, понять, почему люди идут

в экстремистские группировки. Существует большое количество литературы, посвященной исследованию проблемы экстремизма и терроризма, но еще больше необходимо исследовать.

Наше исследование, проведенное среди участников антитеррористического фестиваля студенческой, научной и творческой молодежи «Мир Кавказу» (Ростов-на-Дону, 12–15 сентября 2010 г.), было направлено на выявление причин экстремизма и терроризма, а также представлений участников о том, какими способами можно и необходимо бороться с ними.

В исследовании приняли участие 95 человек, из них 90 % – молодёжь (студенты и молодые ученые ЮФО различной конфессиональной принадлежности). Они заполняли опросник в виде незаконченных предложений «Отношение к экстремизму и терроризму», из которого мы проанализируем ответы о причинах, по которым люди вступают в экстремистские группировки, а также мнение участников фестиваля о том, какими способами необходимо бороться с экстремизмом и терроризмом.

В результате анализа мы получили следующие данные.

1. Причины, по которым люди вступают в экстремистские группировки, можно разделить на три группы:
 2. психологические причины (личностные качества, психические расстройства, внушаемость, болезненное восприятие реальности, непонимание, несамореализованность и т.п.) отметили 53,2 % респондентов;
 - социальные причины (низкий уровень жизни, слабая экономическая развитость стран, безработица, отсутствие антипропаганды терроризма и экстремизма и т.п.) отметили 24,7 %;
 - религиозные причины (разные религиозные ценности, религия по принуждению, отсутствие настоящей веры и т.п.) отметили 22,1 %.
3. Предлагаемые способы борьбы с экстремизмом и терроризмом также можно разделить на три группы:
 - 1) радикальные меры борьбы с экстремизмом и терроризмом (ввести публичную казнь, истребить всех террористов, уничтожать поселения и т.п.) – 26,2 % респондентов;
 - 2) социальные меры борьбы с экстремизмом и терроризмом (улучшить экономическую сторону жизни, проводить различные антитеррористические акции и т.п.) – 32,3 %;
 - 3) психолого-педагогические меры (проводить воспитательные беседы, начиная с младшего школьного возраста, развивать в людях терпение друг к другу, быть терпимыми друг к другу, воспитывать дух товарищества, патриотизм и т.п.) – 41,5 % респондентов.

Итак, в результате анализа проведенного исследования можно сделать вывод о том, что надо не только бороться с экстремистской деятельностью, но, в первую очередь, проводить профилактику в виде реализации комплексной системы политических, социально-экономических, информационных, воспитательных и т.п. мер, направленных на установление и устранение причин и условий экстремизма.

Литература

1. Антонян Ю.М., Давитадзе М.Д. Этнорелигиозные конфликты: проблемы, решения. – М., 2004.
2. Борьба с экстремизмом: методологические основы и состояние // Актуальные проблемы национальной безопасности России на современном этапе / Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. – 2004. – № 1.
3. Верховский А. Противодействие национал-экстремизму: проблема и актуальные варианты решения // Антисемитизм и ксенофобия в Российской Федерации. – 2002. – № 11.
4. Володина Н.В. Особенности экстремизма на религиозной почве // Безопасность Евразии. – № 3.
5. Гафарлы М. Как бороться с религиозным экстремизмом // Независимая газ. – 1999.
6. Горишний К.В. Факторы современного этнического экстремизма на примере Северного Кавказа // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. – 2008. – № 3.
7. Гриб Н.Н. Информационно-психологическая сфера как ведущее звено системы противодействия терроризму // Российский следователь. – 2004. – № 6.
8. Диль В.А. Тенденции развития современного экстремизма: молодежный и информационный экстремизм // Известия Томского политехнического университета. – 2009. – Т. 314. – № 6. – С. 167–170.
9. Добаев И.П. Опасность исламизации и этнизации общества на Юге России // <http://www.rusk.ru/jst.php?idar=20436> (дата посещения 18.10.2010).
10. Дробижиева Л., Паи Э. Политический экстремизм и терроризм: социальные корни проблемы // Век толерантности. – № 5.
11. Емельянов В.П. Терроризм и преступления с признаками терроризирования. – М., 2000.
12. Жээнбеков Э.Т. Профилактические меры противодействия религиозному экстремизму // Российский следователь. – 2006. – № 7.
13. Зуев А. Средства массовой информации и проблемы межэтнических взаимоотношений. – Саратов, 2006. – С. 4.
14. Ляхов Е.Г., Попов А.В. Терроризм: национальный, региональный и международный контроль. – Ростов-на-Дону, 1999.

15. Ольшанский Д.В. Психология террора. – М., Академический проект: ОППЛ; Екатеринбург: Деловая книга, 2002.
16. Павлинов А.В. Насильственный экстремизм. – М., 2004.
17. Чарный С., Степанищев С. Расизм, ксенофобия, неонацизм в регионах РФ // <http://index.org.ru> (дата посещения 18.10.2010).

Самойлина Т.Г., Середина Н.В.

Содержание представлений о террористе
и террористической угрозе у жителей
разных регионов Южного федерального округа РФ

В статье представлен анализ проблемы современного терроризма, представлений о террористах как исполнителе террористического акта. Приводится авторская методика-опросник «Оценка террористической угрозы», структурно состоящий из трех блоков: психологическое содержание представлений о террористе; представление о террористическом акте, местах совершения и способах его избежания; представления о поведении заложников и собственном поведении опрашиваемого в случае захвата. Приводятся результаты исследования, проведенного с помощью авторского опросника в разных регионах Южного федерального округа.

Ключевые слова: террорист, террористический акт, заложники, облик террориста, цели преступлений террористов, угроза теракта.

Проблема терроризма в современном обществе приобрела небывалую остроту. Хотя корни терроризма как политического и социального явления уходят в прошлые века, его постоянно меняющиеся формы складывают отношение к нему как к феномену исключительно новому, присущему современному обществу. Формированию этого представления способствует и тот факт, что методы терроризма становятся все более изощренными и разрушительными, а его распространение приобретает поистине угрожающий характер [1, 3, 6].

Характерными чертами современного терроризма является его направленность против мирного населения. Поэтому совершение террористических актов происходит, главным образом, в местах массового скопления людей наиболее опасным способом, что приводит к большому количеству жертв, в числе которых находятся женщины и дети. Все это вызывает мощный общественный резонанс и рост социальной напряженности в обществе [6, 8, 10].

Для предотвращения террористических актов Правительством РФ были приняты Законодательные акты, подписаны международные Конвенции о борьбе с терроризмом [9].

Однако для борьбы с таким многоаспектным и сложным явлением как терроризм, одних только правовых и политических мер недостаточно. Необходимо учитывать также социальный и психологический аспекты, требующие всестороннего и глубокого изучения.

Анализ литературных источников позволяет сделать вывод, что в настоящее время проблема терроризма в России исследована достаточно широко с точки зрения политического, правового, экономического, социального, культурно-религиозного подходов. Тем не менее, до сих пор недостаточно изучено представление, складывающееся в разных группах населения о террористах и террористическом акте,

слабо разработаны рекомендации действий в случае совершения террористического акта, отсутствует должная система подготовки специалистов, предназначенных для проведения переговоров с террористами. Вместе с тем, решение указанного круга вопросов становится все острее [3, 5, 6, 10].

С целью изучения психологического содержания представлений о террористе, а также оценки угрозы террористического акта были обследованы жители различных регионов Южного федерального округа Российской Федерации. Обследование проводилось с помощью опросника «Оценка террористической угрозы» (Н.В. Серединой, Т.Г. Самойлиной)

Описание методики

Методика представляет собой опросник, состоящий из двадцати открытых вопросов, на которые опрашиваемый дает ответы в свободной форме.

Опросник структурно представлен тремя блоками:

1. Психологическое содержание представлений о террористе.
2. Представления о террористическом акте, местах совершения и способах его избежания.
3. Представления о поведении заложников и собственном поведении опрашиваемого в случае захвата.

Рекомендации по проведению исследования с помощью опросника «Оценка террористической угрозы»

Опрос проводится анонимно. Для получения оптимальных результатов исследование желательно проводить в индивидуальной форме. В случае проведения опроса в группе следует обеспечить самостоятельность ответов, поскольку наибольшую ценность для исследования представляет индивидуальное мнение каждого.

Инструкция испытуемым

«Просим Вас ответить на вопросы, оценивающие уровень террористической угрозы для Вас и Ваших близких в настоящее время. Нас интересует именно Ваше мнение по каждому из предлагаемых вопросов. Благодарим Вас за участие в исследовании».

Ваш пол _____ Возраст _____
Город/Населенный пункт _____ Род занятий _____

1. Как выглядит террорист? Опишите его внешность.
2. Какова национальная принадлежность террориста?
3. Какого он пола? Возраста?
4. Каково социальное положение (семейное положение, материальный, образовательный, профессиональный уровень) террориста?
5. Каковы религиозные убеждения террориста?
6. Какими чертами характера обладает террорист?

7. Как террорист относится к другим к людям?
8. Каковы моральные ценности и идеалы террориста?
9. Как террорист относится к самому себе?
10. Что побуждает террориста совершить теракт?
11. Чем террорист может отличаться от других людей в толпе?
12. В каких местах вашего города может произойти теракт?
13. Как нужно вести себя при теракте?
14. Как могут вести себя заложники в случае захвата?
15. Какие действия заложника могут сохранить ему жизнь?
16. Есть ли шансы у заложника остаться в живых?
17. Угрожает ли Вам терроризм или Вы считаете, что это явление Вас никогда не коснется?
18. Может ли теракт когда-нибудь коснуться ваших близких и родных?
19. Как можно сегодня предотвратить террористические акты?
20. Какие действия следует предпринять, чтобы избежать теракта?

Предварительный анализ полученных результатов показал следующее.

Отличительной чертой во внешности террориста респонденты называют его небритость (40 %), атлетическое телосложение (33 %) и преимущественно черную одежду (20 %).

Из числа опрошенных респондентов 33 % отметили, что террорист может выглядеть как любой мирный гражданин, т.е. неотличим в толпе. Остальные респонденты считают, что террориста можно в толпе отличить по внешним особенностям: 40 % респондентов отметили, что террорист в толпе отличается недобрым взглядом, 27% опрошенных отметили, что террориста в толпе можно узнать по особенностям его поведения, 10 % – по напряженности и скованности, 17 % – по особой обеспокоенности.

На вопрос о национальности террориста были получены следующие ответы: 60 % респондентов указали на то, что террорист может быть любой национальности, 26 % опрошенных считают, что террорист может быть, скорее всего, кавказец, 14 % респондентов относят террориста к чеченской национальности.

Относительно половой принадлежности 86 % опрошенных указали, что террорист будет мужского пола, 24 % – женского.

По мнению 56 % респондентов, вероисповеданием террориста является ислам, 44 % обследуемых ответили, что террорист далек от истинной религии.

Ответы респондентов на вопросы о других социально-демографических характеристиках террориста распределились следующим образом: у террориста низкое материальное положение (53 %), низкий образовательный (50 %) и низкий профессиональный (43 %) уровень.

Психологическая характеристика террориста, по мнению опрошенных, выглядит следующим образом: 56 % респондентов среди черт характера террориста выделили жестокость, 17 % отметили решительность, 13 % отмечают, что террорист, скорее всего, будет страдать некоторыми психическими расстройствами.

Большинство опрошенных (67 %) считают, что террористу присущ выраженный фанатизм, 52 % – жестокость, а 26 % респондентов наделяют террориста некоторой одержимостью.

По мнению 63 % респондентов, террорист негативно относится к другим людям, он высокомерен, считает других ниже себя, 43 % респондентов отметили, что террорист, скорее всего, безразличен к другим людям, которые лишь являются средством для достижения террористом своих целей, 40 % респондентов считают, что окружающий мир террорист видит враждебным и нуждающимся в изменениях.

С точки зрения респондентов целями преступлений террористов являются: выдвижение политических требований (56 %), обогащение (43 %), религиозные убеждения (36 %), уничтожение и запугивание мирных граждан (30 %).

С точки зрения респондентов террористический акт заключается: во взрывах (30 %), в уничтожении мирного населения (56 %), в захвате заложников (30 %).

По мнению респондентов всех обследованных регионов Южного федерального округа РФ, террористы, либо имеют искаженные моральные ценности (жажда крови, жажда наживы, религиозный фанатизм и др.), либо вообще не имеют таковых.

По мнению опрошенных респондентов, террориста побуждает совершить теракт внушенное ему убеждение, что он попадет в рай, нужда и безысходность, воздействие наркотиков, психическое воздействие («зомбирование»), принуждение к свершению террористических действий с помощью угроз, несправедливость государственного строя, обида на весь мир и деньги.

На вопрос «Угрожает ли вам террористический акт?» 98 % респондентов республики Дагестан дали ответ «да, угрожает». Причем 18 % из их числа связывают эту угрозу с пребыванием в республике: «угрожает, пока я в Дагестане». 7 % жителей Дагестанской республики при ответе на этот вопрос отметили, что они реально находились в ситуации угрозы теракта, избежать которого «удалось лишь по счастливой случайности». Угрозу для своих близких отмечают 97 % респондентов республики Дагестан, и только 3 % такой угрозы для своих близких не видят.

Все 100 % опрошенных жителей Северной Осетии полагают, что для них существует угроза теракта, а 90 % не исключают угрозы терроризма для их родных и близких.

95 % респондентов Кабардино-Балкарии считают, что теракт может коснуться их близких или уже коснулся, и только 5 % уверены, что этого не случится. Только 5 % респондентов Кабардино-Балкарии полагают, что теракт им не угрожает, остальные 95 % считают, что угрожает, или надеются, что это их не коснется.

54 % респондента Чеченской республики, ответили, что терроризм может коснуться каждого ее жителя, 57 % надеются, что теракт не коснется их родных и близких и только 11,5 % уверены, что терроризм им не угрожает.

Таким образом, обобщенное представление респондентов о террористе включает следующие характеристики. Террорист – это скрытный человек кавказской или любой другой национальности, негативно относящийся к другим людям, имеющий искаженные моральные ценности и религиозные идеалы, с низким

образовательным, профессиональным и материальным уровнем, поведением которого движет фанатизм.

В настоящее время исследование проблемы террористической угрозы в разных регионах Южного федерального округа РФ продолжается.

Литература

1. Антонян Ю.М. Терроризм. Криминологическое и уголовно-правовое исследование. – М.: Изд-во «Щит», 2001.
2. Асанов Е.В. Роль права в предотвращении межнациональных конфликтов. Межнациональные конфликты. Место и роль органов внутренних дел в межнациональных конфликтах – М.: Изд-во Академия МВД России, 1992.
3. Афонин С.А. и др. Современный терроризм и борьба с ним: социально-гуманитарные измерения / под ред В.В. Яценко. – М.: МЦНМО, 2007.
4. Самойлина Т.Г., Середина Н.В., Нурмамедова Д.Ш. Психологические особенности образа террориста в различных социальных группах / Материалы научно-практической конференции «Противодействие идеологии экстремизма и терроризма в рамках реализации государственной молодежной политики». Ростов-на-Дону, 12–14 октября 2009 года – Вып. 1. – М.: Изд-во КРЕДО, 2009.
5. Соболев В. Противодействовать идеологии терроризма // ИТАР-ТАСС. – 24.06.2009.
6. Современный политический экстремизм / под ред. Н.З. Дибирова, Г.К. Сафаралиева. – Махачкала: Изд-во Лотос, 2009. – 640 с.
7. Сочивко Д.В. и др. Подсознание террориста. – М.: Изд-во ПЕР СЭ, 2006.
8. Терроризм в России и проблемы системного реагирования / под ред. А.И. Долговой. – М., 2004.
9. Терроризм. Правовые аспекты борьбы. Нормативные и международные правовые акты с комментариями. Научные статьи / отв. ред. и рук. авт. коллектива И.Л. Трунов. – М.: Изд-во Эксмо, 2005.
10. Устинов В.В. Международный опыт борьбы с терроризмом: стандарты и практика. – М.: Изд-во Юрилитинформ, 2002.

Сарычев Н.В., Мельниченко Д.В.

Внешние и внутренние угрозы информационной безопасности России

Информационная безопасность – защищенность информационной среды личности, общества и государства от преднамеренных и непреднамеренных угроз и воздействий. Обеспечение информационной безопасности Российской Федерации тесно взаимосвязано с решением внутренних проблем страны: проблем обеспечения политической, экономической, военной, социальной и других видов национальной безопасности. Для обеспечения внешнего аспекта информационной безопасности большая роль должна отводиться взаимодействию с информационными органами других стран.

Ключевые слова: противодействие идеологии терроризма, информационная сфера, информационные угрозы, информационная безопасность, защита от информационно-психологических угроз.

Информационная сфера России характеризуется активным развитием современных средств информационного обмена и различного типа компьютерных систем. Это создает условия для обеспечения информационной поддержки деятельности аппарата управления на всех уровнях и во всех ветвях власти.

Вместе с тем слабое внимание, уделяемое проблемам обеспечения информационной безопасности, создает объективные условия для незаконного доступа к закрытой информации, ее хищения или разрушения. Особую опасность имеет возможность манипуляций различного рода информацией для негативного воздействия на процесс принятия политических решений [1].

В перечне видов угроз информационной безопасности, обозначенных в Доктрине [2], стоит обратить особое внимание на:

- вытеснение российских информационных агентств, средств массовой информации с внутреннего информационного рынка и усиление зависимости духовной, экономической и политической сфер общественной жизни России от зарубежных информационных структур;
- манипулирование информацией (дезинформация, сокрытие или искажение информации).

Основными целями защиты от информационно-психологических угроз для России являются:

- 1) защита от разрушительных информационно-психологических воздействий среды общества, психики населения, социальных групп граждан;
- 2) противодействие попыткам манипулирования процессами восприятия информации населением со стороны враждебных России политических сил, проводимых с целью ослабления обороноспособности государства;
- 3) отстаивание национальных интересов, целей и ценностей России в информационном пространстве (глобальном, национальном, региональном, субрегиональном, стран СНГ);

- 4) постоянное отслеживание отношений российского общества к важнейшим проблемам национальной безопасности (диагностика общественного мнения, психологического состояния нации).

Ведущие страны мира в настоящее время располагают мощным потенциалом информационного противоборства (прежде всего, США, Китай, Израиль, Франция, Великобритания, Германия), который может обеспечить им достижение политических и экономических целей, тем более что отсутствуют международные юридические нормы ведения информационной борьбы.

В Доктрине информационной безопасности Российской Федерации определены следующие основные источники внутренних угроз информационной безопасности [2].

К внутренним источникам относятся:

- критическое состояние отечественных отраслей промышленности;
- неблагоприятная криминогенная обстановка, сопровождающаяся тенденциями сращивания государственных и криминальных структур в информационной сфере, получения криминальными структурами доступа к конфиденциальной информации, усиления влияния организованной преступности на жизнь общества, снижения степени защищенности законных интересов граждан, общества и государства в информационной сфере;
- недостаточная координация деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации по формированию и реализации единой государственной политики в области обеспечения информационной безопасности Российской Федерации;
- недостаточная разработанность нормативной правовой базы, регулирующей отношения в информационной сфере, а также недостаточная правоприменительная практика;
- неразвитость институтов гражданского общества и недостаточный государственный контроль за развитием информационного рынка России;
- недостаточное финансирование мероприятий по обеспечению информационной безопасности Российской Федерации;
- недостаточная экономическая мощь государства;
- снижение эффективности системы образования и воспитания, недостаточное количество квалифицированных кадров в области обеспечения информационной безопасности;
- недостаточная активность федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации в информировании общества о своей деятельности, в разъяснении принимаемых решений, в формировании открытых государственных ресурсов и развитии системы доступа к ним граждан;
- отставание России от ведущих стран мира по уровню информатизации федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления,

кредитно-финансовой сферы, промышленности, сельского хозяйства, образования, здравоохранения, сферы услуг и быта граждан.

Наибольшую опасность в сфере внутренней политики представляют следующие угрозы информационной безопасности Российской Федерации:

- нарушение конституционных прав и свобод граждан, реализуемых в информационной сфере;
- недостаточное правовое регулирование отношений в области прав различных политических сил на использование средств массовой информации для пропаганды своих идей;
- распространение дезинформации о политике Российской Федерации, деятельности федеральных органов государственной власти, событиях, происходящих в стране и за рубежом;
- деятельность общественных объединений, направленная на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной вражды, на распространение этих идей в средствах массовой информации.

Из внутренних угроз информационной безопасности Российской Федерации в сфере внешней политики наибольшую опасность представляют:

- информационно-пропагандистская деятельность политических сил, общественных объединений, средств массовой информации и отдельных лиц, искажающая стратегию и тактику внешнеполитической деятельности Российской Федерации;

Из внешних угроз информационной безопасности Российской Федерации в сфере внешней политики наибольшую опасность представляют:

- недостаточная информированность населения о внешнеполитической деятельности Российской Федерации.
- информационное воздействие иностранных политических, экономических, военных и информационных структур на разработку и реализацию стратегии внешней политики Российской Федерации;
- распространение за рубежом дезинформации о внешней политике Российской Федерации;
- нарушение прав российских граждан и юридических лиц в информационной сфере за рубежом;
- попытки несанкционированного доступа к информации и воздействия на информационные ресурсы, информационную инфраструктуру федеральных органов исполнительной власти, реализующих внешнюю политику Российской Федерации, российских представительств и организаций за рубежом, представительств Российской Федерации при международных организациях [2].

На основе национальных интересов РФ в информационной сфере формируются стратегические и текущие задачи внутренней и внешней политики государства по обеспечению информационной безопасности.

Выделяются четыре основные составляющие национальных интересов РФ в информационной сфере.

Первая составляющая национальных интересов РФ в информационной сфере включает в себя соблюдение конституционных прав и свобод человека и гражданина в области получения информации и пользования ею, обеспечение духовного обновления России, сохранение и укрепление нравственных ценностей общества, традиций патриотизма и гуманизма, культурного и научного потенциала страны.

Вторая составляющая национальных интересов РФ в информационной сфере включает в себя информационное обеспечение государственной политики РФ, связанное с доведением до российской и международной общественности достоверной информации о государственной политике РФ, ее официальной позиции по социально значимым событиям российской и международной жизни, с обеспечением доступа граждан к открытым государственным информационным ресурсам.

Третья составляющая национальных интересов РФ в информационной сфере включает в себя развитие современных информационных технологий, отечественной индустрии информации, в том числе индустрии средств информатизации, телекоммуникации и связи, обеспечение потребностей внутреннего рынка ее продукцией и выход этой продукции на мировой рынок, а также обеспечение накопления, сохранности и эффективного использования отечественных информационных ресурсов. В современных условиях только на этой основе можно решать проблемы создания наукоемких технологий, технологического перевооружения промышленности, приумножения достижений отечественной науки и техники. Россия должна занять достойное место среди мировых лидеров микроэлектронной и компьютерной промышленности.

Четвертая составляющая национальных интересов РФ в информационной сфере включает в себя защиту информационных ресурсов от несанкционированного доступа, обеспечение безопасности информационных и телекоммуникационных систем, как уже развернутых, так и создаваемых на территории России [3].

По мнению А.Ю. Кирьянова [1], основными задачами по реализации и защите национальных интересов на современном этапе развития России в информационной сфере являются следующие.

1. Разработка и принятие долгосрочной программы по обеспечению выхода на уровень ведущих стран мира в области создания систем информатики и управления, основанных на новейших информационных технологиях.
2. Обеспечение свободы получения и распространения информации гражданами, другими субъектами общественных отношений в интересах формирования гражданского общества, демократического правового государства, развития науки и культуры.
3. Обеспечение надежной защиты информационного потенциала России (т.е. совокупности информации, обеспечивающей национальные интересы страны; систем ее получения, хранения, переработки и распространения; его субъектов) от неправомерного его использования в ущерб охраняемым

- законом интересам личности, общества и государства. Осуществление контроля за экспортом из страны интеллектуальной продукции, а также информационных банков данных. Организация эффективной системы подготовки и переподготовки кадров в области обеспечения информационной безопасности.
4. Развитие взаимодействия государственных и негосударственных систем информационного обеспечения в целях более эффективного использования информационных ресурсов страны.
 5. Совершенствование системы нормативно-правовых актов, регулирующих отношения собственности и соблюдения баланса интересов личности, общества и государства в сфере формирования, хранения и использования информационных ресурсов. Формирование и развитие федеральных и региональных центров сертификации систем информационной защиты и их элементов.
 6. Противодействие целенаправленным действиям по дезинформированию органов власти, населения страны, использованию каналов информационного обмена для нарушения систем управления различными сферами жизнедеятельности государства.
 7. Создание общего информационного пространства стран СНГ в интересах содействия интеграционным процессам, повышения эффективности взаимодействия в реализации общих интересов. Включение России в международную систему информационного обмена с учетом обеспечения российских национальных интересов и противодействия акциями информационной интервенции.
 8. Обеспечение на международном уровне принятия решений о безусловном запрете на использование информационного оружия в мирное время.

Далее предлагается сосредоточить внимание на роли государства в области защиты информации. Общие положения по защите информации устанавливает Федеральный закон «Об информации» (ст. 16). Закон рассматривает защиту информации как комплекс «правовых, организационных и технических мер, направленных на:

- 1) обеспечение защиты информации от неправомерного доступа, уничтожения, модифицирования, блокирования, копирования, предоставления, распространения, а также от иных неправомерных действий в отношении такой информации;
- 2) соблюдение конфиденциальности информации ограниченного доступа;
- 3) реализацию права на доступ к информации».

Последняя цель, на первый взгляд, не имеет отношения к защите информации. На это не так. Защищать необходимо не только информацию ограниченного доступа, но и открытую информацию, доступ к которой должен быть неограничен. Это также задача государства в отношении информации, предоставляемой для

всеобщего сведения органами государственной власти и органами местного самоуправления.

Следующая категория защищаемой информации – эта информация ограниченного доступа, находящаяся в любом режиме конфиденциальности. Но роль государства принципиально различна в обеспечении различных режимов.

Общедоступную информацию следует защищать от блокирования доступа, уничтожения, модификации (искажения). Информацию ограниченного доступа – от уничтожения, модификации, незаконного копирования, разглашения, незаконного доступа, незаконного использования [4].

Учитывая глобальный характер процессов информатизации и появление международной киберпреступности, мировое сообщество должно иметь межгосударственные организационные структуры по координации работ в области информационной безопасности.

Основным международным органом является Организация Объединенных Наций и созданный ею Совет Безопасности. Эти органы координируют усилия государств по осуществлению мероприятий в области обеспечения информационной безопасности и борьбы с преступлениями в сфере информационных технологий. Спорные вопросы на межгосударственном уровне решает Международный суд.

Система обеспечения информационной безопасности Российской Федерации строится на основе разграничения полномочий органов законодательной, исполнительной и судебной власти федерального уровня, уровня субъектов Российской Федерации, ведомственных структур, а также служб предприятий и организаций.

Итак, в связи с новейшими научно-техническими достижениями в области информатики и информационных технологий современное соперничество государств и других объектов социальной природы характеризуется появлением нового фактора – информационного. Через целевое воздействие на информационную среду реализуются угрозы национальной безопасности в различных сферах человеческой деятельности. В политической сфере все большую значимость приобретает информационно-психологическое воздействие с целью формирования отношений в обществе, его реакции на происходящие процессы. В экономической сфере растет уязвимость экономических структур от недостоверности, запаздывания и незаконного использования экономической информации. В военной сфере исход вооруженной борьбы все в большей степени зависит от качества добываемой информации и уровня развития информационных технологий, на которых основываются системы разведки, радиоэлектронной борьбы, управления войсками и высокоточным оружием. В сфере духовной жизни возникает опасность развития в обществе с помощью электронных средств массовой информации агрессивной потребительской идеологии, распространения идей насилия и нетерпимости и других негативных воздействий на сознание и психику человека. Информационная среда, являясь системообразующим фактором во всех видах национальной безопасности (политической, экономической, военной, и др.), в то же время представляет собой самостоятельный объект защиты.

Литература

1. Кирьянов А.Ю. Сущность информационного аспекта национальной безопасности Российской Федерации // Международное публичное и частное право. – 2005. – № 3. – С. 42.
2. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, утверждена Президентом Российской Федерации 09.09.2000. № Пр. 1895 // Российская газета. – 2000. – № 187.
3. Ковалева Н.Н. Информационное право России: учебное пособие. – М.: здательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2007. – 234 с.
4. Волчинская Е.К. Роль государства в обеспечении информационной безопасности // Информационное право. – 2008. – № 4. – С. 9–16.
5. Родичев Ю.А. Информационная безопасность: нормативно-правовые аспекты: учебное пособие. – СПб.: Питер, 2008. – С. 86–87.

Ташёва А.И.

Российская семья как ресурс и диагностический критерий противодействия экстремизму и терроризму

Современная российская семья как живая социальная система, с одной стороны, формирует личность, задавая ей систему нравственных ценностей, противодействующих экстремизму и терроризму; с другой стороны, она сама трансформируется под воздействием пережитого опыта семейного и несемейного насилия; с третьей стороны, качество семейных отношений может служить диагностическим критерием её безопасности/опасности для общества.

Ключевые слова: семья, ресурс, ненасильственные отношения, насилие в семье, заложенность, Стокгольмский синдром, терроризм, экстремизм.

Известно, что человек как личность начинается в семье. Ведь именно в этой уникальной малой группе осуществляется его первичная социализация за счет мощного личностного потенциала всех взрослых, прежде всего, родителей, посредством обучения ребенка семейным, национальным, культурным, героическим традициям; передачи ему жизненно важных представлений о полоролевой, национальной, культурной и прочих видах идентификации [1, 2, 9]. При оптимальных обстоятельствах именно в безопасных условиях семьи ребёнок получает первые навыки и опыт социальной перцепции – опыт восприятия и понимания самого себя, близких и посторонних людей; людей, похожих на него и от него в разной мере отличающихся. В семье формируются базовые ценности человека (представления о чести, достоинстве, уважении, доверии, толерантности, о свободе для себя и других); здесь он научается бережному отношению к самому себе и к другим людям, приобретает качества, навыки и умения, без которых немислим современный культурный человек.

Если семья не выполняет названных, витально значимых для конкретного человека и общества в целом функций, либо выполняет их утрированно, то результатом такого «воспитания» оказывается индивид, не умеющий ценить собственную и чужую жизнь, готовый искусственно прервать эти жизни во имя псевдоценностей. Несомненно, что именно эти люди составляют резерв для экстремистов и террористов любого толка.

Психологам, педагогам, гражданам страны безотносительно к их профессиям необходимо осознать, при каких условиях современная семья оптимально справляется с задачами воспитания личностно зрелого человека, а какие условия значительно минимизируют её состоятельность в этом плане.

Мы убеждены, что опыт жертвы домашнего и внесемейного насилия может в существенной степени трансформировать не только отдельные личности, их восприятие себя, мира, но может менять и системы отношений людей, включая жесткие патриархальные отношения. Рассмотрим эти идеи на примере нашего опыта работы с жертвами семейного насилия в Ростове, с жертвами теракта в Беслане.

Нами было предпринято эмпирическое изучение насилия в семьях г. Ростова-на-Дону: опрошено 80 граждан в возрасте от 20 до 45 лет, имеющих собственные семьи; люди разных профессий, из них 34 % мужчин и 66 % женщин [7]. Респондентами стали лица, испытавшие насилие в родительских семьях в различных формах (основная группа – 40 человек), и лица, не имевшие подобного опыта (контрольная группа – 40 человек).

Методический инструментарий: тесты С. Розенцвейга и Басса-Дарки, опросник А.И. Тащёвой на исследование насилия в семье. Статистическая обработка результатов осуществлялась при помощи пакета Статграф (3.0) с использованием коэффициента корреляции Брауэ-Пирсона r при уровне достоверности $p < 0,05$.

Проведенное исследование позволяет сделать статистически достоверные выводы.

1. Респонденты обеих групп описывают насилие как какой-то конкретный вид поведения, а не дают его общую характеристику. Причем опрошенные из основной группы в качестве насилия чаще воспринимают поведение, направленное на причинение вреда и страданий кому-либо, а респонденты из контрольной группы более четко и конкретно выделяют виды насилия.
2. Четыре основных вида поведения респонденты расценивают как насильственный акт: физическое насилие, психологическое насилие, пренебрежение, экономическое насилие.
3. Респонденты, испытавшие насилие в родительской семье, в 1,5 раза чаще, чем люди, не имеющие подобного опыта, допускают насилие в собственных семьях (83,6 % случаев против 55,7 %).
4. Формы насилия в родительских и собственных семьях респондентов, по сути, идентичны: постоянные скандалы, приказы, давление, прямые оскорбления, принуждения (*психологическое насилие*); порка ремнем, пощечины (*физическое насилие*); препятствие зарабатывать собственные деньги, ограничение в карманных деньгах, контроль трат (*экономическое насилие*). Респонденты обеих групп в собственных семьях не используют экономическое насилие.
5. Предположения респондентов о причинах насилия в родительских и их собственных семьях совпадают: злоупотребление «насильника» алкоголем, бытовые проблемы, недостаток взаимопонимания между членами семьи, разрядка собственного напряжения, разногласия, различия во мнениях.
6. Выявились 3 группы особенностей поведения насильника непосредственно перед совершением акта насилия: *характеристики невербального поведения* (изменение выражения лица «насильника», размахивание руками, угрожающие жесты, «швыряние» предметов, стук по какому-либо предмету); *паралингвистического поведения* (повышение тона голоса, «срывающийся» голос, молчание) и *вербального поведения* (придирки, упреки, издевательства, употребление нецензурных выражений).

7. *Паттерны реагирования жертв на насилие:* «плохое самочувствие», «острая потребность излить душу», «чем-нибудь отвлечься», «попытка исправить ситуацию», «ответное нападение», «без изменений».
8. Наиболее часто насилие в собственных семьях респондентов адресуется членам семьи: *близким людям* (дети, супруги, другие родственники), *друзьям/знакомым, а также домашним животным/растениям.*
9. *Закономерности в протекании насилия в собственных семьях респондентов* можно свести к следующим: «привычка» применять насилие, злоупотребление алкоголем, полная или частичная зависимость от насильника, безнаказанность насилия, презрение к правам партнера.
10. По мнению опрошенных, *семейное насилие имеет выраженные негативные последствия* для всех участников насильственного акта: «насильник» приобретает большую уверенность в правильности своих действий, испытывает «радость победы» и ещё большую озлобленность, может испытывать чувство вины перед жертвой; у жертвы отмечаются замкнутость, страх, агрессивное поведение по отношению к другим людям, обида, нервозность, суицидальные мысли, планы, попытки; свидетели насилия испытывают неловкость и дискомфорт от увиденного, они разочаровываются в насильнике, испытывают жалость и презрение к жертве.
11. К *факторам, защищающим семью от насилия*, опрошенные обеих групп отметили любовь и бережное отношение друг к другу, умение прощать ошибки других, желание уладить что-либо «мирным путем», взаимопонимание между членами семьи, терпимость.

Своеобразное отношение к насильственным действиям в семье мы обнаружили у жертв теракта в Беслане [3 и др.]. Веками в Северной Осетии культурной нормой оставались непререкаемый авторитет взрослых, мужчин, патриархальность семей с авторитарным типом взаимоотношений и закрытым, монологическим характером общения. Степень личностной свободы каждого из членов семьи определялась представлениями отца о допустимых и возможных проявлениях этой свободы, и любая попытка нарушить эти представления пресекалась самим отцом и всеми взрослыми членами семьи. Процесс общения в традиционных осетинских семьях имел характер своеобразной свёрнутости: не принято было делиться чувствами, информацией о состоянии здоровья друг друга, закрытый тип общения предписывался и мужчинам, и женщинам в семье и вне её, что во многих семьях существенно осложняло процесс заботы даже о физическом здоровье взрослых. Эта традиция могла нарушаться лишь при общении в семье близких родственников одного пола. «Строгий, но справедливый» отец мог применить физические наказания по отношению к детям, другим членам семьи, включая жену, что воспринималось как неизбежное непреодолимое преходящее событие. Было не принято открыто выражать сочувствие провинившемуся.

После теракта дети-заложники, другие дети Беслана, Республики стали демонстрировать очевидное и не скрываемое пренебрежение к родителям, сиблингам,

к другим близким. Дети 7 лет стали стенично настаивать на собственном более высоком семейном статусе; ребята 9–12 лет пытались повысить не только собственное положение в семье, но и статус матери, брата, бабушки. Презрев очевидную опасность быть физически наказанными суровым отцом, прослыть лгунами, «безбожными фантазерами», они позволяли себе вступить и в борьбу с властным, жестким отцом.

Выраженность данного симптома определялась степенью вовлеченности ребенка в теракт, возрастом детей, их личностными особенностями, наличием-отсутствием физической травмы во время теракта, ее тяжестью, а также поведением ребенка в ситуации заложничества, после освобождения и пр.

Максимально выраженные изменения в поведении оказались у третичных жертв (у жителей Беслана: кто, к счастью, сам не стал заложником и чьих близких родственников не оказалось в спортивном зале); в 3–4 раза меньшими эти изменения были у вторичных жертв (у братьев и сестер ребят, переживших теракт в школе); наконец, в 2–2,5 раза менее выраженными они оказались у первичных жертв теракта (у тех, кто находился непосредственно в спортзале школы). У вторичных и третичных жертв теракта описанные девиации были более агрессивными, чаще гетерогенными; адресовались преимущественно близким, младшим, слабым и посторонним взрослым, а также животным и растениям.

Отклонения от привычного, принятого прежде, поведения стали носить демонстративно вызывающий характер, не свойственный прежней системе отношений в Северной Осетии в целом, например, публичный нигилизм несовершеннолетних по отношению к некоторым национальным традициям общения со взрослыми посторонними людьми, в том числе с мужчинами; очевидное пренебрежение детей от 7 лет ко всем близким; несанкционированные близкими прогулы занятий; элементы установочного поведения, явные рентные установки; уверенность детей во вседозволенности «по факту прописки в Беслане». С особым трагизмом взрослые осетины до сих пор воспринимают нарушение детьми традиций семейных отношений.

У 54,5 % взрослых заложников и 18,2 % детей был зафиксирован Стокгольмский синдром как следствие насильственного удержания, который оказался тесно связанным с предшествующим теракту опытом жертвы семейного и несемейного насилия. Эти люди, достаточно точно описывая кошмары 52-х часов заточения в школе и свои тяжкие переживания, говорили, что с ужасом ожидали от террористов ещё большей агрессии, чем та, которую они проявили. Примеры «человеческого» поведения террористов: «сказал намочить белье под одеждой, сосать его вместо воды», «бросил шоколадку детям», «террорист спас меня во время штурма, приказав лечь за тела убитых и прикрыв своей курткой» и т.п.

Выявлено, что 86,7 % этих жертв до и после событий в школе неоднократно подвергались различным видам насилия: *домашнего* (5 человек – физическому, 7 – психологическому; 3 – экономическому) и *внедомашнего* (1 – физическому; 3 – психологическому; 1 – экономическому 2 – сексуальному). Формы пережитого до теракта насилия обычно сочетались.

Как отмечалось выше, указанные виды насилия частично отражают национальные семейные и поколенческие отношения в Северной Осетии, до осени 2004 г. они принимались практически всеми опрошенными как данность, как нормативное поведение близких, искренне заботившихся о будущем благополучии тех, по отношению к кому применялось насилие.

Таким образом, можно предположить появившуюся возможность изменения характера межличностного общения в Северной Осетии от закрытого, монологического – к более открытому, диалогическому общению, причиной которого явились столь драматичные события. Однако эти предпосылки к диалогическому характеру общения адекватно и болезненно до сих пор воспринимаются большинством взрослых осетин как явное, вызывающее отклонение от культурной нормы, как деструкция уже потому, что её источником стал террористический акт.

Вместе с тем, потенция к диалогическому общению является, по нашему мнению, свершившимся фактом, закономерным следствием, преодолеть которое чрезвычайно сложно и, вероятно, невозможно, так как многие осетины смогли интуитивно почувствовать или осознать, что прежний, традиционный характер общения в их семьях оказался недостаточно состоятельным в экстремальных, трагических обстоятельствах в Беслане и после них. Пережитая драма требовала большей открытости, большего взаимного доверия, а национальные и вероисповедальные традиции предписывали людям общение более сдержанное, более формальное, одностороннее, которое не смогло в полном объёме выполнить психотерапевтическую функцию в рамках бытовой и профессиональной психологической помощи. Полагаем, что описанные девиации общения и потенции их дальнейшей трансформации следует принять как данность и непременно учитывать во всех сферах жизнедеятельности: в воспитательной, образовательной, психотерапевтической и пр.

Работы предшественников, а также приведенные результаты выше описанных и других исследований автора неопровержимо свидетельствуют о том, что, по сути, любые проявления пережитого в детстве и во взрослом возрасте акта семейного насилия могут изменить отношение человека к себе («по отношению ко мне может быть допущена большая агрессия, чем та, которую сейчас проявляют»), способствуя формированию у жертв виктимного поведения, создают специфический сценарий и закономерности его насильственного поведения в собственной семье и вне семьи [4, 5, 6, 8]. В свою очередь, тяжелое внесемейное насилие, проявляющееся, например, в дикости теракта в школе, может иметь макросоциальные последствия – послужить трансформации системы взаимоотношений, изменению характера общения во многих бесланских семьях, между представителями различных поколений, различного пола, разного порядка рождения ребенка в семье, прежде жестко поддерживавшимися национальными и вероисповедальными традициями народа [3 и др.]. И, наконец, семья с её ненасильственными отношениями способна составить мощнейший ресурс в формировании личностно зрелого человека, способного к созиданию, а не к разрушению, дорожащего жизнью как высшей

нравственной ценностью, имеющего позитивную генерализацию восприятия себя, близких, других людей, умеющего выстраивать с людьми продуктивные позитивные отношения.

Литература

1. Андреева Г.М. Психология социального познания. – М.: Изд-во МГУ, 2000. – 246 с.
2. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: учебник для вузов. 3-е изд. – М.: Аспект Пресс, 2003. – 368 с.
3. Тащёва А.И. Впечатления психолога о проблемах Беслана // Российский психологический журнал. – 2005. – Т. 2. – № 4. – С. 221–232.
4. Тащёва А.И. Насилие в современной американской семье // Психологический вестник РГУ. – 1996. – Вып. 1. – С. 111–116.
5. Тащёва А.И. Развод родителей как психологическая проблема // Психологический вестник РГУ. – 1996. – Вып. 2. – С. 532–542.
6. Тащёва А.И. Сексуальные оскорбления в современной американской семье // Психологический вестник РГУ. – 1996. – Вып. 1. – Ч. 2. – С. 35–57.
7. Тащёва А.И. Семейное насилие как поведенческое проявление агрессии / Серийные убийства и социальная агрессия. Тезисы докладов. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. – С. 224–226.
8. Тащёва А.И., Зелинская С.Ю. Насилие в алкогольной семье // Психологический вестник РГУ. – 1997. – Вып. 1. – Ч. 2. – С. 52–63.
9. Эриксон Э. Детство и общество. – СПб.: Класс, 1996. – 431 с.

Федотова О.Д.**У истоков проблемы педагогической превенции терроризма:
подход западногерманского исследователя**

В статье представлена одна из первых попыток рассмотрения педагогической проекции феномена молодежного терроризма, принадлежащая известному западногерманскому теоретику политической дидактики Г. Гизеке. Характеризуется его оценка специфики ментальных оснований представителей левозкстремистских организаций, осуществляющих политически мотивированное насилие, влияние внешних и внутренних факторов формирующего воздействия на личность потенциального террориста.

Ключевые слова: терроризм, леворадикальная молодежь, политически мотивированное насилие, ментальность, террористическая группа, способность к самоопределению

Изменение геополитической карты мира свидетельствует об определенной динамике приоритетов в стратегическом целеполагании нашей страны, связанной с усилением ее субъектности при решении актуализирующихся задач государственной политики и особенностей их реализации. Вместе с тем конструктивные процессы, нацеленные на развитие новых форм государственно-политического, социально-экономического и научно-образовательного сотрудничества протекают в сложной обстановке постконфликтной стабилизации. Вопросы, обращенные к различным аспектам идеологии политически мотивированного насилия, давно стали объектом углубленного теоретико-педагогического исследования в ФРГ.

Концептуальное осмысление процессов и закономерностей, связанных с проявлением терроризма и экстремизма, так или иначе касающихся сферы образования, нацеливает исследователей из ФРГ на анализ действий различных субъектов политики, экономики и культуры. Одним из первых исследователей, обратившихся к педагогическим аспектам превенции терроризма, является профессор Гёттингенского университета Герман Гизеке (род. 1932). К проблемам оценки деструктивных действий террористов он впервые обратился более пятидесяти лет назад [1]. За двенадцать лет до расстрела террористической группой «Черный сентябрь» во время Олимпийских игр в Мюнхене легкоатлетической команды Израиля (1972), он остро поставил вопрос о необходимости объективного исследования одной из наиболее серьезных глобальных проблем.

Теоретическим фундаментом аргументации Г. Гизеке стала выдвинутая социологом Г. Шельски (1912–1984) концепция исследования молодежи как объективно существующей данности, без учета вневременных идеальных представлений о том, какой она должна быть. Ни общество, ни сама молодежь не нуждаются в оформлении в теоретический концепт феномена «молодости» как самостоятельной рамки организации исследования, а также в разработке специального исследовательского инструментария. В подходе Г. Гизеке отсутствуют оценочные суждения, однако

содержатся важные мысли, основанные на реальной практике анализа педагогически значимых сегментов действительности. Таковыми являются деятельность членов бывшей организации Фракция Красной Армии (Группа Баадер – Майнхоф, RAF/РАФ) – левозэкстремистской террористической организации, возникшей на волне распространившихся в ФРГ идей «отказа» от капитализма. Данная организация, почти тридцать лет державшая в страхе ФРГ, а затем и Европу, считала своей целью политический шантаж всех учреждений и должностных лиц, способствующих укреплению устоев данного политического строя, средствами «городской герильи» (партизанской войны). Важным источником являются программные документы РАФ, документальные свидетельства и автобиографический нарратив, принадлежащий перу бывших членов организации террористов-рафовцев, причастной к более чем 100 доказанным покушениям, при которых 39 человек были убиты, 75 – ранены во время взрывов.

Базовым компонентом политической дидактики и ведущим фактором формирования террористических установок, согласно Г. Гизеке, является комплекс образований, с определенной долей условности объединенных понятием «группа». Теоретик считает совершенно нормальным стремление человека стать членом той или иной группы, будь то крупное формальное объединение, имеющее юридический фиксированный статус – официально зарегистрированные общество-ферейн (Verein) или общество-союз (Verband), или же небольшая террористическая группа, состоящая из лиц, объединенных общими идеями борьбы против несправедливости, понимаемой определенным образом и остро переживаемой. По воли «его величества случая» молодой человек может оказаться как в социально ценной группе, так и в общности, преследующей деструктивные цели. Однако отсутствие четких представлений о «нормальных жизненных перспективах» – образовании, работе, семье – может стать провоцирующим фактором и исходной причиной ослабления сопротивления негативным внешним обстоятельствам, последующей идентификации себя с членами группы, приверженными культуре насилия.

В работе «Как и почему становятся террористом» Г. Гизеке подробно излагает систему своих воззрений на проблему формирования сознания будущего террориста [2]. Он не разделяет мнения, согласно которому террористы являются ущербными, невротическими, не владеющими собой людьми, лишенными совести и идеалов. В отдельности они «такие же люди, как ты и я»: они подвержены приступам жалости и ярости, сожаления и сочувствия, страха, могут стать жертвами автомобильной катастрофы или террористического акта. Вместе с тем их характеризует стремление к контакту с людьми, обладающими некоторыми признаками своеобразной «ментальной настроенности» как некоего сложного конгломерата, включающего одновременно внутреннюю покорность, смирение, уступчивость, а также уверенность, агрессию и стремление к поиску высокого направляющего смысла жизни. Общение с группой, представители которой суммарно являются носителями данных характеристик, позволяет потенциальному террористу почувствовать все то, чего он лишен вне данной группы – признание, благожелательность,

благотворительность, поддержку, стремление вникнуть в сложные душевные движения. Но группа блокирует доступ к объективно существующей реальности: она сама обладает собственной внутренней «реальностью». В ней циркулирует обмен мнениями, не имеющими ничего общего с подлинным миром; обсуждаемые идеи все более отдаляются от действительности, практика перестает играть какую бы то ни было роль в проверке истинности высказываемых мнений. Иные, чуждые позиции даже не выслушиваются, постепенно они перестают интересовать членов группы, и поиск смысла жизни сначала отступает на второй план, а затем полностью исключается из сферы актуальных потребностей членов группы. По мере того, как новый член сообщества осваивается в «реальности» террористической группы, он все больше утрачивает свое собственное мировидение и адекватную самооценку. Позже, после того, как «новичок» примет участие в первой нелегальной акции, проводимой группой – находясь не в центре событий, но на второстепенных, но четко зафиксированных ролях, ему уже нет дороги назад. Он не только понимает, что отступничество чревато последствиями со стороны соратников, но и испытывает нравственный дискомфорт по той причине, что его донос может повредить группе, которая, по его мнению, искренне стремится к достижению светлых и разделяемых им самим идеалов всеобщего счастья. Изоляция от внешнего мира усиливает давление группы. Новичок становится полностью зависимым от группы, он постепенно ощущает себя органической частью этой общности, в то время как реальный мир становится все более нереалистичным и переживается как нечто чуждое, отдаленное, недостойное чувства сожаления. Люди, убитые во время герильи, кажутся нелюдями, не-живыми (un-lebendig) агентами капиталистической системы. Общество воспринимается как по-прежнему фашистское, изменившее фасад, но сохранившее нечеловеческий оскал и готовое к нападению на светлые идеалы всеобщего равенства и братства. Поэтому цель разрушения правящей системы воспринимается как нечто нормальное и даже гуманное по отношению ко всему человечеству. Изоляция в группе, полагает Г. Гизеке, выступает ведущим фактором формирующего воздействия, изменяет представления человека об универсальности категорий добра и зла, размывает рамки представлений о морали, долге, обязанностях, ценности чужой жизни, благосостоянии как мере трудовых усилий.

Базовым мотивом немецкого терроризма в исполнении рафовцев теоретик считает не политические установки, что противоречит мнению бывших террористов Михаэля Баумана («Бомми») и Ганса Кляйна [3]. Политические мотивы являются продолжением личных безрадостных чувств: недовольство самим собой вызывает ненависть к политической системе; подавление не осознается как личная проблема, но остро воспринимается применительно к зарубежным освободительным движениям. В оценке политического дискурса терроризма, считает теоретик, нельзя полагаться на мнения бывших участников групп, описывающих свои мотивы террористической деятельности как благородной повстанческой. Г. Гизеке совершенно справедливо полагает, что мотивы участия в городской

партизанской борьбе – «школе политической практики революционных кадров» – различны у мужчин и женщины. Обращает на себя внимание то мало исследованное обстоятельство, что женщины – члены RAF составляли более половины активных членов организации, участвовавших в вооруженных нападениях, экспроприациях и городской герилье, и впоследствии были официально обвинены в терроризме. По мнению Г. Гизеке, столь значительное число женщин-террористок объясняется стремлением освободить арестованных товарищей и любимых. Истинные мотивы участия в террористических акциях лиц обоего пола, а также способствовавшие этому предпосылки, не могут быть определены однозначно. В них в той или иной степени реализуются представления молодых людей о слабости государства при реализации своей магистральной стратегии развития. Условиями существования террористических установок теоретик считает не вовсе не сферу реальной политики, в которой ежедневно происходят невидимые для простого гражданина сложные динамические процессы, а сферу политической культуры и систему нравственных ценностей населения. Г. Гизеке предпринимает попытку сформулировать теоретические положения, определяющие специфику ментальных оснований и социальной ситуации лиц и побуждающих их к участию в деятельности экстремистских организаций. С определенной долей условности они могут быть сведены к следующим позициям.

1. Обращаясь к проблемам приоритетов и ценностей, педагог отмечает, что в современном обществе изменился общий вектор оценки феномена успешности в контексте формирования идеологии общества потребления. Новая совокупность общественных отношений, в основе которых лежит принцип индивидуального потребления, наряду с положительными моментами, имеет и отрицательные черты. Прежде всего, утрачивают влияние традиционные установки, связанные с уважением трудового пафоса, близкого к идейным установкам протестантизма в части безоговорочного уважения ко всем людям, в том числе и выполняющим неквалифицированную, но полезную обществу работу. Г. Гизеке отмечает, что парадоксальным образом возникло протестное студенческое движение «новых левых», отразившее ментальные установки западногерманской студенческой молодежи, получающей высшее образование в унифицированных условиях и сомневающейся в своих профессиональных перспективах благодаря массовости подготовки специалистов. С одной стороны, «новые левые» выступали против бездуховности общества потребления, унификации культуры, переходящей в разряд массовой и «одноразовой». С другой стороны, рассматривая высшее образование как социальный лифт, автоматически поднимающий к новому качеству жизни, молодежь устремила свои помыслы к новым горизонтам потребления, но не всегда мыслила себя тонкой интеллектуальной прослойкой, двигающей прогресс. Протест против самой возможности не воспользоваться плодами полученного образования в силу того, что увеличивается число образованных специалистов, стал питательной средой для недовольства, вылившегося в студенческие волнения.

Рассуждения Г. Гизеке касаются оценки утверждения многих мыслителей послевоенного времени о том, что в молодежной среде утрачивается идея самоограничения. Через СМИ культивируется идея поддержания личного статуса через обладание новыми товарами, обесценивается скромный и настойчивый труд, позволяющий приобрести необходимые, практичные, но не самые престижные вещи, подвергаются сомнению установки на бережливость и сохранность приобретенного в пользу расширения новых потребительских горизонтов. С этими тенденциями Г. Гизеке связывает «бесконечную потерю “Я”». По его глубокому убеждению, человек, попадающий под влияние массовой культуры потребления, уже не стремится познать себя, определить границы разумного и дозволенного, он попадает под влияние других, утрачивая способность к критичной самооценке. Террористическая деятельность в данном случае выступает лишь одной из возможностей расширения опыта некритического отношения к себе самому и действительности.

2. Определенную негативную роль играет гуманная в своей основе концепция современной «терапевтической» школы, культивирующей идею радостного, но не основанного значительной концентрации интеллектуальных усилий учения. Г. Гизеке осуждает образовательные практики, не завершающиеся самостоятельным выполнением домашних заданий. Кроме того, распространенное отношение к обучению как процессу равноценного взаимообмена в рамках установки «Ты получишь ровно столько, сколько я получу от тебя» сковывает продуктивную активность и инициативу, ограничивает альтруистические проявления и способность к самопреодолению. В этой бездумности школьной практики и предопределенности оценки поведения в период обретения первого социального опыта легко формируется недовольство, а затем и более четко выраженное протестное настроение, которое легко подхватывается представителями экстремистских или террористических организаций, предлагающими в качестве альтернативы идеи освободительного движения, борьбы за что-то или против чего-либо.

3. Важным для Г. Гизеке является вопрос о том, как в образовательном процессе осуществляется доступ к познанию объективной реальности, как формируются, а в дальнейшем и реализуются представления об окружающей действительности. При оценке данных аспектов деятельности всех образовательных учреждений, Г. Гизеке утверждает, что не только школьники, но и студенты существуют в какой-то «искусственной среде», являющейся продуктом конструктивной деятельности педагогов. Обучающиеся, по его глубокому убеждению, пребывают в иллюзорном мире, лишь в каких-то своих аспектах моделирующем реальные процессы, явления, состояния и пр. Не непосредственное включение в реальную практику, а формирование способности к мышлению о жизненных реалиях становится сутью образовательного процесса. В этом отношении террористические группы и организации предлагают качественно иной, подлинно экзистенциальный жизненный опыт, реально насыщенный действием, страхом, позволяющий на примере личной включенности осознать значимость феноменов «жизнь» и «смерть», эмоционально пережить многогранность практики борьбы и противостояния реальной государственной

машине со всеми ее атрибутами. В итоге обретается такое новообразование, как реальный опыт, его значимость неоспорима, оценивается как личное достоинство и величайшая ценность.

Обращение Г. Гизеке к проблемам терроризма и возможностям их педагогической превенции позволяет отнести к обозначенной им пятьдесят лет назад проблематике как ценному источнику сведений о явлениях, лишь недавно вошедших в отечественную социальную практику. Изучение проблемы педагогической превенции в трудах зарубежных исследователей может внести новые логические и содержательные акценты в понимание данной проблемы в целях модернизации отечественной социально-политической, экономической, геокультурной и образовательной практики.

Литература

1. Giesecke H. Auf dem Weg zu einem sozialistischen Bildungsideal // West-Ost-Berichte. – H. 10/1958. – S. 161–166.
2. Giesecke H. Wie und warum wird man Terrorist // Notausgänge. – Hannover: Fackelträger-Verlag, 1980. – S. 149–156.
3. Notausgänge. – Hannover: Fackelträger-Verlag, 1980. – 211 s.

Фоменко В.Т., Абакумова И.В.

Ценностно-смысловые установки как компонент формирования антитеррористического мышления

Для разработки дидактической модели направленного формирования ценностно-смысловых установок необходимо в качестве теоретического основания разработать модель убеждающей коммуникации, дающую возможность ученику не просто понимать значения, заключенные в учебном содержании, подлежащем усвоению, но и воспринимать его на уровне ценностно-смыслового принятия как процесса интериоризации содержания педагогической ситуации, приводящей к возникновению у ученика актуализированного мотива реализации учебной деятельности. Направленное воздействие со стороны учителя нивелирует эффект когнитивного диссонанса в учебном процессе, при котором ученик преодолевает противоречие между познаваемым учебным содержанием и ценностями индивидуального мира.

Ключевые слова: *установки, ценностно-смысловые установки, технологии направленной трансляции, транслятор, реципиент, убеждающее воздействие.*

Гуманистическая направленность реформ современного российского образования как идея времени отчетливо осознается всеми общественными и государственными институтами. Современные отечественные психолого-педагогические теории и концепции (Асмолов А.Г., Братченко С.Л., Богоявленская Д.Б., Зинченко В.П., Леонтьев Д.А., Слободчиков В.И., Петровский В.А., Фельдштейн Д.И.) отдают предпочтение образовательным целям, ориентированным на духовное и ценностно-смысловое развитие учащихся. Между тем в последние годы обостряется противоречие между образовательными целями, ориентированными на личностные и духовные ценности как приоритет развития учащихся и существующими в реальности приоритетными ценностями в молодежной среде.

В последние годы ряд исследований по общей и педагогической психологии позволили утверждать, что в качестве важнейших факторов развития личностной сферы можно рассматривать его смысловые характеристики, уровни смыслового развития. Смысловая сфера человека (от первичных личностных смыслов до высших смыслов, составляющих основу смысложизненной ориентации и интегральной саморегуляции любой личности, в том числе и развивающейся, становящейся личности школьника) оказываются той высшей инстанцией, которая подчиняет себе все его другие жизненные проявления, определяет направленность и пристрастность человеческого познания.

В ряде авторитетных психолого-педагогических работ говорится, не просто о гуманизации учебного процесса, а прежде всего, о необходимости целенаправленного формирования смысложизненных ориентаций в подростковом возрасте в условиях гуманистических преобразований социальной среды, создания

условий для развития культурных и нравственных ценностей в молодежной среде (А.А. Деркач, И.В. Дубровина, Д.И. Фельдштейн).

Особый раздел проблем связан с разработкой таких методов и технологий, которые инициируют смыслообразование учащихся. В процессе их создания, необходимо выявить не просто психологический механизм раскрытия смысла в постигаемом учебном содержании, но и показать как «раскристаллизованный» смысл, влияет на личностную готовность воспринимать последующий материал на ценностно-смысловом уровне, как возникает ценностно-смысловая установка в учебном процессе, достигая при этом синектического осмысления, когда разнокачественное вдруг приобретает свойства единого, целостного (благодаря полимодальной природе самого смысла). Однако в психолого-педагогической литературе пока еще нет системных целостных исследований, ориентированных на раскрытие функционирования смысловых установок в специфическом многомерном учебном контексте.

На начальном этапе предлагается формирование установки. Установка – готовность, предрасположенность субъекта, возникающая при предвосхищении им появления определенного объекта и обеспечивающая устойчивый целенаправленный характер протекания деятельности по отношению к данному объекту. Понятие установки первоначально было введено в экспериментальной психологии немецкими психологами для обозначения обусловленного прошлым опытом фактора готовности действовать тем или иным образом, определяющего скорость реагирования на воспринимаемую ситуацию и некоторые иллюзии восприятия (Г. Мюллер, Т. Шуман), а также для описания, возникающего при постановке задачи неосознаваемого состояния готовности, обуславливающего направленность различных психических процессов. Позднее понятие социальной установки – аттитюда – вводится в социальную психологию и социологию для обозначения субъективных ориентаций индивидов как членов группы (или общества) на те или иные ценности, предписывающих индивидам определенные социально принятые способы поведения (У. Томас, Ф. Знанецкий). В качестве объяснительного принципа изучения психических явлений установки наиболее глубоко разработана Д.Н. Узнадзе и его школой.

В социальной психологии установка используется при изучении отношений личности как члена группы к тем или иным социальным объектам, механизмов саморегуляции, устойчивости и согласованности социального поведения, процесса самореализации и изменения установки, например, под влиянием пропаганды, а также при прогнозировании возможных форм поведения личности в определенных ситуациях.

Функция установки, ее эффекты и содержание раскрываются при изучении ее роли в регуляции деятельности. Основные функции установки в деятельности: а) установка определяет устойчивый, последовательный, целенаправленный характер протекания деятельности, выступает как механизм ее стабилизации,

позволяющий сохранить ее направленность в непрерывно изменяющихся ситуациях; б) установка освобождает субъекта от необходимости принимать решения и произвольно контролировать протекание деятельности в стандартных, ранее встречавшихся ситуациях; в) установка может выступить и в качестве фактора, обуславливающего инертность, косность деятельности и затрудняющего приспособление субъекта к новым ситуациям. Эффекты установки непосредственно обнаруживаются только при изменении условий протекания деятельности. Вследствие этого общим методическим приемом изучения феноменов установки является прием «прерывания» деятельности. Содержание установки зависит от места объективного фактора, вызывающего эту установку, в структуре деятельности. В зависимости от того, на какой объективный фактор деятельности направлена установка (мотив, цель, условие деятельности), выделяются три иерархических уровня регуляции деятельности – уровни смысловых, целевых и операциональных установок. Смысловая установка выражает проявляющееся в деятельности личности отношение ее к тем объектам, которые имеют личностный смысл. По происхождению смысловые установки личности производны от социальных установок.

Смысловые установки содержат информационный компонент (взгляды человека на мир и образ того, к чему человек стремится), эмоционально-оценочный компонент (антипатии и симпатии по отношению к значимым объектам), поведенческий компонент (готовность действовать по отношению к объекту, имеющему личностный смысл). С помощью смысловых установок индивид приобщается к системе норм и ценностей данной социальной среды (инструментальная функция), они помогают сохранить статус-кво личности в напряженных ситуациях (функция самозащиты), способствуют самоутверждению личности (ценностно-экспрессивная функция), выражаются в стремлении личности привести в систему содержащиеся в них личностные смыслы знаний, норм, ценностей (познавательная функция).

В процессе формирования антитеррористического мышления должны использоваться технологии направленного формирования ценностно-смысловых установок, ориентированные на особенности развития смысловых ориентиров тех, кто знакомится с ее содержанием. При этом должны быть сформированы:

- операциональные ценностно-смысловые установки, которые проявляют свою регулятивную функцию в готовности к негативной оценке терроризма;
- целевые установки, которые реализуются в стремлении согласовывать выбор целей и присвоения содержания антитеррористической деятельности на личностном уровне;
- мотивационные установки, которые проявляются в устойчивой тенденции к образованию категориального аппарата и языка антитеррористического мышления, стремлении вести себя в соответствии с представлениями «Каким я хочу быть».

Смысловой установке должна предшествовать *перцептивная положительная установка* (по терминологии Панасюка А.Ю. – установка на восприятие), которая активизирует познавательный интерес того, кто является субъектом воздействия, воздействует на его эмоциональную сферу («Интересно послушать, что он скажет», «Интересно посмотреть, что это такое»). Перцептивная установка не тождественна *смысловой установке*, которая актуализирует глубинное понимание «хочу докопаться до истины, хочу узнать, что за этим скрывается». Иначе говоря, установка человека на восприятие и усвоение предлагаемого содержания еще не означает, что у него есть смысловая установка (он может воспринимать ее отнюдь и не пристрастно). Но если у человека есть смысловая установка, то ей обязательно предшествует перцептивная.

Смысловая установка обеспечивает не просто понимание или усвоение изучаемого содержания, но, что самое основное, выводит знание на уровень личного присвоения, личного принятия.

Для реализации технологий направленного воздействия в реальной практике информационно-пропагандистской работы должны быть разработаны методы реализации технологий, которые станут реальным руководством для тех, кто не просто является носителем ценностей антитеррористического мышления (транслятор), но и ведет практическую работу по презентации этих ценностей в различных группах населения (респонденты).

Формирование ценностных установок антитеррористического мышления. В процессе убеждения установка того, кого убеждают (респондент), может проявляться в разных типах, как по способу формирования, так и по особенностям влияния на специфику смыслового взаимодействия транслятора (того, кто убеждает) и респондента. В процессе разработки технологии направленной трансляции ценностно-смысловых установок в информационно-пропагандистской работе необходимо использовать механизмы смысловой интерференции (как усиление и увеличение смысловой тождественности между ними) как механизм расширения совместного ценностно-смыслового пространства (транслятора и респондента), который определяется двумя взаимосвязанными, но и противоположно направленными процессами:

- персонализацией как процесса передачи ценностно-смысловых характеристик в процессе формирования собственного образа мира, как интенция экстернизации концепции «Я» и самоотношения;
- персонификацией как процесса порождения личностных ценностей за счет проникновения к смыслам и ценностям транслятора при включении им ценностей антитеррористического мышления в собственный образ мира.

Методы реализации технологий убеждающего воздействия при формировании антитеррористического мышления респондентов.

Для успешного развития ценностных ориентаций респондентов необходимо использовать технологии направленного воздействия на респондентов как систему, которая позволит убедить его в личной ценности общественных норм

и способов поведения, позиционируемых обществом как позитивные. Чтобы перевести убеждающую информацию, являющуюся пока ценностью лишь для транслятора, в лично значимую и для респондента, последнему необходимо показать, что основанные на этой информации действия и поступки не только не будут противоречить его ценностным ориентациям, но и будут способствовать удовлетворению его определенных потребностей и соответствовать его ценностным ожиданиям.

Методы убеждения включают в себя:

- задачи на смысл;
- преодоление ценностно-смысловых барьеров;
- установки позитивного ожидания, которые ставят респондента в позицию смысловой актуализации, когда тот смысловой след, который остался от предшествующего опыта принятия ценностей, из потенциальной формы переходит в актуализированную, осознаваемую и вербализуемую.

Убеждающее воздействие со стороны транслятора ценностей антитеррористического мышления имеет несколько вариантов, логика реализации которых в процессе убеждения как раз и определяется смысловой установкой, ранее сформированной у респондента транслятором. Наиболее вероятными являются следующие траектории убеждающих воздействий:

- предъявление транслятором содержания подлежащего освоению – соотнесение респондентом элементов предъявленного содержания с собственным информационным фондом – понимание респондентом содержания – соотнесение респондентом ценностей содержания с собственной системой ценностей – соотнесение ценностных характеристик транслятора с собственной системой ценностей – принятие позиции транслятора – принятие ценностных центраций, презентуемых транслятором в осваиваемом содержании – завершение убеждающего воздействия соотнесение респондентом ценностей содержания с собственной системой ценностей («синхронизация смысловых полей» транслятора и респондента);
- предъявление транслятором содержания, подлежащим освоению – соотнесение респондентом элементов содержания с собственным информационным фондом – понимание респондентом содержания – соотнесение ценностных характеристик транслятора с собственной системой ценностей – соотнесение ценностей содержания с собственными ценностями – рассогласование между ценностями предлагаемым для личного принятия и системы личностных ценностей самого респондента – формирование транслятором аттракции – принятие респондентом ценностных центраций, презентуемых транслятором в осваиваемом содержании завершение убеждающего воздействия как соотнесение транслятором ценностей содержания с собственной системой ценностей («синхронизация смысловых полей» транслятора и респондента) (Нестеренко И.Е., 2009).

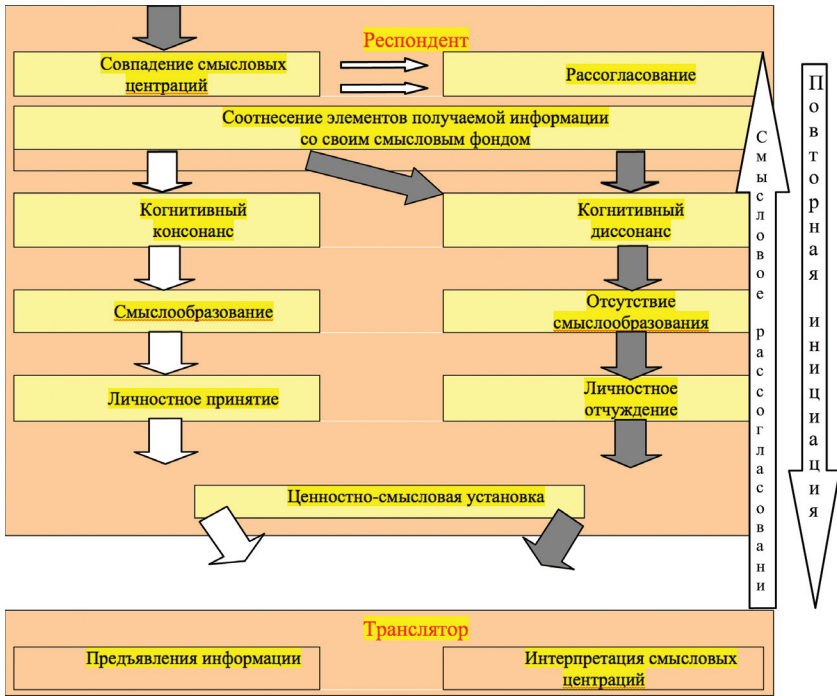

Рис. 1. Смысловое взаимодействие

Методы направленного воздействия на личность респондента необходимо рассматривать в контексте культурного, образовательного и психологического аспектов личности транслятора (того, кто ведет агитацию). Любая технология направленного воздействия преломляется через личность транслятора, его приверженность культурным традициям, определяя специфику убеждающего воздействия. Личность транслятора выступает основным элементом окружающей социокультурной среды, которая воздействует на личность респондента в ходе информационно-пропагандистского процесса. Приверженность тем или иным ценностям, культурным традициям, мировоззренческие позиции, психологические характеристики транслятора, выступающие в едином слове его индивидуальности, обуславливают направление и полюс воздействия и взаимодействия с респондентами.

При использовании методов убеждающих воздействий транслятор должен учитывать следующие *рекомендации*:

- респонденты в процессе формирования антитеррористического мышления решают и осваивают проблемы, имеющие для них определенную личностную ценность;

- транслятор чувствует себя по отношению к респондентам конгруэнтно, то есть проявляет себя таким человеком, какой он есть, выражая себя свободно;
- транслятор проявляет положительное отношение к респондентам, принимает их такими, каковы те есть;
- транслятор проявляет смысловую эмпатию к респонденту, что означает способность проникать в его внутренний мир, понимать его ценности и личностные смыслы, смотреть его глазами, оставаясь при этом самим собой;
- транслятор играет роль помощника и стимулятора личностно-центрированного респондента, создает психологический комфорт и свободу для него, установки антитеррористического мышления должны быть центрированы на его смысловых ценностях и перспективах развития.

Литература

1. Абакумова И.В., Ермаков П.Н., Рудакова И.А. Смыслоцентризм в педагогике. Новое понимание дидактических методов. – Ростов-на-Дону, 2006. – 312 с.
2. Воскобоев А.И. Технологии убеждающего воздействия: особенности применения в практике учебного процесса // Северо-Кавказский психологический вестник. – 2009. – № 4. – С. 67–72.
3. Абакумова И.В., Кагермазова Л.Ц. Смысловые коммуникации в учебном процессе: теория и технология направленной трансляции смыслов в обучении. – Нальчик: Изд-во КБГУ, 2008. – 312 с.
4. Каракозов Р.Р. Организация смыслопоисковой активности человека как условие осмысления жизненного опыта // Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии / под ред. Д.А. Леонтьева – М.: Смысл, 1997. – С. 257–273.

Шкурко Т.А., Гольдин О.С.

Личностные и социально-психологические факторы
боеготовности воинских подразделений –
участников контртеррористических операций

В статье приведены результаты эмпирического исследования личностных и социально-психологических факторов боеготовности отрядов быстрого реагирования и подразделений обеспечения сводного батальона пункта управления объединенной группировки войск в Чеченской республике. Показано, что личностные характеристики, межличностные потребности военнослужащих и ряд особенностей межличностных отношений в военных коллективах обуславливают тип боеготовности воинского подразделения. В результате проведенного исследования описан социально-психологический портрет молодого солдата-срочника – участника контртеррористической операции в Чечне.

Ключевые слова: *социально-психологические факторы боеготовности воинских подразделений, межличностные потребности, потребность в контроле, уровень субъективного контроля, социально-психологический портрет участника контртеррористической операции.*

В настоящее время, время постоянной террористической угрозы и локальных антитеррористических операций, внимание исследователей обращено к анализу психологических факторов боеготовности непосредственных участников контртеррористических операций. Анализ литературы показывает, что усилия исследователей сосредоточились, прежде всего, на вопросах неуставных взаимоотношений, неформального лидерства, сплоченности и устойчивости воинских коллективов, особенностях стиля руководства командиров. Недостаточно изучены социально-психологические особенности личности военнослужащих и боевых групп в условиях выполнения служебно-боевых задач и непрерывного боевого дежурства в районах военных действий, особенности поведения военнослужащих в бою. В Чеченской республике при выполнении служебно-боевых задач подразделениям быстрого реагирования в структуре внутренних войск отведена первостепенная роль в отражении возможных атак террористов, в пресечении диверсионных актов, в выполнении задач, возникающих при чрезвычайных обстоятельствах. Таким образом, роль «человеческого фактора» при проведении контртеррористических операций чрезвычайно повышается. В этой связи актуальной задачей является изучение межличностных отношений в подразделениях быстрого реагирования, социально-психологического климата в данных коллективах, личностных характеристик военнослужащих – членов подразделений быстрого реагирования. Ниже приводятся результаты нашего исследования, которое проводилось в 2005 году на базе сводного батальона, выполняющего задачи по охране и обеспечению пункта управления объединенной группировки войск, дислоцирующихся в населенном пункте Ханкала Чеченской республики.

Цель нашего исследования: изучить личностные и социально-психологические факторы боеготовности подразделений быстрого реагирования и подразделений обеспечения сводного батальона пункта управления объединенной группировки войск в Чеченской республике. В качестве объекта исследования выступили военнослужащие сводного батальона по охране и обеспечению пункта управления объединенной группировки войск в Чеченской республике, в количестве 138 человек в возрасте 19–20 лет. Выборку составили 2 группы. В первую группу вошли 78 военнослужащих подразделений быстрого реагирования, ежедневно выполняющих боевые задачи по охране и обороне пункта управления, находящиеся в повышенной боевой готовности. Во вторую группу вошли 60 человек подразделений обеспечения. Все участники исследования – военнослужащие по призыву.

Гипотезой исследования выступило предположение, что личностные характеристики, межличностные потребности военнослужащих и ряд особенностей межличностных отношений в военных коллективах обуславливают тип боеготовности воинского подразделения.

Методы исследования. 1. Цветовой тест отношений (А.М. Эткинд, 1987). 2. Опросник межличностных отношений В. Шутца, адаптированный А.А. Рукавишниковым (1992), использовался с целью диагностики степени выраженности ряда основных социальных потребностей личности: потребности принадлежать к различным социальным группам, потребности контролировать других, потребности в близких эмоциональных отношениях, потребности в том, чтобы другие включали субъекта в свою деятельность, потребности в контроле со стороны других и потребности в том, чтобы другие люди устанавливали близкие отношения. 3. 16-факторный опросник Р. Кеттела. 4. Социометрический тест (непараметрическая процедура) – применен в целях определения позитивного и негативного социально-психологического статуса военнослужащих, а также особенностей межличностных отношений в подразделениях. В качестве позитивного и негативного критериев были сформулированы следующие вопросы: «С кем из членов группы (батальона) вы хотели бы...» и «С кем из членов группы (батальона) вы не хотели бы пойти в бой?». Количество выборов не ограничивалось. Не учитывалась также очередность выборов. 5. Методика «Уровень субъективного контроля» Е.Г. Ксенофоновой (1999). С целью выяснения значимости различий между изучаемыми параметрами у военнослужащих подразделений быстрого реагирования и подразделений обеспечения был использован U критерий Манна-Уитни.

Сравнительный анализ личностных характеристик, межличностных потребностей, особенностей межличностных отношений в коллективе и частично неосознаваемых отношений к ряду важнейших персон и понятий, социально-психологического статуса военнослужащих отрядов быстрого реагирования и подразделений обеспечения показал, что между ними есть ряд существенных различий.

Во-первых, бойцы отрядов быстрого реагирования отличаются от военнослужащих подразделений обеспечения по уровню интернальности (показатель

«интернальность общая», средний ранг 1 группы = 75,35, ср. ранг 2 гр. = 61,9, $Z = -1,964$, уровень значимости = 0,05). Бойцы отрядов быстрого реагирования, находящиеся в постоянной боевой готовности, имеющие опыт участия в контртеррористических операциях, уверены, что силы, влияющие на судьбу человека, находятся внутри них, они считают в первую очередь самих себя ответственными за свою жизнь, а не какие-то внешние силы или других людей. Полученные по данной шкале результаты подтверждают и еще ряд существенных различий между изучаемыми группами: по субшкале «Я» (влияние на испытуемого его личного опыта) ср. ранг 1 гр. = 78,22, ср. ранг 2 гр. = 58,17, $Z = -2,939$, уровень значимости = 0,003; субшкале «МК» (компетентность в межличностном общении) ср. ранг 1 гр. = 76,02, ср. ранг 2 гр. = 61,03, $Z = -2,216$, уровень значимости = 0,027; шкале «ОА» (отрицание активности) ср. ранг 1 гр. = 61,88, ср. ранг 2 гр. = 79,4, $Z = -2,573$, уровень значимости = 0,01; субшкале «ДС» (готовность к самостоятельному планированию, осуществлению деятельности и ответственности за нее) ср. ранг 1 гр. = 74,90, ср. ранг 2 гр. = 62,47, $Z = -1,832$, уровень значимости = 0,067. Полученные данные позволяют глубже понять природу интернальности у испытуемых первой группы. Бойцы отрядов быстрого реагирования, в отличие от военнослужащих обеспечения, являются убежденными интерналами, причем не только на уровне мировоззрения, но и на уровне готовности к деятельности. Они готовы самостоятельно планировать, осуществлять деятельность и брать ответственность за нее. Военнослужащие подразделений обеспечения имеют гораздо более выраженные показатели по обратной шкале «Отрицание активности» и скорее склоняются к выводу о неразумности, бессмысленности осуществления активности, неспособной привести к положительному результату. Также значимые различия по субшкале «Я» позволяют сделать вывод о том, что на интернальность испытуемых первой группы повлиял, в первую очередь, их личный опыт. Различия по субшкале «МК» показывают, что военнослужащие отрядов быстрого реагирования в большей степени, чем бойцы подразделений обеспечения считают себя компетентными в межличностных отношениях.

Во-вторых, сравнительный анализ показателей, полученных по 16 факторам Кеттелла, обнаружил значимые различия по двум из них: по фактору М (мечтательность/практичность) ср. ранг 1 гр. = 79,1, ср. ранг 2 гр. = 57,02, $Z = -3,319$, уровень значимости = 0,001, и фактору Q2 (нонконформизм/конформизм) ср. ранг 1 гр. = 74,8, ср. ранг 2 гр. = 62,61, $Z = -1,848$, уровень значимости = 0,065. Полученные данные были несколько неожиданны для нас, так как мы предполагали, что в отрядах быстрого реагирования, находящихся «на острие атаки», постоянно рискующих жизнью, оказываются люди более смелые, эмоционально устойчивые, уверенные в себе и т.п. Результаты исследования рисуют несколько иной, романтический портрет участника непосредственных контртеррористических операций: он, в отличие от практичных, прагматичных, осторожных, реалистичных военнослужащих подразделений обеспечения, более мечтателен, имеет развитое воображение и собственный внутренний мир, более самодостаточен и самомотивирован. Эти

военнослужащие более идеализируют военные действия, питают героические мечты. При общении с этой категорией солдат заметна их готовность к подвигу, стремление рваться в бой. В дополнение к этому, получены близкие к значимым различия по фактору Q2 (конформизм-нонконформизм). Военнослужащие отрядов быстрого реагирования предпочитают собственные решения, независимость, следуют по выбранному ими самими пути, сами желают принимать решения и сами стараются действовать, более самостоятельны. Солдаты подразделений обеспечения более зависимы от группы, следуют общественному мнению, предпочитают и работать, и принимать решения вместе с другими людьми, ориентируясь на социальное одобрение. При этом зачастую у них отсутствует инициатива в принятии решений. Полученные в исследовании данные согласуются с выводами, сделанными Г.Ю. Фоменко на выборке сотрудников силовых ведомств, показавшей, что особенности существования личности в экстремальной ситуации определяет ее модус бытия: предельный или экстремальный [3].

В-третьих, сравнительный анализ социально-психологических потребностей у военнослужащих первой и второй групп выявил значимые различия 2 видов потребностей: потребности во включении в различные социальные группы по инициативе других людей (ср. ранг 1 гр. = 63,98, ср. ранг 2 гр. = 76,68, $Z = -1,874$, уровень значимости = 0,061) и потребности в контроле со стороны других людей (ср. ранг 1 гр. = 63,79, ср. ранг 2 гр. = 76,93, $Z = -1,940$, уровень значимости = 0,052). Таким образом, социально-психологические потребности бойцов отрядов быстрого реагирования отличаются от военнослужащих подразделений обеспечения в сферах «включения» и «контроля» на уровне требуемого от других поведения. Военнослужащие отрядов быстрого реагирования имеют более низкий показатель выраженности потребности во включении, предпочитая общаться с малым количеством людей, что характерно для членов «замкнутой» на своих задачах группы, ежедневно выполняющей разнообразные боевые задачи. Военнослужащие подразделений обеспечения, напротив, имеют более выраженную потребность быть принятыми остальными и принадлежать к ним. Значимые различия, полученные в сфере контроля, позволяют заключить, что военнослужащие отрядов быстрого реагирования имеют значительно более слабо выраженную потребность в зависимости, в контроле со стороны других людей, в том, чтобы кто-то другой принимал решения и брал на себя ответственность. Личный состав подразделений обеспечения более подвержен контролю со стороны других, они более зависимы, колеблются при принятии решений.

В-четвертых, изучение частично неосознаваемых отношений к значимым персонам и понятиям у военнослужащих обеих исследуемых групп не выявило значимых различий в интенсивности отношений к своему коллективу, к службе в армии, к службе по контракту, к командиру батальона, к своему командиру взвода (подразделения), к жизни, к смерти, к любви, к дружбе, к угрозе жизни. Мы предполагали, что ребята, постоянно подвергающие свою жизнь опасности, лицом к лицу встречающиеся в бою с террористами, имеют какую-то особенную

систему отношений к общечеловеческим ценностям, своим товарищам и опасности. Значимые различия обнаружены лишь по показателю «Служба в Ханкале» (ср. ранг 1 гр. = 62,51, ср. ранг 2 гр. = 78,58, $Z = -2,371$, уровень значимости = 0,018), причем отношение к службе в Ханкале более позитивное у личного состава тыловых подразделений, не выезжающего на боевые задания. Эти данные согласуются и с другими известными опросами, показывающими, что военнослужащие тыловых подразделений высоко ценят службу в Ханкале.

Особый интерес вызывают результаты социометрической процедуры, по результатам которой были выстроены социометрические матрицы на каждое из восьми участвовавших в исследовании подразделений. В процессе исследования военнослужащие отрядов быстрого реагирования делали социометрический выбор из числа своих товарищей по подразделению, тогда как в подразделениях обеспечения социометрические выборы военнослужащих распространились на весь батальон. Наиболее высокий социометрический статус имели военнослужащие самого боевого подразделения в батальоне – разведывательного взвода. Положительный социометрический статус варьировался от 0,28 до 0,44, тогда как отрицательный статус был диагностирован лишь у незначительной части личного состава этого подразделения и был невелик по своему числовому выражению. Более 30 % личного состава имели взаимные выборы, что говорит о высокой сплоченности коллектива, закалившегося в ежедневном выполнении боевых задач и находящегося в постоянной боевой готовности. Это подразделение на порядок обходит все остальные испытуемые группы. Сходная картина наблюдалась и в танковом взводе. Также у военнослужащих этих двух подразделений высокий уровень эмоциональной экспансивности. Эти подразделения по особенностям межличностных отношений отличаются от всех остальных, даже от других отрядов быстрого реагирования. Это, на наш взгляд, обусловлено их боевыми задачами: разведчики и танкисты готовы выступить за пределы пункта дислокации и выполнять служебно-боевые задачи за пределами пункта управления. Они более сплочены, подразделение пронизывает сеть взаимных отношений симпатии и поддержки.

В целом, личный состав отрядов быстрого реагирования имеет более высокий социально-психологический статус, чем военнослужащие отрядов обеспечения (ср. ранг 1 гр. = 81,51, ср. ранг 2 гр. = 53,88, $Z = -4,03$, уровень значимости меньше 0,0001). Статус каждого члена группы внутри подразделений на порядок выше у военнослужащих, проходящих службу в отрядах быстрого реагирования, нежели у военнослужащих подразделений обеспечения.

Проведенное исследование показало, что ряд личностных и социально – психологических характеристик военнослужащих обуславливают уровень выполнения ими задач по боевой готовности. В первую очередь к ним относятся: высокий социально-психологический статус, интернальный локус контроля, неконформизм, мечтательность и степень выраженности потребности в контактах и контроле со стороны других людей. Полученные данные позволили создать

социально-психологический портрет молодого солдата-срочника, принимающего непосредственное участие в контртеррористической операции в Чечне. Прежде всего, это личность, берущая на себя ответственность за происходящее вокруг, независимая, мечтательная, с развитым воображением, умеющая выстраивать крепкие межличностные отношения с товарищами, с высоким социально-психологическим статусом и сниженными потребностями в зависимости и широких социальных контактах.

Литература

1. Масорин В.В. Формирование боеготовности военнослужащих в условиях вооруженных конфликтов (на примере Северо-Кавказского региона): автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Махачкала, 2002.
2. Тарасенко А.В. Социально-психологические закономерности и механизмы оптимизации деятельности военного руководителя: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. – М., 2009.
3. Фоменко Г.Ю. Личность как субъект бытия в экстремальных условиях: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. – Краснодар, 2006.

Юшко Г.Н.

Формирование гуманистического мировоззрения учащихся
как основа противодействия терроризму и экстремизму
(на примере изучения предметов естественнонаучного цикла)

В статье рассматриваются проблемы формирования гуманистического мировоззрения школьников на примере изучения предметов естественнонаучного цикла. В ней описаны этапы формирования гуманистического мировоззрения, показана роль экологического и валеологического воспитания в развитии толерантного сознания личности учащегося.

Ключевые слова: мировоззрение, взгляды, убеждения, экологическое воспитание, валеологическое воспитание

Личность человека не может развиваться вне социума. Ребенок с самого раннего возраста получает представления о мире и месте в нем человека. Эти представления формируются сначала в семье, затем в образовательном пространстве, которое представлено учреждениями дошкольного и школьного образования. В зависимости от того, насколько родители и система образования занимаются конкретным ребенком эти представления могут быть научными или не научными. Представления конкретной личности – это система взглядов и убеждений возникающая на основе индивидуального опыта.

Мировоззрение, по Д.Н. Ушакову, – совокупность взглядов, воззрений на окружающее, на жизнь, на мир, на ту или иную область бытия [6].

Предметы естественнонаучного цикла позволяют развивать научное и гуманистическое мировоззрение школьников. Учебное содержание предметов само по себе нейтрально в воспитательном значении. Изучаемые факты, законы и закономерности можно истолковывать и понимать по-разному. Воспитательную направленность учебному содержанию придает личность учителя, который активизирует внимание учащихся, строит урок таким образом (через диалог, проблемное или проектное обучение) чтобы учащиеся сами искали ответы на поставленные вопросы, формировали собственную систему понятий и убеждений. Учитель или родители при таком подходе являются лишь координаторами познания учащегося. Они занимают скрытую позицию и таким образом способствуют развитию собственного мировоззрения у ребенка.

Основой формирования научного мировоззрения учащихся является изучение теорий, законов, фактов (когнитивный компонент) и приобретение различных учебных умений (деятельностный или компетентностный компонент), которые затем переходят на уровень личностных смыслов школьника.

Например, на уроках биологии, учитель показывает хрупкость живых объектов, возможность быстро разрушить природное сообщество. При этом развивается гуманистическое мировоззрение школьников, они учатся уважать жизнь в любых ее проявлениях, привыкают к мысли о том, что нельзя покушаться на чью-то жизнь

просто из прихоти, или потому, что тебе что-либо в ней не нравится. При этом важным аспектом является признание права на существование особи, отличающейся от человека, которая может быть слабее и беззащитнее. В дальнейшем эти позиции могут переноситься и на развитие толерантности по отношению к людям других национальностей, взглядов и воззрений, что в конечном итоге способствует формированию безопасной образовательной среды.

При изучении химии также можно развивать гуманистическое мировоззрение школьников. Так, при изучении физических и химических свойств веществ, их использования человеком необходимо объяснять школьникам, что нет хороших или плохих веществ или технологий, а есть гуманная или противоправная задача их использования. Например, взрывчатку для того, чтобы погубить сотни людей можно приготовить из достаточно простых и в общем-то доступных компонентов, но эти же компоненты могут быть использованы для получения веществ, которые служат на благо человека (лекарства, удобрения и др.). Таким образом, мы показываем ребятам, что в основе человеческого деяния лежит его мировоззрение, его отношение к другой человеческой жизни.

Формирование взглядов и убеждений школьников, которые со временем перерастают в мировоззрение происходит в несколько этапов.

1. *Формирование взглядов школьника, т.е. эмоциональная оценка фактов и явлений действительности.* Учителю на этой ступени необходимо использовать такие методы, формы и образовательные технологии, которые будут способствовать развитию гуманистических взглядов учащихся на события и явления, происходящие в природе и в жизни.
2. *Формирование убеждений,* которые выступают в качестве побудительных стимулов к деятельности ученика. Убеждения складываются из суммы научных знаний и умений и жизненного опыта (жизненной позиции) школьника. На основе убеждений школьник выражает свое отношение к событию, явлению, проводит его оценку. Этот этап очень важен в формировании мировоззрения ребенка. На формирование убеждений оказывает огромное влияние родители, средства массовой информации, образовательная среда. Убеждениями в основном становятся те идеи, которые лично значимы для учащихся и которые они могут применить в реальной жизни. Убеждения могут иметь, по отношению к «другим» как позитивный, так и негативный характер. Например, смертник, который реализует теракт, убежден в своей правоте и верности идеалам своей религии. К сожалению, современные террористы, чаще всего, – это молодые люди, а значит, семья и школа не смогли сформировать у этих людей гуманистическое мировоззрение.
3. *Формирование мировоззрения школьника* на основе взглядов и убеждений. Этот процесс длится на протяжении всей жизни человека. Иногда люди слишком заостенели в своих убеждениях и не хотят меняться вслед за изменениями условий их жизни. Таких людей очень легко привлечь

в террористические организации, в секты, так как они не видят (или не хотят видеть) позитивное в окружающей действительности и им гораздо проще находиться в закрытых организациях, в которых умело манипулируют их страхами и предубеждениями.

Развитию гуманистического мировоззрения на занятиях естественнонаучного цикла, с нашей точки зрения, способствует экологическое и валеологическое воспитание.

Воздействие человека на окружающую среду уже давно перестало быть локальным и даже региональным, его последствия носят глобальный характер. «Основой развития нашего общества должна стать гармония человека и природы. Каждый человек должен осознавать необходимость гармонии с природой. Сегодня как никогда перед человечеством стоит вопрос о необходимости изменения своего отношения к природе», перехода от принципов антропоцентризма к преимущественному экоцентризму, обеспечивая соответствующее образование нового поколения [3].

Организация хорошо продуманной и личностно-ориентированной системы экологического образования учащихся, как в школе, так и в системе дополнительного образования, призвана способствовать такому переходу.

Необходимо с самого детства предоставлять учащимся экологические знания, прививать экологическое мышление и экологическую культуру. Задача эта не простая. Нужна системность, нужны эффективные методические и технологические приемы, нужен грамотный подбор экологического содержания. Все это обуславливает чрезвычайную важность проведения различного рода мероприятий (акции, субботники, волонтерская работа и др.), которые будут способствовать развитию гуманистического мировоззрения детей [2].

Экоцентрическое мировоззрение, которое является частью гуманистического, понимается нами как убежденность субъекта в том, что человек и природа есть единое целое.

При этом важно понимать, что при реализации экологического образования, в сознании учащихся одновременно существуют несколько точек зрения по отношению к природе. Антропоцентрическое и экоцентрическое мировоззрение находятся во взаимодействии в сознании учащегося, образуя некоторое смешение взглядов и понятий. Мировоззрение, включающее в себя две пограничные области – антропоцентризм и экоцентризм, подвержено влиянию соответствующих ценностных установок, вырабатывающихся у учащихся в процессе экологического и общего образования. Антропоцентрическое и экоцентрическое мировоззрение удерживаются сознанием школьника, при этом сознание учащегося ориентируется среди них и в случае возникновения определенной жизненной ситуации, связанной с необходимостью проявления определенного действия по отношению к природе, выдает целостный образ этого действия и этот целостный образ может быть антропоцентрическим либо экоцентрическим.

Школьник в ситуациях выбора определенного вида действия по отношению к природной среде не может поступать никаким другим образом, как только конструировать то, что он знает, опираясь на свой собственный опыт. Единственно то, какой выбор он сделает в соответствии со своим опытом, и составит содержание его практической деятельности по отношению к природе. Поэтому необходимо создать эколого-ориентированную среду для обучаемого, которая будет содержать в себе условия для получения школьниками определенного опыта проявления преимущественно экоцентрического мировоззрения в ситуациях выбора при практическом решении экологических задач (уборка территории, экономия воды и других природных ресурсов).

Для перехода от антропоцентрического мировоззрения учащихся к преимущественно экоцентрическому необходимо создание эколого-ориентированной среды, несущей в себе потенциальные смыслы и определенные условия, которые при появлении определенных факторов, инициируют расширение и уплотнение смысловых образований, насыщая необходимыми смыслами мировоззрение школьника и его личностные составляющие через эколого-ориентированную практическую деятельность.

Основываясь на концепции И.В. Абакумовой [1], мы считаем, что динамика смыслового развития и личностного роста учащихся порождает непрерывное взаимодействие между ситуативными, «текущими» смысловыми проявлениями и теми смысловыми структурами, которые могут претендовать на устойчивый уровень и тем самым определяют поведение смысла в его «раскристаллизации», явленности для познающего – это поле смысловой самоактуализации, поле, где смысл «вырастает» до определенного уровня от минимального до максимального состояния, от личностного смысла до личной ценности.

Таким образом, источником смыслообразования является жизненный мир человека – это мир его отношений с явно ограниченной частью действительности (Д.А. Леонтьев, К. Роджерс, В. Франкл, Н.Е. Щуркова). Одни ее фрагменты имеют для него большее значение, и замыкание на них его субъективного опыта, его жизненных отношений, является более интенсивным и динамичным, другие – меньшую значимость и отношение к ним со стороны субъекта может быть менее выразительным, третьи могут быть представлены лишь потенциально. Задача же родителей и учителей, чтобы гуманистические подходы к окружающему миру стали основополагающими для ребенка и послужили основой для развития его личностного мировоззрения.

Большое значение для развития гуманистического мировоззрения школьников имеет и валеологическое воспитание в семье и в образовательном пространстве.

Валеология подходит к здоровью человека с позиции «само» (самоосознание, самопознание, самооздоровление, самосовершенствование). Педагогическая валеология опирается на ряд принципов здоровьесотворяющего образования [по 4].

1. **Принцип природосообразности** (Коменский, Песталоцци, Пирогов, Толстой). На основе этого принципа система воспитания и образования должна строиться в соответствии с природой ребенка, с законами его развития.

На основании этого принципа, образование и воспитание необходимо строить, основываясь на трех базовых потребностях, свойственных для человека, а именно: потребность в поиске смысла жизни (которая является основой духовности личности); потребность человека в другом человеке (как возможность толерантного сосуществования в обществе); потребность в творческом самоутверждении (стремление раскрыть все задатки, заложенные в ребенке).

2. **Принцип уникальности личности.** Основываясь на этом принципе можно сформулировать основную цель современного образования – всестороннее развитие индивидуальных способностей каждого учащегося. При таком подходе каждый ребенок начинает принимать себя как данность, старается развить свои способности и задатки. При этом он начинает толерантно относиться к «другому Я», учиться уважать его личностные склонности и переживания.
3. **Принцип дополнения.** Реализация этого принципа ведет к принятию и осознанию того, что: природа творит все на земле и человека в том числе как дополнение друг к другу; каждый человек нужен другим людям, потому что для реализации своей жизненной задачи человеку нужна помощь этих людей; учащийся не может жить в информационном, социальном вакууме, он обязательно взаимодействует со сверстниками, с педагогами, родителями и др.
4. **Принцип безусловной любви.** Ответственное отношение ребенка к своему здоровью можно воспитать только в том случае, если ребенок чувствует любовь близких ему людей. С дугой стороны, отношение к себе как к ценности формирует у учащихся ответственное отношение к другим людям, к окружающей среде.
5. **Принцип проективного образования.** Реализация этого принципа предполагает освоение учащимися различных видов деятельности и формирование ключевых компетенций. Выполнение проектов стимулирует творческую активность школьников, обучает их работе в команде, формирует коммуникативную компетентность.

Развитие гуманистического мировоззрения, таким образом, является процессом длительным и непростым. Для того, чтобы сформировать гуманистическое мировоззрение необходимо учителям совместно с родителями постепенно прививать учащемуся гуманистическое отношение к природе, к окружающему миру, к людям, находящимся рядом с ним. Для этого можно использовать методы стимулирования, личностно-ориентированные технологии, проектное обучение.

Литература

1. Абакумова И.В. Обучение и смысл: смыслообразование в учебном процессе (психолого-дидактический подход) / Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 2003. – 480 с.
2. Дерябо С.Д., Ясвин В.А. Экологическая педагогика и психология. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2000.
3. Канеева И.А., Юшко Г.Н. Развитие эгоцентрического мировоззрения школьников в системе дополнительного образования // Педагогика и жизнь: международный сборник научных трудов. – Вып. 10. – Воронеж: ВГПУ, 2009. – С. 118–131.
4. Колбанов В.В., Зайцев Г.К. Валеология в школе. – СПб.: СПГУПМ, 1992.
5. Методологические и организационные подходы к проблеме валеологического образования и воспитания / под. ред. Э.М. Казина и др. – Кемерово, 1997.
6. Толковый словарь русского языка Д.Н. Ушакова: в 4 т. / под ред. Н.Ф. Татьянченко. – М.: Альта-Пресс, 2005.

Сведения о порядке подачи публикаций

В журнале могут быть опубликованы оригинальные теоретические и экспериментальные работы по различным разделам психологии, а также обзоры отечественных и зарубежных исследований.

В редакцию принимаются материалы в электр. виде в редакторе Word, набранные 14-м кеглем через 1,5 компьютерных интервала (все поля по 2,0 см), объемом от 10 до 20 страниц, включая список цитированной литературы. При наборе использовать стандартные гарнитуры шрифта: Times или Arial.

Цитированная в статье литература (автор, название, место, издательство и год издания) приводится в алфавитном порядке в виде списка в конце статьи. Литература на иностранных языках дается после отечественной. В тексте ссылка на источник делается путем указания (в квадратных скобках) порядкового номера цитируемой книги или статьи, через запятую – цитируемых страниц. Материалы для раздела «Научная жизнь» принимаются лишь в течение двух месяцев после окончания срока проведения соответствующего мероприятия (съезда, конференции, симпозиума и т.д.)

Рисунки представлять на дискете отдельными файлами в формате TIF или PCX с распечатками и перечнем подрисуночных подписей. Допускается представление рисунков в редакторе Word внутри текста статьи.

В рубрику «Молодые ученые» принимаются статьи аспирантов объемом 4-6 страниц без оплаты.

К статье прилагаются резюме объемом не более 0,5 стр. и ключевые слова, а также сведения об авторе (фамилия, имя и отчество, ученое звание, место работы и должность, служебный почтовый адрес с индексом, телефон, фотография в электронном формате TIF с разрешением не менее 300 dpi, либо фотокарточку размером не менее 10x15 см).

Материалы, направляемые в редакцию, должны быть представлены на двух языках: русском и английском (после допуска статьи к печати).

Статьи, направленные авторам на доработку и не возвращенные в редакцию к обозначенному сроку, исключаются из портфеля редакции.

По всем вопросам публикаций обращаться по адресу:
344038, Ростов-на-Дону, пр. Нагибина, 13, ком. 243,
Редакция журнала «Российский психологический журнал».
Тел. +7(863)243-15-17; факс +7(863)243-08-05
E-mail: rpj@psyf.rsu.ru

ISSN 1812-1853 • РОССИЙСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ • 2010 ТОМ 7 № 5-6

Научно-аналитическое издание

РОССИЙСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

2010

ТОМ 7 № 5-6

Сдано в набор 07.12.10. Подписано в печать 30.12.10.
Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 9,68. Бумага офсетная. Гарнитура Myriad Pro.
Печать цифровая. Тираж 1000 экз. Заказ № 19/11.

Подготовлено к печати и отпечатано DSM Group
ИП Лункина Н.В. Св-во № 002418081. г. Ростов-на-Дону, ул. Седова, 9/15.
E-mail: dsmgroup@mail.ru, dsmgroup@yandex.ru